

ВОКРУГ СВЕТА

АПРЕЛЬ 1995

**ВОСХОЖДЕНИЕ
НА МАК-КИНЛИ**

САФАРИ В КЕНИИ

**ПОТОМКИ
МАРКИЗА ДЕ САДА**

**ПОДЗЕМНЫЙ
ГОРОД СС**

ПУТЕШЕСТВИЯ • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ФАНТАСТИКА

Ежемесячный
научно-художественный
журнал
путешествий,
приключений,
фантастики

«Vokrug sveta»
(«Around The World»)
The Travels,
Adventures and SF
Magazine
(Est. 1861)

Главный редактор
Александр Полещук

Заместитель главного редактора
Владимир Лебедев

Секретариат:
Николай Непомнящий
(ответственный секретарь)
Людмила Костюкова

Редакторы:
Лидия Чешкова
(ведущий редактор)
Игорь Алчев
Лариса Боброва
Юрий Мешков
Лев Миц
Валерий Орлов
Надир Сафиев
Вера Семенова

Дизайн и верстка:
Владимир Бельтюков
(главный художник)
Ольга Бойко
Алексей Городецкий
Константин Янситов

Заведующая редакцией
Надежда Малиничева
285-89-38

Финансовая группа:
Валентина Зеленина
(главный бухгалтер)
Ирина Евдокимова
Евгения Чубуркова
285-88-09

Менеджер по распространению
Александр Ребрик
285-80-58

Операторы компьютерного набора
Марина Грязнова
Галина Пожидаева
Галина Штуль

Приемная. Справки
Любовь Андреева
285-88-83
факс 285-09-30

Приложение «Искатель»
Ответственный редактор
Евгений Кузьмин
285-88-84

Издательский дом
«Вокруг света»
Генеральный директор
Вячеслав Заверотов
285-89-36

Рекламное агентство
«Вокруг света»
Генеральный директор
Феликс Тамоян
285-80-79

Учредитель:
трудоустрой коллектив
редакции журнала

Издатель журнала:
Акционерное общество
«Редакция журнала «Вокруг света»

ISSN 0321-0669
Индекс издания 70142
© «Вокруг света», 1995

№4 АПРЕЛЬ 1995

4
Александр ЛИСКИН
ЛАГЕРЬ ДОЖДЕВОГО ЧЕРВЯ

7
Юрий БАЖЕНОВ
В ГВАТЕМАЛУ С ЧЕРНОГО ХОДА

14
В.ОРЛОВ
НА КОНЕ В СТРОЮ УЛАН

16
АКУЗЬМЕНКОВ
ОСТОРОЖНО — В ДОМЕ ВОЛК!

19
Анна-Мария МЕРЖЬЕ,
Алексей ВАСИЛЬЕВ
ПЕРЕЖИВШИЙ ЗАБВЕНИЕ

24
Артем ЗУБКОВ
В СНЕГАХ МАК-КИНЛИ

38
АДРЕС

44
Антон ПЛАТОВ
Заколдованный лес

54
ПЕСТРЫЙ МИР

56
В.ЛЕБЕДЕВ
Возвращение в саванну,
или Обыкновенное сафари в Самбуру

65
Дэннис УИТЛИ
Сокровища царя Камбиза
Роман

76
Лев МИНЦ
Ложкой, лепешкой и просто рукой

Свидетельство о регистрации журнала № 929 от 13 ноября 1990 г.

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 040058 от 20 августа 1991 г.
Цена номера по подписке 3000 руб.
Номер подписан к печати 20.02.95.

Тираж 100 тыс. экз. Экспедиционное тиража: АО «Молодая гвардия»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: РОССИЯ

История государства Российского не оставляет равнодушной современную молодежь. Немало военно-исторических самодельных клубов увлекается изучением войны 1812 года. Они не только воссоздают форму кавалерийских полков того времени, но и совершают походы верхом на лошадях по местам прошлых сражений. См. стр.14.
На снимке: Настасья Кузнецова, отличная наездница, в одеянии маркитанток, сопровождавших уланские полки российской армии той эпохи.

Фото В.ОРЛОВА

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только с согласия редакции.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

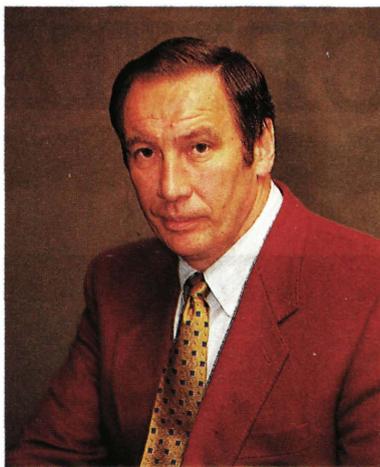
Редакция знакомится со всеми поступающими письмами, статьями и другими материалами, но, к сожалению, не имеет возможности ответить каждому корреспонденту письменно.

Ответственность за содержание публикуемой рекламы несут рекламодатели.

Адрес редакции:
125015, Москва, А-15
ул.Новодмитровская, 5а, 16 эт.

5A, Novodmitrovskaya str. Moscow, 125015,
Russia Tel. 285-88-83 Fax 285-09-30

Цветоделение и печать
Mannin Media Group Ltd,
Great Britain.

Дорогие друзья! Журнал "Вокруг света" — одно из старейших, любимых и популярных у многих поколений россиян оперативных печатных изданий — давно и прочно вошел в общественную жизнь России.

Всю свою почти 140-летнюю историю журнал хранил верность изначально выбранному направлению, занимающему умы людей всех поколений. Это — открытие окружающего мира, путешествия, приключения, защита культурного и природного наследия, вера в сильных, гордых и честных людей, борющихся за светлые идеалы добра и справедливости.

Вокруг журнала всегда кипит активная, творческая, очень интересная жизнь.

Постоянные гости редакции — выдающиеся путешественники и спортсмены нашей страны. С журналом сотрудничают талантливые писатели и ученые. "Вокруг света" — организатор многих замечательных экспедиций, спортивных праздников и других начинаний; на его страницах выступали участники знаменитых путешествий, публиковались литературные произведения, ставшие впоследствии классикой.

Начиная с этого номера, "Вокруг света" издается на новой полиграфической базе, в принципиально новом оформлении. Редакция приступает к публикации традиционной для журнала и в то же время новой темы туризма во всем его многообразии. Обращение старейшего и популярного российского журнала к такой актуальной и важной теме, как современная туристская деятельность, уверен, привлечет новых читателей, расширит кругозор давних поклонников издания. Интерес к туризму в настоящее время, когда рухнул "железный занавес" тоталитарного периода нашей истории, огромен. Миллионы наших соотечественников получили реальную возможность посещать различные страны мира. В то же время большое количество иностранных туристов приезжают в нашу страну.

Позвольте пожелать издателям и редакции любимого мною журнала, чтобы ваше детище сохранило лучшие традиции "Вокруг света" и приобрело новые качества, которые бы дали возможность новой рубрике стать интересной и близкой для новых поколений россиян.

С уважением, Шамиль ШАРИПОВ,
председатель Государственного комитета
Российской Федерации
по физической культуре и туризму

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, overlapping letters that appear to read "Sh. Sharipov".

СКУЧНО НЕ БУДЕТ!

— обещаем читателям журнала, которые подпишутся на "Вокруг света" второго полугодия 1995 года

Сегодня, когда читатель держит в руках апрельский номер «Вокруг света», в редакции полным ходом идет работа над номерами второго полугодия. Из дальних стран возвращаются корреспонденты, и на стол ложатся новые рукописи и фотографии, в кают-компаниях встречаются бывалые путешественники, делясь планами летних странствий, дотошные авторы копаются в архивах... Каждый день приносит все новые и новые темы, но главные направления, традиционные для нашего старейшего журнала, остаются неизменными. И потому мы вправе обещать читателям, что их ждут интереснейшие путешествия по всему миру, захватывающие приключения — на земле, под водой и в воздухе и, конечно, открытия, касающиеся давних тайн истории и загадочных явлений природы. Судите сами:

— «Пекин и пекинцы», «Сан-Марино», «Япония в новеллах», «Африканский экспресс идет в Момбасу», «Свет и тени Гизы», «Золото Ашаны», «Поу-воу — большой праздник североамериканских индейцев», «Незагаданные тайны Бангкока», «На каком языке говорят бретонцы?», «Чаша Нерона» — это лишь малая часть очерков, репортажей, фотоочерков о странах и народах, которые готовят наши корреспонденты и наши авторы. Полюбившаяся читателям рубрика «Дело вкуса» еще более расширит свои границы: речь пойдет и об особенностях этикета (представьте, к примеру: показывать язык — у нас это признак неуважения, а у тибетцев означает выказать почтение) и о национальных видах спорта.

— Под рубрикой «Via est vita» выступят путешественники, возвратившиеся из джунглей Амазонии, и те, кто на дне Эгейского моря будет вести поиски следов ушедших цивилизаций. О своих экспедициях расскажут также орнитологи, сплавляющиеся по заповедной реке Щучьей, фотохудожник, снимающий водопады таинственной Путораны, архангельские летчики, которые будут этой весной сбрасывать на дрейфующие льды американские автоматические метеостанции, и многие другие, кого путешествия не оставили равнодушными.

Экспедиционная тема, как всегда, будет дополнена сообщениями рубрики «Глобус», а также читательскими письмами — рассказами, постоянно поступающими в нашу «Школу выживания». В эту «школу» мы пригласим также автора только что вышедшей книги «Энциклопедия выживания», доктора медицинских наук, почетного полярика Виталия Волочича. Так что «Авантюры и происшествия» — эту рубрику очень любит читатель — обеспечены!

— Наш «Исторический розыск» продолжит тему «Золотого галеона», присутствовавшего в первой половине года, но в более широком плане: в рубрике «Летучий голландец» по многочисленным просьбам читателей будет рассказываться о загадках и тайнах морей и океанов, о затонувших судах и приключениях знаменитых кораблей, о морских экспедициях всех

времен, робинзонадах и пиратских кладах. И именно под этой рубрикой будут публиковаться почти невероятные истории французского писателя-мариниста Робера де Лакура, основанные на реальных фактах и событиях.

Другой аспект «Исторического розыска» — публикации о выдающихся русских путешественниках-моряхах, об их участии в эпопее великих географических открытий. Так, журнал предполагает отметить большую дату — приближающееся 300-летие Российского флота.

Не будет забыта и более близкая история — русская эмиграция. Сейчас идет сбор материала для продолжения темы «Белая гвардия: последний приют».

В год 50-летия окончания второй мировой войны предполагается опубликовать главы из мемуаров штандартенфюрера СС Отто Скорцени «Секретные задания РСХА»; их автор, родоначальник нацистских командос, выполнял личные задания фюрера в различных уголках Европы. Воспоминания Скорцени никогда ранее не переводились на русский язык и не менее увлекательны, чем иной приключенческий роман.

— «Неведомые тропы», «Горячая планета» — эти рубрики продолжат свою жизнь в журнале, поскольку каждый день приносит нам новую тревогу за судьбу нашей планеты и ее обитателей. И — новые загадки. В «Кают-компаниях» встретятся специалисты по призракам, оборотням-«вервольфам», привидениям и попытаются предложить своим разгадки извечных тайн.

Читателя ждет также «Антология фантастического рассказа» и захватывающий приключенческий роман английского писателя Алистера Маклина «К югу от мыса Ява», посвященный событиям второй мировой войны на Тихом океане.

Новый раздел «Адрес», впервые представленный в этом номере, станет более объемным и насыщенным информацией. О его содержании читатель может получить полное представление, прочитав в этом номере нашу «Кают-компанию».

Как всегда, читатель найдет в журнале и такие традиционные рубрики, как «Геральдический альбом», «Пестрый мир», «Теории невероятности», «Почтовый дилижанс», «Конкурс «ВС». О конкурсе — несколько слов особо. Будут продолжены уже ставшие традиционными конкурсы по странам — сейчас готовится, по просьбе читателей, второй конкурс по Индии, впереди — Новая Зеландия, Маврикий, Южная Корея, Израиль, Египет. Кроме того, в конце года, в №12, будут подведены итоги необыкновенного конкурса на лучший материал, напечатанный в журнале в 1995 году, — очерк, фотоочерк, репортаж и т.п. Разумеется, журнал будет выходить в том же объеме и в том же полиграфическом исполнении, что и этот номер.

ПРИГЛАШАЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ В КАЮТ-КОМПАНИЮ "ВОКРУГ СВЕТА"

В ПРОГРАММЕ:

- представление и обсуждение апрельского номера журнала;
- выступления сотрудников и авторов, ответы на вопросы;
- демонстрация документальных фильмов, слайдов.

Кают-компания откроется **19 апреля в 18 часов** в Центральном доме журналиста Никитский (Суворовский) бульвар, 8а, ст. м. «Арбатская».

Пригласительные билеты можно заказать, по телефонам **291-55-07** или **202-94-51**.

Редакция журнала «Вокруг света» купит подшивки и отдельные номера журнала с 1861 по 1961 год в удовлетворительном состоянии.

Тел. 285-88-83.

КАК РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ НАШИ ИЗДАНИЯ

Подписку на журнал «Вокруг света» и приложение «Искатель» на территории Российской Федерации проводит Агентство подписки и розницы (АПР) по каталогу Федерального управления почтовой связи с любого месяца. Тел./факс АПР — 200-69-51, генеральный директор Маликин Александр Владимирович.

Каталожная цена одного номера журнала по подписке на второе полугодие 1995 г. составляет 6000 руб., приложения «Искатель» — 3500 руб., трехтомной «Библиотеки «Вокруг света» — 21000 руб. Услуги почты оплачиваются подписчиком дополнительно.

АПР проводит также подписку на наши издания на территории других стран СНГ и в Эстонии.

В Латвии подписку проводит Латвийская почта, а розничной продажей занимается Латвийское государственное объединение по реализации прессы — ПИТА, в Литве — АО «Летувос — СПАУДА». В Риге подписку также можно оформить по СМ-почте, тел. 468900.

На территории других стран распространением журнала и приложения занимается АО «Международная книга» через своих контрагентов (Москва, ул. Бол.Якиманка, д.39/20, тел.238-49-67.) Можно оформить подписку и получать журналы в редакции. Тел.285-80-58.

Редакция заключает договоры на розничную продажу своих изданий с предприятиями «Роспечати» и другими юридическими лицами, продает продукцию оптом и в розницу. Используется гибкая система льгот и скидок.

Адрес редакции: **125015 Москва, ул.Новодмитровская, 5а, 16 этаж, комната 1602.** Ст. метро «Дмитровская».

Телефоны: 285-80-58, 285-88-85. Факс: 285-09-30.

Наши издания можно также найти в каталогах Агентства «Книга-сервис» и библиотечном каталоге информационно-издательского центра «Роспечать», основанных на идее адресного распространения печати.

В канун 50-летия Великой Победы предлагаем записки участника Великой Отечественной войны о загадочных подземных укреплениях, затерянных в лесах Северо-Западной Польши и обозначавшихся на картах вермахта как «Лагерь дождевого червя». Этот бетонированный и сверхукрепленный подземный город остается и до наших дней одной из terra incognita XX века.

ЛАГЕРЬ ДОЖДЕВОВОГО ЧЕРВЯ

Александр ЛИСКИН,
полковник
юстиции
в отставке

В начале 60-х годов мне, военному прокурору, довелось по срочному делу выехать из Вроцлава через Волув, Глогув, Зеленую Гуру и Мендзижеч в Кеньшицу. Этот затерянный в складках рельефа северо-западной Польши небольшой населенный пункт, казалось был вовсе забыт. Вокруг угрюмые, труднопроходимые лесные массивы, малые речки и озера, старые минные поля, надолбы, прозванные «зубами дракона», и рвы зарастающих чертополохом прорванных нами укрепрайонов вермахта. Бетон, колючая проволока, замшелые развалины — все это остатки мощного оборонительного вала, когда-то имевшего целью «прикрыть» фатерланд в случае, если война покатится вспять. У немцев Мендзижеч именовался Мезерицем. Укрепрайон, вбивавший в Кеньшицу — «Мезерицким».

В Кеньшице мне доводилось бывать и ранее. Приезжому жизни этой деревеньки почти не заметна покой, тишина, воздух напоен ароматами ближнего леса. Здесь, на малоизвестном миру пятачке Европы, военные поговаривали о тайне лесного озера Кшива, расположенного где-то рядом, в окладе глухого хвойного бора. Но никаких подробностей. Скорее — слухи, домыслы.

Помню, по старой, местами просевшей мощеной дороге едем на «Победе» в расположение одной из бригад связи Северной группы войск. Пятибатальонная бригада располагалась в бывшем немецком военном городке, скрытым от любопытного глаза в зеленом бору. Когда-то именно это место и было обозначено на картах вермахта топонимом «Regenwurmlager» — «Лагерь дождевого червя».

Водитель, ефрейтор Владимир Чернов, сверлит просалок глазами и одновременно прислушивается к работе карбюратора недавно возвращенной из капремонта легковушки. Слева песчаный откос, поросший ельником. Ели и сосны, кажется, везде одинаковые. Но здесь они выглядят угрюмо.

Вынужденная остановка. Угадываю вблизи обочины большую лещину. Оставляю ефрейтора у задранного капота и не спеша подвигаюсь по осыпному песку. Конец июля — пора сбора лесных орехов. Обходя куст, неожиданно натякаюсь на старую могилу: понерневший деревянный католический крест, на котором висит эсэсовская каска, покрытая густой паутиной трещин, у основания креста — белая керамическая банка с засохшими полевыми цветами. В негустой траве угадываю оплывший бруствер окопа, почерневшие стреляные гильзы от немецкого станкового пулемета «MG». Отсюда, вероятно, хорошо когда-то простреливалась эта дорога. Возвращаюсь к машине. Снизу Чернов машет мне руками, указывает на откос. Еще несколько шагов, и я вижу торчащие из песка укладки старых минометных мин. Их как будто растащило тальными водами, дождями, ветром: стабилизаторы затагнуло

песком, головки взрывателей торчат снаружи. Только задень... Опасное место в тихом лесу.

Минут через десять пути показалась сложенная из огромных валунов стена бывшего лагеря. Метрах в ста от нее, возле дороги, похожий на бетонный дот, серый двухметровый купол какого-то инженерного сооружения. По другую сторону — развалины, очевидно, особняка.

На стене, как бы отрезающей проезжую дорогу от военного городка, почти не видно следов от пуль и осколков. По рассказам местных жителей, затяжных боев здесь не было, немцы не выдержали натиска. Когда им стало ясно, что гарнизон (два полка, школа дивизии СС «Мертвая голова» и части обеспечения) может попасть в окружение, он срочно эвакуировался. Трудно себе представить, как можно было за несколько часов почти целой дивизии ускользнуть из этой природной западни. И куда? Если единственная дорога, по которой мы едем, была уже перехвачена танками 44-й гвардейской танковой бригады Первой гвардейской танковой армии генерала М.Е. Катукова. Первым «таранил» и нашел брешь в минных полях укрепрайона танковый батальон гвардии майора Алексея Карабанова, посмертно — Героя Советского Союза. Вот где-то здесь он и сгорел в своей израненной машине в последних числах января сорок пятого.

Кеньшицкий гарнизон запомнился мне таким: за каменной стеной — пинейки казарменных строений, плац, спортплощадки, столовая, чуть дальше — штаб, учебные классы, ангары для техники и средства связи. Имевшая важное значение бригада входила в состав элитных сил, обеспечивавших Генеральному штабу управление войсками на внушительном пространстве европейского театра военных действий.

С севера к лагерю и подступает озеро Кшива, по величине сравнимое, например, с Черемнацким, что под Санкт-Петербургом или подмосковным Долгим.

Изумительное по красоте, киньшицкое лесное озеро по-сюду окружено знаками тайны, которой, кажется, здесь пропитан даже воздух. С 1945 и почти до конца пятидесятых годов место это находилось по сути дела лишь под присмотром управления безопасности города Мендзижеч, — где, как говорят, по службе его курировал польский офицер по фамилии Телютко, — да командира дислоцированного где-то рядом польского артиллерийского полка. При их непосредственном участии и была осуществлена временная передача территории бывшего немецкого военного городка нашей бригаде связи. Удобный городок полностью отвечал предъявляемым требованиям и, казалось, был весь как на ладони.

Вместе с тем осмотнительное командование бригады решило тогда же не нарушать правил расквартирования войск и распорядилось провести в гарнизоне и окрестностях тщательную

инженерно-саперную разведку. Вот тут-то и начались открытия, поразившие воображение даже бывалых фронтовиков, еще проходивших в ту пору службу.

Начнем с того, что вблизи озера, в железобетонном коробе был обнаружен заизолированный выход подземного силового кабеля, приборные замеры на жилах которого показали наличие промышленного тока напряжением в 380 вольт. Вскоре внимание саперов привлек бетонный колодец, который проглатывал воду, низвергавшуюся с высоты. Тогда же разведка доложила, что, возможно, подземная силовая коммуникация идет со стороны Мендзижеча. Однако здесь не исключалось и наличие скрытой автономной электростанции, и еще то, что ее турбины вращала вода, падающая в колодец. Говорили, что озеро каким-то образом соединено с окружающими водоемами, а их здесь немало. Проверить эти предположения саперам бригады оказалось не под силу.

Части СС, находившиеся в Лагере в роковые для них дни сорок пятого, как в воду канули.

Поскольку обойти озеро по периметру из-за непроходимости лесного массива было невозможно, и я, пользуясь воскресным днем, попросил командира одной из рот капитана Гамова показать мне местность с воды. Сели в лодчонку и, поочередно меняясь на веслах и делая короткие остановки, за несколько часов обогнули озеро; мы шли в непосредственной близости от берега. С восточной стороны озера возвышались несколько мощных, уже поросших подлеском, холмов-терриконов. Местами в них угадывались артиллерийские капониры, обращенные фронтом на восток и юг. Удалось заметить и два, похожих на лужи, маленьких озера. Рядом возвышались щитки с надписями на двух языках: «Опасно! Мины!»

— Терриконы видите? Как египетские пирамиды. Внутри них разные потайные ходы, лазы. Через них из-под земли наши радиорелейщики при обустройстве гарнизона доставали облицовочные плиты. Говорили, что «там» настоящие галереи. А что касается этих лужич, то по оценке саперов это и есть затопленные входы в подземный город, — сказал Гамов и продолжал:

— Рекомендую посмотреть еще одну загадку — остров посреди озера. Несколько лет назад часовые маловысотного поста заметили, что этот остров на самом деле не остров в обычном понимании. Он плавает, точнее, медленно дрейфует, стоя как будто на якоре.

Я осмотрелся. Плавающий остров порос елями и ивняком. Площадь его не превышала пятидесяти квадратных метров, и, казалось, он действительно медленно и тяжело покачивается на черной воде тихого водоема.

У лесного озера было и явно искусственное, юго-западное и южное продолжение, напоминающее аппендикс. Здесь шест уходил в глубину на два-три метра, вода была относительно прозрачной, но буйно растущие и напоминающие папоротник водоросли совершенно закрывали дно. Посреди этого залива сумрачно возвышалась серая железобетонная башня, явно имевшая когда-то специальное назначение. Глядя на нее, я вспомнил воздухозаборники московского метро, сопутствующие его глубоким тоннелям. В узкое окошко было видно, что и внутри бетонной башни стоит вода.

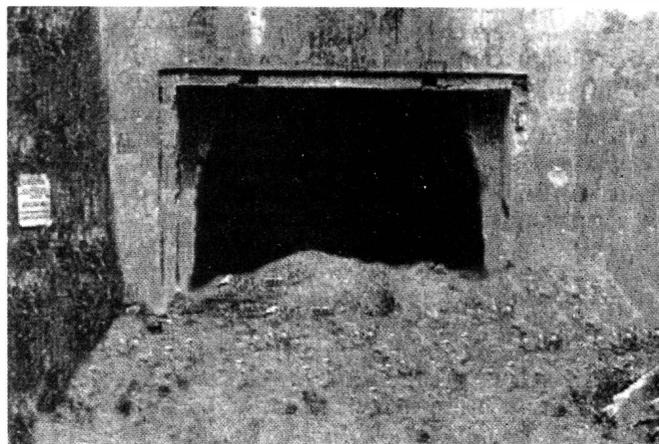
Сомнений не было: где-то подо мной подземное сооружение, которое зачем-то потребовалось возводить именно здесь, в глухих местах под Мендзижечем.

Но знакомство с Лагерем дождевого червя на этом не кончилось. Во время все той же инженерной разведки саперы выявили замаскированный под холм вход в тоннель. Уже в первом приближении стало ясно, что это серьезное сооружение, к тому же, вероятно, с разного рода ловушками, включая мины. Говорили, что как-то подвыпивший старшина на своем мотоцикле решил на спор проехать по таинственному тоннелю. Больше лихача якобы не видели. Надо было все эти факты проверить, уточнить, и я обратился к командованию бригады.

Оказалось, что саперы и связисты бригады в составе специальной группы не только спускались в него, но удалялись от входа на расстояние не менее десятка километров. Правда, никто в нем не пропадал. Итог — обнаружили несколько ранее неизвестных входов. По понятным причинам информация об этой необычной экспедиции осталась конфиденциальной.

С одним из офицеров штаба мы вышли за территорию части, и в глаза сразу бросились уже знакомые «ступени в никуда» и похожий на дот серый бетонный купол, безлико торчащий по другую сторону дороги.

— Это и есть один из входов в подземный тоннель, — пояснил офицер. — Вы понимаете, что подобные откровения могут будоражить умы. Это обстоятельство с учетом нашего правового положения в стране пребывания побудило наварить на вход в тоннель стальную решетку и броневый лист. Никаких

трагедий! Мы были обязаны их исключить. Правда, известные нам входы под землю заставляют думать, что существуют и другие.

— Так что же там?

— Под нами, насколько можно предполагать, подземный город, где имеется все необходимое для автономной жизни в течение многих лет, — ответил офицер.

— Один из участников той самой поисковой группы, созданной по приказу командира бригады полковника Дорошева, — продолжал он, — техник-капитан Черепанов, рассказывал позже, что через вон этот дот, который мы видим, по стальной винтовой лестнице они спустились глубоко под землю. При свете кислотных фонарей вошли в подземное метро. Это было именно метро, так как по дну тоннеля проложена железнодорожная колея. Потолок был без признаков копоты. По стенам — аккуратная расшивка кабелей. Вероятно, локомотив здесь двигала электроэнергия. Группа вошла в тоннель не в начале. Начало тоннеля находилось где-то под лесным озером. Другая часть была устремлена на запад — к реке Одер. Почти сразу обнаружили подземный крематорий. Возможно, именно в его печах сгорели останки строителей подземелья.

Медленно, с соблюдением мер предосторожности, поисковая группа двигалась по тоннелю в направлении современной Германии. Вскоре бросили считать тоннельные ответвления — их обнаружили десятки. И вправо, и влево. Но большая часть ответвлений была аккуратно замурована. Возможно, это были подходы к неизвестным объектам, в том числе частям подземного города. Грандиозная подземная сеть оставалась для непосвященных грозящим многими опасностями лабиринтом. Проверить его основательно не представлялось возможным. В тоннеле было сухо — признак хорошей гидроизоляции. Казалось, с другой, неведомой стороны, вот-вот покажутся огни поезда или большого грузового автомобиля (автотранспорт тоже мог там двигаться)... Со слов Черепанова, это был рукотворный подземный мир, являющий собой прекрасную реализацию инженерной мысли. Капитан рассказывал, что группа двигалась медленно, и через несколько часов пребывания под землей стала терять ощущение реально пройденного. Кому-то из ее участников пришла мысль, что исследование законсервированного подземного города, проложенного под лесами, полями и речками, — задача для специалистов иного уровня. Этот иной уровень требовал больших сил, средств и времени. По оценкам наших военных, подземка могла тянуться на десятки километров и «нырять» под Одер. Куда дальше и где ее конечная станция — трудно было даже предположить. Вскоре старший группы принял решение возвратиться. О результатах разведки доложили командиру бригады.

— Получается, сверху шли бои, горели танки и люди, — ду- мал я вслух, — а внизу жили гигантские бетонные артерии таинственного города. Такое не сразу можно представить, на- ходясь в этом угрюмом краю.

Прямо скажем, первая информация о масштабах тайного подземелья была куцей, однако, и она поражала воображение.

Как свидетельствует бывший начальник штаба бригады полковник в П.Н. Кабанов, вскоре после памятного первого об- следования из Легницы в Кеньшицу специально приехал командующий Северной группой войск генерал-полковник П.С. Маряхин, который лично спускался в подземное метро.

Позже мне довелось встречаться и неоднократно подро- бно беседовать о Лагере дождевого червя с одним из последних командиров кеньшицкой бригады, полковником В.И. Спиридоновым. Постепенно складывалось новое видение этой необычной по своим масштабам военной загадки.

Выяснилось, что в период с 1958 по 1992 годы у пятиба- тальонной бригады поочередно сменилось девять командиров и каждому из них хочешь — не хочешь приходи- лось адаптироваться к соседству с этой неразгаданной подземной территорией.

Служба Спиридонова в бригаде проходила как бы в два этапа. На первом, в середине семидесятых годов, Владимир Иванович являлся офицером штаба, а на втором — комбри- гом. С его слов почти все командующие Северной группой войск (СГВ) считали своим долгом посетить дальний гарнизон и лично познакомиться с подземными лабиринтами. По инже- нерно-саперному заключению, которое довелось читать Спиридонову, только под гарнизоном было обнаружено и обследо- вано 44 км подземных коммуникаций. У Владимира Ивановича до сих пор сохранились фотографии некоторых объектов старой не- мецкой обороны под Кеньшицей. На одной из них — вход в подземный тоннель. Офицер свидетельствует, что высота и ширина ствола подземного метро составляют примерно по три метра. Гор- ловина плавно опускается и ныряет под землю на пятидесятиметровую глубину. Там тоннели разветвляются и пересе- каются, имеются транспортные площадки-развязки. Спиридонов также указывает на то, что стены и потолок метро выполнены из железобетонных плит, пол выложен прямоугольными каменными плитами. Он лично, как специалист, обратил внимание на то, что эта тайная магистраль была пробита в толще земли в западном на- правлении, к Одеру, до которого от Кеньшицы по прямой 60 км. Ему приходилось слышать, что на участке, где подземка ныряет под Одер, туннель пригнелен. С одним из командующих СГВ Спиридо- нов опускался глубоко под землю и на армейском уазике проехал по туннелю в сторону Германии не менее 20 км.

О подземном городе, считает бывший комбриг, знал малоразго- ворчивый поляк, известный в Мендзижечке как доктор Подбельский. В конце восьмидесятых ему было едва ли не девяносто лет... Стра- сный краевед, он в конце сороковых — начале пятидесятых годов в одиночку, на свой страх и риск, через обнаруженный лаз неодно- кратно опускался под землю. В конце восьмидесятых Подбельский рассказывал, что этот стратегический объект немцы начали строить еще в 1927 году, но наиболее активно — с 1933 года, когда к вла- сти в Германии пришел Гитлер. В 1937 году последний лично прибыл в Лагерь из Берлина и, как утверждали, по рельсам секрет- ной подземки. Фактически с этого момента спрятанный город считался сданным в пользование вермахта и СС. Какими-то скры- тыми коммуникациями гигантский объект соединялся с заводом и стратегическими хранилищами, тоже подземными, расположенным в районе сел Высока и Пески, что в двух-пяти километрах запад- нее и севернее озера.

Само озеро Кшива, считает полковник, поражает своей красотой и чистотой. Как ни странно, озеро является неотъемлемой частью тайны. Площадь его зеркала составляет не менее 200 тысяч кв. м, а шкала глубин — от 3 (на юге и западе) до 20 м (на востоке). Именно в восточной его части некоторым армейским любителям рыбной ловли удавалось в летнее время при благоприятном освещении разглядеть на заиленном дне нечто, по своим очертаниям и другим особенностям напоминающее очень большой люк, получивший у военнослужащих прозвище «глаз преисподней». Так называемый «глаз» был плотно закрыт. Не его ли в свое время должен был при- крывать от взгляда пилота и тяжелой бомбы уже упомянутый выше плавучий остров?

Для чего мог служить такой люк? Скорее всего он выполнял роль кингстона для экстренного затопления части или всех подзем-

ных сооружений. Но если люк до сего дня закрыт, значит, им не воспользовались в январе сорок пятого. Таким образом, нельзя иск- лучить и того, что подземный город не затоплен, а законсервирован «до особого случая». Что-то хранят его подзем- ные горизонты? Кого ждут?

Спиридонов заметил, что вокруг озера, в бору, немало сохранив- шихся и разрушенных объектов военного времени. Среди них руины стрелкового комплекса и госпиталя для элиты войск СС. Все было сделано из железобетона и огнеупорного кирпича. И главное — мощные доты. Их железобетонные и стальные купола были ког- да-то вооружены крупнокалиберными пулеметами и пушками, оборудованы механизмами полуавтоматической подачи боеприпа- сов. Под метровой броней этих копкаков на глубину до 30–50 м. уходили подземные этажи, где располагались спальные и бытовые помещения, склады боепитания и продовольствия, а также узлы связи. Лично Спиридонов обследовал шесть дотов, расположенных на юг и запад от озера. До северных и восточных дотов, как говорится, у него руки не дошли. Подступы к этим смертоносным огневым точкам были надежно прикрыты минными полями, рвами, бетонными надолгами, колючей проволокой, инженерными ловушками. Они были даже при входе в каждый дот. Представьте, от бронированной двери внутрь до- та ведет мостик, который немедленно опрокинется под ногами непосвященного и тот неминуемо рухнет в глубокий бетонный коло- дец, откуда живым ему уже не подняться. На большой глубине доты соединены ходами с подземными лабиринтами.

В годы службы полковника в бригаде подчиненные не раз докладывали ему о том, что «солдатское радио» сообщало о по- тайных лазах в фундаменте гарнизонного клуба, через которые неустановленные военнослужащие якобы ходили в «самовол- ку». Эти слухи, к счастью, не нашли подтверждения. Однако такие сообщения приходилось проверять тщательно. Но вот что касается подвала обсервэка, в котором проживал сам комбриг, слухи о лазах подтвердились. Так, решив однажды проверить надежность жилища, он как-то в воскресный день стал просту- кивать ломом стенки. В одном месте удары отдавались особенно глухо. Стукнув с силой, офицер лишился орудия: стальной лом под собственной тяжестью «улетел» в пустоту. Заделав дырку цементом, комбриг сделал важный для себя вывод: тайна окру- жала его и подчиненных со всех сторон, но на ее «расшифровку» не было ни сил, ни свободного времени.

Так вот что «накопал» в глухомани дождевой червь! Уж не развернул ли он сеть подземных городов и коммуникаций вплоть до Берлина?

И не здесь ли, в Кеньшице, ключ к разгадке тайны сокрытия исчезновения «янтарной комнаты», других сокровищ, похищен- ных в странах Восточной Европы и, прежде всего, России?

Может быть, «*regenwurmlager*» — один из объектов подготов- ки нацистской Германии к обладанию атомной бомбой?

В 1992 году бригада связи покинула Кеньшицу.

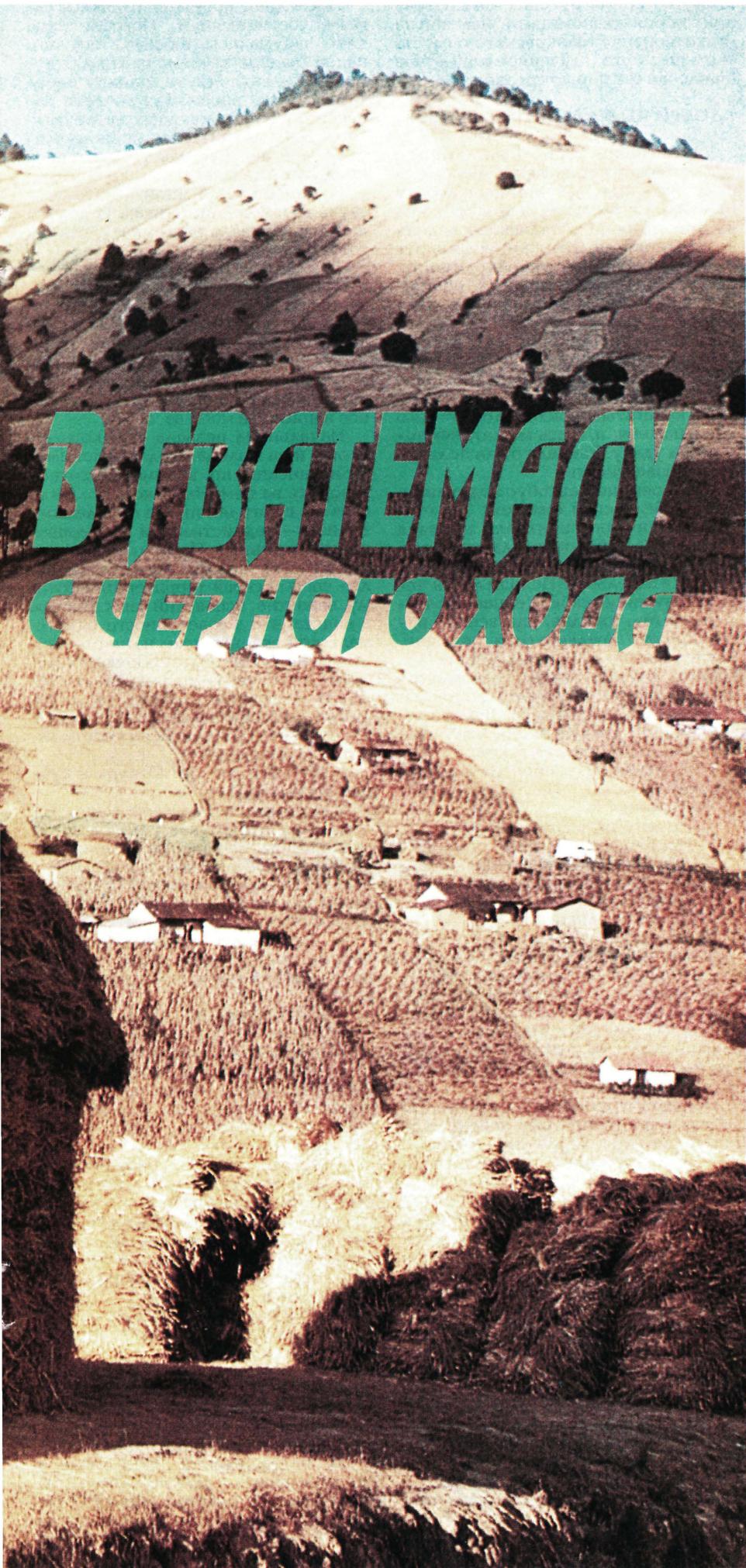
За последние 34 года истории кеньшицкого гарнизона в нем проходили службу несколько десятков тысяч солдат и офицеров, и обратившись к их памяти, можно, вероятно, восстановить немало интересных подробностей подземной загадки под Мендзижечем.

Возможно о штурме Лагеря дождевого червя помнят ветера- ны 44-й гвардейской танковой бригады 1-й гвардейской танковой армии, их боевые соседи справа и слева — быв- шие воины 8-й гвардейской армии в то время генерал-полковника Чуйкова В.И. и 5-й армии генерал- лейтенанта Берзарина?

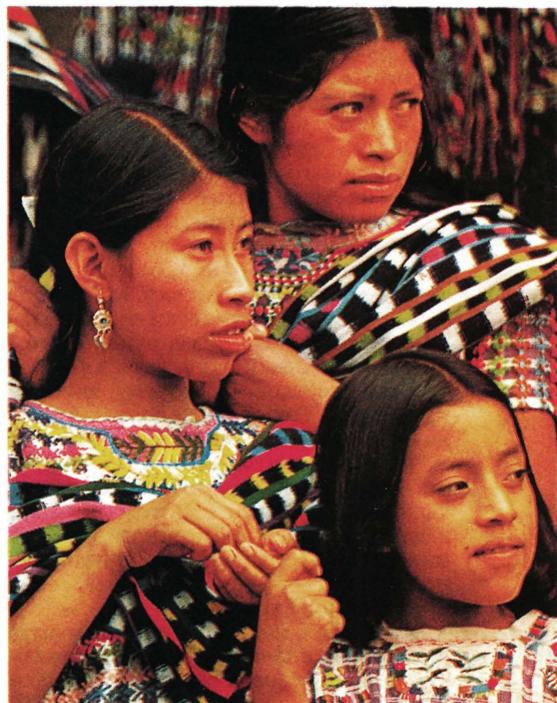
Говорят, теперь в подземном тоннеле обитает уникаль- ная в Европе колония летучих мышей. Словоно эти удивительные существа специально отыскали на огромных пространствах континента подземный город, так и остав- шийся до наших дней одной из терра инкогнита двадцатого века.

Знают ли в современной Польше о Лагере дождевого червя?

Конечно, разобраться в них до конца (если это возмож- но) — дело поляков и немцев. Вероятно, в Германии остались и документальные следы, живые строители и пользователи этого военно-инженерного феномена... Но хочется, чтобы и поляки и немцы, живущие ныне в демократических государ- ствах, помнили: за прорыв и разгром непреступных бастионов под Мендзижечем, за счастье в их домах пролили свою кровь русские воины. Среди них и танкист гвардии майор Алексей Карабанов.

В ГВАТЕМАЛУ С ЧЕРНОГО ХОДА

В Гватемалу я въехал буквально с черного хода, через бывшую английскую колонию Белиз и наиболее глухой и отдаленный гватемальский департамент Петен. В этих местах ведутся боевые действия, правда, не очень понятно между кем и кем.

Случилось все так. В начале 90-х годов на одном из международных мероприятий, где я подрабатывал переводчиком, мне довелось познакомиться с членами одной независимой и, видимо, очень демократической студенческой делегации из Гватемалы. От них я получил приглашение посетить их страну. Они собирались тоже провести что-то вроде конференции по поводу перемен, происходящих в мире, на которой было бы желательно иметь представителя СССР. Сначала я не принял это всерьез — политика меня не интересовала, Гватемала находилась очень и очень далеко и въезд советским гражданам в страну был запрещен. Но приблизительно в то же время мне предстояла поездка в Мексику, тоже переводчиком, на довольно длительное время, так что проблема расстояния решалась процентов на 90. Со всеми визовыми и прочими разрешительными делами обещали помочь.

«ВЫ ЕХАЛИ ТАК ДОЛГО...»

Проблема №1, с которой пришлось столкнуться — разрешение на въезд. У сотрудника гватемальского посольства в Мехико, куда я пришел за визой, очки полезли на лоб, когда я показал заполненный стандартный формуляр, в котором было указано, откуда я. Последовал категорический отказ. Затем была целая неделя ожидания: может быть, мои друзья подсуеются, и придет разрешение из Гватемалы. Ничего не пришло. Когда я совсем было уже отказался от своей затеи, один гватемалец посоветовал получить визу в каком-нибудь

из приграничных городов на юге Мексики. Последовав этому совету, я добрался до города Четумаль, столицы штата Кинтана-Роо.

Там действительно все оказалось гораздо проще. Гватемальский консул встретил меня очень приветливо: хоть какое-то развлечение.

— Чем могу быть полезен, сеньор? Есть ли у вас паспорт или какой-то другой документ?

— Конечно. — Я протянул свою темно-красную книжечку.

Он взял ее, критически-внимательно осмотрел, повертел в руках, потом зачем-то поднес к окну, хотя в комнате было светло. Что-то ему явно не нравилось. То ли незнакомые буквы на обложке, то ли серп с молотом.

— Это у нас что, Эфиопия? Или... — он внимательно посмотрел на фотографию в паспорте, потом перевел взгляд на оригинал и, видимо, подумал: «Нет, этот парень на эфиопа явно не тянет», — так откуда вы, сеньор? Из какой страны?

Я не счел нужным это скрывать, хотя были опасения, что мне сразу укажут на дверь. Реакция оказалась прямо противоположной:

— О... вы ехали так долго. И теперь хотите попасть в нашу страну. Это прекрасно!

О том, что прибыл издалека, я знал, но серьезно опасался, что дальше пути нет. Для меня, конечно. Я осторожно спросил:

— А что, для этого есть какие-то препятствия? Можем ли мы их устранить на месте?

— Какие препятствия! Сейчас оформим все бумаги, pošлем телеграмму в наше министерство в Гватемале, чтобы предупредить наши иммиграционные службы и чтобы потом не было проблем.

Тут он заправил в машинку, стоящую на столе, два листа и принялся что-то быстро печатать. Тем временем я заполнил стандартную анкету для въезжающих в страну и протянул ему. Консул, даже не посмотрев, отложил ее в сторону и заправил в машинку новые два листа. И тут началось. Это походило на очень вежливый допрос. Кроме стандартных вопросов: кто такой, откуда родом, когда родился и пр., он припомнил еще моих родителей, их год рождения, род занятий и т.д. и т.п. Потом снова перешел на меня и указал цвет волос и глаз, что-то еще и еще.

Ответить пришлось на сорок один или сорок два вопроса. Он все аккуратно записывал, затем, вытащив листки из машинки, взял мой большой палец и, испачкав его какой-то черной гадостью, прижал к бумаге. Потом предложил мне, уже самому, повторить эту процедуру с другим пальцем. Так у меня впервые были взяты отпечатки пальцев, и они, несомненно, навечно внесены в карточку соответствующего гватемальского ведомства.

Вот так, довольно просто был улажен вопрос, казавшийся самым сложным. В Гватемалу ушла телеграмма, предупреждающая о том, что границу должен пересечь человек с советским паспортом в кармане.

Кстати сказать, все чиновники и пограничники, встретившиеся мне, впервые видели такой документ. По-

этому во время путешествия не раз приходилось вспоминать знаменитое стихотворение Маяковского о советском паспорте, заученное когда-то в школе и с тех пор почти забытое.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В БЕЛИЗ!

Дальнейший путь был открыт. Когда автобус пересекал по мосту реку Рио-Ондо, пограничную между Мексикой и Белизом, я подумал, что на той стороне осталась последняя возможность поддержки, если вдруг в таковой возникнет необходимость, со стороны отечественных официальных ведомств. В странах же, куда лежал мой путь, не было ни одного советского человека, более того, насколько мне было известно, на тот момент в Гватемале только три человека знали русский язык. Короче говоря, полагаться приходилось только лишь на себя, и, быть может, немного — на удачу. Впереди была полнейшая неизвестность.

Тем временем автобус подрулил к зданию белизской таможни. За стойкой паспортного контроля молодая негритянка бойко шлепала печати на паспорта, почти не глядя на фотографии их владельцев. Подошел мой черед. Я протянул свой «серпастый-молоткастый», ожидая, как всегда, какой-нибудь неадекватной реакции. Увидев столь необычный для нее документ, пограничница с невозмутимым видом отложила его в сторону и продолжила свое занятие. Вскоре даже те, кто стоял за мной, получили свои печати и перешли границу.

— В чем дело? — спросил я по-испански.

— Подождите...

— Но автобус ждать не будет.

— Подождите.

— Но послушайте, сеньора, или как вас там, сеньорита...

— Подождите!

— Да, но я только...

— Подождите!!

После того, как прошли все и я остался один в зале, бдительная стражница взяла мой паспорт и пошла с ним куда-то в глубь здания. Ждать пришлось, как мне показалось, довольно долго. Я отметил про себя, что ситуация приобретает нежелательный оттенок.

Наконец пограничница вернулась, но моя радость по этому поводу оказалась несколько преждевременной.

— У вас нет визы. — Это звучало почти как приговор.

— Но, сеньорита, ни у одного человека из тех, кто только что здесь прошел, не было визы. Неужели нужны такие формальности для того, чтобы попасть в страну, которую можно пересечь от одной границы до другой часов за шесть?

— ...и вы к тому же не говорите по-английски...

— А что, это обязательно? Я ведь говорю по-испански.

— Да, но у нас в стране говорят исключительно на английском языке. — Это было произнесено так, словно передо мной стояла по меньшей мере выпускница Оксфорда.

— Простите, сеньорита, а мы-то с вами сейчас на каком языке разговариваем?

— Э-э...

Последний аргумент оказался самым убедительным. Пограничница явно задумалась. Видимо, над тем, какой бы еще предлог найти для того, чтобы захлопнуть границу перед самым моим носом. Тут до меня донесся звук отъезжающего автобуса.

— Вот смотрите, вы меня держите, а мой автобус ушел. Что теперь прикажете делать?

— Пойдемте со мной, — это прозвучало почти как приказ. И девица жестом показала на комнату, откуда только что вышла.

Там за массивным столом сидела негритянка постарше, возможно, начальница КПП.

— Есть проблемы? Какие? Откуда вы? На каком языке говорите?

— Проблема есть. Только одна. Стоит она в том, что меня не пускают в Белиз. Говорю по-испански. Остальное написано в моем паспорте.

Начальница позвала еще кого-то. И она, и ее молодая коллега понимали испанский, но, видимо, не хотели говорить на нем. Наверное, это было связано с пограничными проблемами Белиза — единственной англоговорящей страны в Центральной Америке. К тому же Гватемала считает Белиз частью своей территории. Поэтому, вероятно, испанский язык здесь не в почете, что в совокупности с гватемальской визой в моем паспорте оказалось не в мою пользу. Появился молодой негр очень интеллигентного вида в модных очках. Похоже, ему отводилась роль официального переводчика. Он обратился ко мне на чистом кастильском наречии:

— Кто вы, сеньор? Откуда и куда направляетесь?

Я показал ему на свой документ, оставшийся в руках у молодой пограничницы. Все втроем начали внимательно изучать его, вполголоса о чем-то переговариваясь. По прошествии некоторого времени интеллигент обратился ко мне:

— Видите ли, сеньор, это у нас первый случай, когда через это КПП проезжает человек с советским паспортом.

— Очень хорошо, и что же дальше? Почему этого первого советского человека нельзя пустить?

— Нет-нет, что вы, вам и не думают отказывать! Скажите только, сколько времени вы собираетесь пробыть в стране и с какой целью. Что будете делать.

— Да ничего я не собираюсь делать в вашей стране, и времени на пребывание в ней мне нужно ровно столько, чтобы сесть на другой автобус и доехать до противоположной границы. Если мне удастся это сделать сегодня ночью, то завтра к утру я буду уже в Гватемале.

— Но у нас нет ночных автобусов. Так или иначе, вам придется переночевать в городе.

— Ну и? Я надеюсь, что это не запрещено.

— Одного дня на пребывание в Белизе вам хватит?

— Больше чем достаточно.

Он повернулся к начальнице и спросил, видимо, можно ли мне дать один день. Та кивнула. Таким образом, и это неожиданное препятствие было преодолено. Когда же я решил оставить здесь какую-нибудь память

о первом советском человеке — например, цветные открытки из Москвы, дед недоверия был сломан окончательно:

— Добро пожаловать в Белиз! — произнесено было так, будто вдруг поставили указания прямо от премьер-министра страны. Его огромный портрет смотрел на нас со стены.

Предстояла еще небольшая формальность — прохождение местной таможни, но она не заняла много времени. Увидев мой документ, таможенник громко-громко прочитал, по-английски, естественно:

— Си-Си-Си-Пи!

На этом все формальности закончились. Я очутился в другой стране. Меня сразу же окружила толпа странных людей, которые предлагали различные услуги по обмену денег. Отделаться от них было не так просто. Удалось это сделать так: на очередной вопрос «Зеленые есть?», я ответил: «Нет зеленых, только красные», достав с этими словами советский червонец. Каково же было мое удивление, когда меняла вдруг сказал: «Нет проблем, камбио» и назвал точный курс московского черного рынка. Чтобы отвязаться от него, я сказал, что он ошибается, по крайней мере, раз в двадцать. Подкативший в это время к зданию КПП автобус прервал нашу дискуссию, начавшую было накаляться.

Дальнейший путь протекал без проблем. По обеим сторонам дороги простиралась величественная сельва. Иногда меня одолевали сомнения в реальности всего происходящего. Я один, в незнакомой стране, да не просто незнакомой, а многим неизвестной. Впоследствии, когда я рассказывал кому-нибудь об этой поездке, не только соотечественники, но и многочисленные латиноамериканцы удивленно спрашивали: «Белиз? А где это? И с чем это едят?»

От границы до города Белиз-сити, самого большого в стране, автобус шел около четырех часов. Начинало смеркаться. Когда мы прибыли, солнце уже зашло. Город представлял собой разительный контраст с тем, что довелось видеть в Мексике. Даже на маленькие провинциальные города в соседней стране он не походил ничем. Никакой центральной площади с ее неизменными атрибутами — собором, муниципалитетом, парком, всегда играющей музыкой, никакой колониальной архитектуры с патио и черепичными крышами. Ничего подобного. Сразу видно, что сюда не ступала нога испанца.

Трудно сказать, на что похож Белиз-сити. Говорят, именно так выглядел Новый Орлеан в XVIII веке, хотя проверить это трудно. Мне кажется, что город этот можно сравнить с небольшими современными африканскими городами. Да и население его в подавляющем большинстве негры — потомки беглых рабов, искавших убежище на этом практически недоступном побережье, начиная с XVII века. Дома в городе, в основном деревянные, не превышающие двух этажей, те из них, которые построены ближе к побережью — на сваях, ибо здесь боятся наводнений.

Из-за одного, особенного страшного наводнения столицу государст-

ва Белиз перенесли из Белиз-сити в специально построенный для этой цели город Бельмопан. Его население не превышает пяти тысяч жителей, и, таким образом, это самая маленькая столица в мире. Улицы Белиз-сити узкие, забиты транспортом. Во многих местах город пересекают каналы, которые, судя по запаху, служат одновременно и для стоков канализации.

Теперь моей главной задачей было найти какой-нибудь приличный ночлег. Я отправился в центр города. В голове все время крутились два слова из какой-то песни: «Это Африка... Это Африка», причем слышалось это с каким-то зловещим оттенком. На улице, в открытую, не стесняясь стоящего на углу полицейского, продавали марихуану. Повсюду слонялись бродяги в лохмотьях, наркоманы и прочие личности уголовного вида. Все это несколько прибавило мне упорства: главное — не остаться ночью на улице. Прохожие, к которым я обращался за советом, ничего вразумительного сказать не смогли. Меня или не понимали, или направляли в заведения, явно не рассчитанные на мои финансовые возможности. Единственное, в чем сходились абсолютно все, что ни в коем случае нельзя показываться в отеле «Лас Пальмерас», поскольку там собиралась вся местная урла, говоря по-нашему, и там было очень опасно.

За пару часов я обошел, кажется, весь город. Куда не надо идти, знал точно, а вот куда надо? Так я вышел на набережную и остановился, не зная толком, что делать дальше. Кто-то дернул меня за рукав. Я обернулся и увидел негритенка лет десяти на вид.

— Мистер хочет найти дешевый отель? Так я помогу. Всего за доллар.

— Слушай, парень, я тебе два дам, если ты покажешь мне действительно недорогой отель, но не такой, как «Лас Пальмерас» и ему подобные.

Он долго-долго водил меня разными темными переулками и закоулками Белиз-сити, пока не остановился перед деревянной калиткой, закрывавшей вход в небольшой палисадник. Я не сразу сообразил, что мы оказались почти в том же самом месте, откуда ушли. «Ах ты, жулик маленький! Таскал меня черт знает где, чтобы потом привести на то же самое место. Получишь ты у меня свой доллар...»

— Вот отель, сеньор, — прервал мои мысли негритенок, указывая на калитку.

Делать было нечего. Я вошел внутрь. Навстречу вышел человек лет сорока, вполне европейской наружности.

— Чем могу быть полезен?

Я объяснил свои проблемы, и мы очень быстро договорились с хозяином гостиницы «Сисайд». Обещанные два доллара пришлось отдать. Цель была достигнута — я обрел крышу над головой.

Разместившись, я решил поужинать.

На выходе меня остановил парень очень странной наружности — даже по меркам Белиза. Это был негр, довольно высокий, с нагловатым взглядом. Самым заметным в нем была прическа. Длинные, до пояса, взлох-

маченные волосы, сохранившие следы искусственной завивки со всякими наворотами. Цвет их выбрал в себя несколько оттенков: от темно-каштанового до угольно-черного. Такую прическу носят последователи афро-карибского религиозного культа Вуду, распространенного, в основном, на Гаити и в других карибских странах. Однако столь «навороченной» головы я не видел ни до, ни после.

Негр критически осмотрел меня с ног до головы и вдруг сказал: «Пойдем!» И мы пошли. Через некоторое время я спросил: «А куда мы идем?» На что получил ответ в форме вопроса: «А куда ты хочешь? Я все здесь знаю. Что тебя интересует — спиртное, марихуана, девочки? Я могу предоставить тебе все, и на любой вкус». Я ничего не нашел лучшего, сам не знаю даже почему, как поделиться с ним давно возникшей у меня мыслью: сейчас совсем неплохо было бы попить чаю. В Мексике его практически нет, только кофе, который мне уже смертельно надоел, а вот в Белизе — бывшей английской колонии, должен быть чай. Мой спутник удивленно осмотрел меня с ног до головы и задал вечный вопрос: «А откуда ты, собственно, такой здесь взялся? Ну, приехал откуда?»

Я отвечал: «Из Мексики», приехал ведь я действительно оттуда, причем только два часа назад. «А, мексиканец, значит. Как же, как же, знаю, бывал даже. Пиво там у вас хорошее: «Модело», «Текате», а откуда из Мексики?» Я сказал, что из столицы. «Ну, так далеко на север я не забирался», с этими словами он зачем-то вынул из кармана свой (а, может, и нет) паспорт и стал демонстрировать различные печати, говорившие о том, сколько раз он пересекал мексиканскую границу. На самом деле парень, видать, хотел продемонстрировать, что он не какой-нибудь там проходимец, а вполне добропорядочный гражданин, даже, вот, паспорт имеет.

Меня это однако не убедило: «Так куда же мы все-таки идем и с какой целью?» «О, мексиканец, я тут тебе такое могу показать. Вот, например, недавно одно крутое заведение открылось... а еще лучше вон там,

«Лас Пальмерас» называется, там вообще лучше всего, может туда, а?» Час от часу не легче! «Лас Пальмерас» — идти туда, тем более в одиннадцатом часу ночи и в обществе подобного спутника, мне совсем не хотелось. Я повторил желание насчет чая. Он, казалось, был немного разочарован: «Чай, это тоже можно. Вот я знаю один хороший китайский ресторан, где подают чай, лучший во всем Белиз-сити».

Мы пошли туда. Присмотревшись внимательно к моему спутнику, я убедился, что, хотя он и выглядит более, чем подозрительно, оружия у него, скорее всего, нет. К тому же денег со мной было немного. Остальное, вместе с документами, я оставил в гостинице. Можно было рискнуть.

Так прошли мы несколько кварталов по темным улицам. Несколько раз к нам подходили какие-то странные личности, но всякий раз мой спутник говорил им что-то на непонятном мне языке (точно, не на английском), и они отставали. Потом мы

перешли через мост над одним из основных каналов, недалеко от впадения его в море. На той стороне канала, не было, казалось, вообще никаких признаков жизни. Я начал немного беспокоиться:

— Э, а нам точно туда?

— Конечно. Я же сказала, в китайский ресторан идем, а это на той стороне, в китайском квартале.

Квартал действительно очень походил на китайский. Все вывески были написаны иероглифами, многие украшали изображения драконов. Потом я узнал, что в Белизе очень многочисленная китайская община.

Наконец мы, похоже, пришли. Дракон на вывеске нужного нам ресторана был больше и, казалось, даже немного веселее, чем в других местах. Мы вошли внутрь полутемного зала. За одним из столиков сидела небольшая компания людей. Они ели рис палочками и разговаривали, как я понял, по-китайски.

Мой спутник сказал что-то насчет чая и, обернувшись в мою сторону, намекнул, что не прочь выпить пива. Мне, конечно, не жаль пива для такого экзотического парня, но пришлось объяснить, что в данный момент я не располагаю деньгами. Тогда он вдруг быстро вышел, бросив на ходу: «Сейчас вернусь», причем предназначалось это не мне, а скорее хозяину-китайцу, хотя и было сказано по-испански. Мне вдруг стало немного не по себе. А вдруг он, действительно, придет и приведет с собой толпу таких же, как он, любителей халаяного пива? Однако больше я его не видел.

Я спросил чаю. Мне предложили на выбор черный, зеленый, желтый и красный. Я знал, что два последних есть только в Китае, и выбрал красный. Когда мне его принесли, я сразу забыл про свои страхи и про то, что сначала пожалел, что увязался за тем типом. Ни до, ни после мне не приходилось пить такого вкусного и ароматного чая. Вкус его невозможно передать словами, единственное, что можно сказать, он оказывает какое-то явно тонизирующее действие.

Таким образом, программа вечера была выполнена. Оставалось только вернуться в гостиницу, что мне удалось сделать за полночь, как ни странно, без всяких приключений, хотя я боялся заблудиться в узких, неосвященных улочках китайского квартала Белиз-сити.

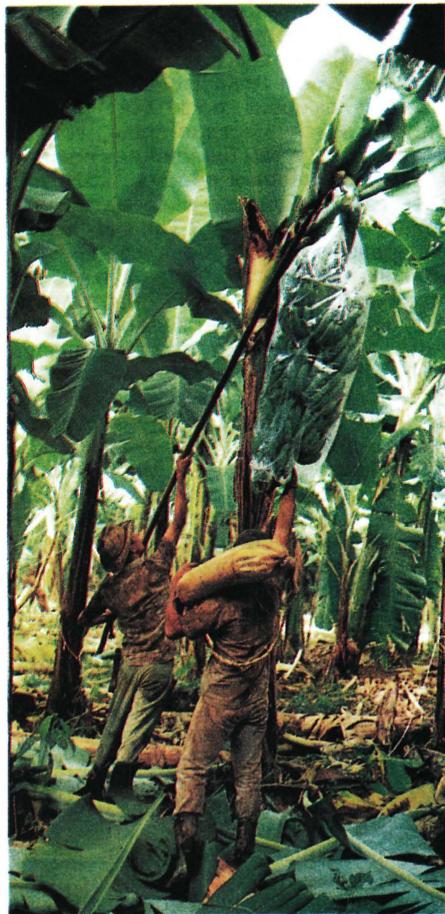
Когда я пришел в «Сисайд», бельгийские студенты, обитатели гостиницы, с которыми я успел познакомиться до своего вечернего путешествия, сидели в холле. Увидев меня, спросили, где я шлялся в столь поздний час. Услышав мой рассказ, они вытаращили глаза:

— Китайский квартал, да-а? А там вчера вечером американца за два доллара зарезали...

Последовала немая сцена. Потом кто-то робко произнес:

— А на меня там сегодня средь бела дня напали...

Тут вдруг все разом загалдели: «Все русские сумасшедшие, но не до такой же степени», или: «Это просто очень оригинальный способ самоубийства». Потом мне показали путеводитель-справочник, в котором четко, черным по белому было напи-

сано, что европейцам категорически не рекомендуется посещать китайский квартал даже в светлое время суток. Наверно, правильно я поступил, что не сказал моему странному спутнику о своей национальной принадлежности.

А может, это не имело значения, и мне просто повезло?..

«ЕРМАК» И ПОТОМКИ МАЙЯ

На другой день старый, обшарпанный автобус за три часа довез меня до гватемальской границы. Мет-

ров за сто до нее кончился асфальт, и дальше шла грунтовая дорога. Предстояло пересечь последнюю на моем пути границу, и, как всегда, не обошлось без проблем. Гватемальский КПП представлял собой индейскую хижину, крытую пальмовыми листьями. Пограничник, взявший мой паспорт, внимательно изучил его и неожиданно куда-то вышел. Как я потом узнал, ему не понравился герб с серпом и молотом — за такой знак в Гватемале можно было получить до десяти лет тюрьмы — и он пытался дозвониться до столицы, чтобы в

очередной раз все согласовать. Пока же я пребывал в полном неведении относительно всего происходящего. Оставалось лишь терпеливо ждать.

В хижину КПП входили разные люди, в основном, местные жители, но было много и туристов, вполне европейского вида. Мое внимание неожиданно привлек один из них. Это был мужчина средних лет, гораздо старше так часто встречаемых здесь путешествующих студентов. Одет он был в рваную, вывавшую виды майку и такие же шорты.

Однако не это привлекло мое внимание, а то, что он тащил за плечами. Это был обычный рюкзак, хотя мне показалось, что в данный момент это самая необычная вещь, которую только можно встретить на затерянной в сельве границе между Белизом и Гватемалой. Дело в том, что это был наш «Ермак», уже довольно сильно потертый и невзрачный, каких во множестве можно встретить на любом нашем вокзале, турбазе и т.д. Учитывая своеобразие обстановки, я решил познакомиться с владельцем такого родного здесь для меня предмета.

Владелец рюкзака оказался из Братиславы, звали его Петер. Здесь, в дебрях Гватемалы, словак — почти соотечественник. Русского языка он не знал, но мы все же пытались кое-как объясниться. Я усиленно коверкал русские слова, почему-то надеясь, что от этого они станут похожи на словацкие. Когда из подобной практики ничего не получилось, мы перешли на испанский.

Проведя со мной некоторое время, словак ушел в сторону Гватемалы-столицы, она одноименна со страной, а я еще долго (всего около пяти часов) ожидал решения своей участи. Наконец «добро» в каких-то ужасно компетентных инстанциях было получено, и мне тоже зажгли зеленый свет. Но было поздно: никакого транспорта в сторону Флореса — небольшого городка, столицы штата Петен, — не ожидалось. И тут меня кто-то окликнул по имени. Я обернулся и увидел Петера, который подавал какие-то знаки. Я-то думал, что он уже давно во Флоресе, но теперь добираться туда вдвоем будет по крайней мере веселее. Обсудив наше положение, мы решили идти пешком, надеясь, что кто-нибудь подберет нас по дороге. Как оказалось, мой новый попутчик путешествовал принципиально только авто-стопом.

И мы пошли. Через некоторое время темноту прорезали два луча света. Мы встали посреди дороги. Машина тоже. Это был пикап, принадлежавший местному крестьянину. Много он нас провезти не мог — сворачивал в свою деревню, и высадил на половине пути в небольшом индейском селении. Там жили потомки древнего, некогда могущественного народа майя. Селение состояло не более чем из десятка хижин, крытых пальмовыми листьями. Одна хижина была двухэтажной и служила, наверное, общинным домом.

Единственным, что во всем облике деревни намекало на конец двадцатого века, была красная жестяная табличка с надписью «кока-кола»,

прибитая к двери одной из хижин. Местные жители столпились вокруг нас с Петером, разглядывая странных пришельцев с видимым интересом. Такие, как мы, — далеко не частые гости в деревне. Все, как правило, проезжают от границы до Флореса, не останавливаясь. Индейцы по-испански не говорили, но мой спутник каким-то образом ухитрился объяснить с ними на языке жестов — первом языке общения европейцев с индейцами, как видно, не потерявшим своей значимости до сих пор. В частности, Петер сумел намекнуть, что самое время перекусить, и перед нами появились различные фрукты, кукурузные лепешки и чича — местный слабо хмельной напиток. Я попытался выяснить, сколько мы должны за столь щедрое угощение. Однако мой спутник, не говоря ни слова, достал из кармана две мятые бумажки по десять кетцалей и положил перед собой. Сидевшие напротив индейцы даже присвистнули от удивления. Сумма, равная примерно пяти долларам, оказалась для них неслыханной. Я думаю, в этой деревне еще долго будут вспоминать двух странных путешественников, так не похожих на всех остальных.

МОСКИТЫ, СОЛДАТЫ И ПР.

И вот наконец Флорес, до которого нас довез попутный грузовичок. Наступила ночь, и главной задачей стало найти ночлег, что неожиданно оказалось не так-то просто. В гостиницах и постоялых дворах, везде неизменно отвечали, что мест нет. Тогда мой спутник подкинул интересную идею: во время своих путешествий он принципиально не останавливался в гостиницах и им подобных заведениях, а ночевал исключительно на улице, на худой конец, в школах, церквях — куда пускали. Я спросил:

— А как в Белизе, тоже?

— Да, в Белизе пять дней, все — на улице, четыре раза нападали, но это так, мелочи жизни.

Такая философия — все время жить на улице и передвигаться только автостопом — мне показалась несколько странной, но, похоже, другого выхода в нашей ситуации не оставалось. Петер вызвался найти подходящий ночлег. Вернулся он минут через пять и сказал, что все в порядке, он уже договорился. Мы пошли в городской парк, со сторожем которого и договорился мой спутник. В центре парка находилась небольшая крытая эстрада и несколько зрительских скамеек. Вот под этой-то крышей нам и предстояло провести ночь. Петеру, конечно, хорошо — он готов к подобным условиям — у него спальный мешок и противомоскитная сетка, а у меня... Короче, я лег прямо на бетонный пол, подстелив куртку. Сначала ужасно досаждали москиты, потом это им надоело, и они угомонились. Я забылся сном.

Разбудил меня топот, казалось, тысячи кованых сапог. На самом же деле их было не более десяти. Это армейский патруль совершал обычный ночной обход. Весь Петен буквально наводнен военными. Об этом предупреждали много раз. Говорят,

что здесь даже велись какие-то военные действия против партизан, хотя сам факт существования последних мне представляется довольно сомнительным.

Я повернулся на другой бок и снова попытался заснуть, однако сделать мне это не дали, посветив в глаза фонариком. Я попытался подняться, но мне в грудь уперлись, как показалось, какие-то палки или трубы. Однако через минуту я сообразил, что это не что иное, как направленные на меня стволы винтовок М-16.

«Лежать! Документы!» Я попытался сообразить, как можно одновременно исполнить оба эти приказа, и стал делать вид, что ищу в кармане свой паспорт. Интересно, как к нему отнесутся эти ребята, которые, должно быть, натасканы на борьбу с «международным коммунизмом», агентом которого я должен являться уже в силу своей государственной принадлежности.

Послышалась какая-то возня. Я догадался, что это вылезал из спальника Петер. На мгновение все внимание солдат переключилось на него. Я сжимал в руке свой документ, тайне надеясь, что мне не придется его предъявлять. Так и случилось. Положение спас неожиданно появившийся сторож. Наверное, он тоже спал, затаившись в каком-нибудь углу, хотя не должен был этого делать. Во всяком случае, он сделал вид, что ничего особенного не происходит.

— Ребята, вы бы не мешали этим людям спать, все равно москиты делают это лучше вас, — эту фразу он произнес по-испански и затем добавил еще несколько слов на непонятном мне языке.

Как ни странно, солдат вполне устроил такой аргумент, и они ограничились проверкой документов у Петера. После этого случая я решил ночевать в более приспособленных для этой цели местах, тем более находясь в Гватемале.

На следующее утро, едва только рассвело, я попрощавшись с Петером, отправился в национальный парк Тикаль, находившийся неподалеку от Флореса. Времени у меня было в обрез, в столице я должен был быть уже на другой день, но мысль о том, что можно проехать рядом с Тикалем и не побывать там, казалась мне просто кошмарной. Что касается моего спутника, то он собирался проехать там не один день, торопиться ему было некуда, и пути наши разошлись.

НОЧЬ НА ДОРОГЕ

К полудню я уже возвращался в город. На въезде навстречу попался чарующе допотопный автобус, на крыше которого был привязан багаж пассажиров. Там же, свесив ноги, расселись и те, кому не хватило места в салоне. Сначала я не обратил внимания на этот экспонат, достойный раздела истории автомобилестроения в любом политтехнологическом музее. Однако, когда я стал выяснять возможность дальнейшего продвижения в сторону Гватемалы-столицы, от которой меня отделяло еще значительное расстояние, пришлось вспомнить о нем.

Сначала я спросил, есть ли тут автобус до столицы.

— Да вот, только что ушел.

— Что, эта старая развалина способна дойти до столицы?

— Да кто ж его знает, ходит вот пока.

— И сколько же он в пути?

— Это зависит...

— ???

— Ну да, зависит от того, сколько раз в дороге сломается, сколько раз застрянет и вообще, каково состояние дороги. Все зависит... Ну, думаю, в среднем, завтра к вечеру доберется.

— А когда следующий?

— Завтра, наверное, примерно в это же время.

Более точных данных о времени и расписании движения я не получил.

— Ну, а самолет есть?

— Был сегодня утром, теперь, вот, послезавтра следующий.

Ждать до завтра, а тем более до послезавтра у меня не было ни времени, ни желания. Остался еще один проверенный способ передвижения — тот самый, которым всегда пользовался мой попутчик Петер. Я прикинул по карте расстояние от Флореса, где находился в данный момент, до главной магистрали страны — трассы Пуэрто-Барриос — Гватемала, где наверняка есть транспорт в любое время суток. Расстояние получилось не очень большим, и через несколько часов, к вечеру, я рассчитывал стоять на трассе.

Первой машиной, которая меня подобрала, был армейский джип с двумя солдатами. Без единого слова они остановились, посадили меня между собой и поехали. Ехали не очень долго, но за все время пути не было сказано ни одного слова. Неожиданно джип свернул с основной дороги на какое-то ответвление. Как я понял, там рядом находился военный аэродром. Как мог, я старался объяснить, что мне совсем туда не надо. Но, видимо, солдаты не понимали по-испански, оба были индейцы. Или делали вид, что не понимают. В общем, меня доставили в часть, огороженную деревянным частоколом, внутри которого находился небольшой плац, окруженный навесами, под которыми размещались гамаки солдат, столовая и все остальное. Над всем этим возвышалась сторожевая вышка с двумя пулеметами. Рядом с частоколом находилась, выложенная белыми камнями вертолетная площадка.

Ко мне подошел толстенный капрал с огромными усами, живая карикатура на латиноамериканских военных, как их изображали еще недавно в наших газетах. Глядя на его выпирающий живот, я подумал: интересно, бегают ли у них кросс в армии, а если бегают, то как вот этот справляется с такой задачей. Капрал осмотрел меня критически, особенно ему не понравилась моя прическа — я носил тогда длинные волосы, и спросил что-то вроде того, откуда я, мол, такой здесь выискался. Я очень вежливо ответил, что еду оттуда-то и туда-то, и ничего противозаконного не делаю.

— Знаем, знаем мы вас, волосатых. Все говорят: ничего противоза-

конного, а сами только и думаете, небось, где бы марихуаны найти.

Я стал было возражать, но он резко оборвал:

— А документы у тебя есть?

— Есть, конечно.

— В порядке?

— В полном.

— Ну ладно, можешь идти, и осторожнее на дороге, — с этими словами он указал в сторону ворот.

Второй раз повторять не пришлось. Потом, когда я рассказывал про этот случай своим друзьям в Гватемале, они говорили, что мне очень повезло. Несколько лет назад в том же районе, при сходных обстоятельствах убили четырех туристов из Западной Европы потому, что кому-то не понравился их хипповый вид.

Я вышел на дорогу и продолжил путь. Машин не было ни попутных, ни встречных. К тому же начал накрапывать мелкий дождь, который неожиданно превратился в настоящий тропический ливень. Кончился он довольно быстро, но дорогу успело довольно сильно развезти. Передвигаться по ней можно было с трудом. Где-то через час меня подобрал старый грузовик, медленно тащившийся по скользкой грязи. Перед тем, как посадить меня, шофер спросил, есть ли у меня документы. Я ответил, что есть, не понимая, почему это его интересует. Однако потом понял, что такая предосторожность с его стороны была не напрасной. Постов на дороге было много, а я, видимо, выглядел чрезвычайно странным типом, да и сам факт путешествия таким вот образом в этих краях не мог не вызывать подозрения.

Первый пост повстречался нам уже через несколько километров. Солдат в пятнистой камуфляжной форме взяла мой паспорт и стала внимательно изучать его. Вверх ногами. У меня возникли подозрения: умеет ли сей представитель власти читать? Наконец мне вернули документ со словами: «Все в порядке, сеньор».

На втором посту нас встретил уже офицер, одетый в зеленую форму «верде оливо». Такую в Гватемале, да и в других странах Центральной Америки носят сотрудники госбезопасности. Он-то читать умел, как, наверное, умел и многое другое. Паспорт он листал с очень странной улыбкой, бормоча что-то вроде: «Советский, Россия... вот уже кто здесь ездить начал... Действительно, мир изменился... Все в порядке, можете ехать, сеньор».

С этими словами, продолжая улыбаться, офицер протянул мне мой документ. Меня давно мучила жажда, и я, обнаглев, спросил у него, не найдется ли питьевой воды. «Отчего ж нет, сеньор, есть, пожалуйста». Мы зашли в караульное помещение. В общем ничего. Не такие уж эти военные и страшные, как их раньше изображали.

Наступила ночь. К тому времени, уже около четырех часов, мы тащились по окончательно раскисшей дороге. Иногда грузовик застревал, и его приходилось выталкивать. Вдруг неожиданно впереди, в свете фар возник какой-то темный силуэт. Мы с водителем вышли посмотреть, что

это такое. Не без труда я узнал свой знакомый автобус, выехавший из города несколькими часами раньше. Он застрял в луже, раскинувшейся посреди дороги. Никого вокруг не было.

— Да, без трактора тут не обойтись, — сказал мой шофер тоном врача, оглашающего результаты консилиума.

— А что, в деревне найти нельзя?

— Чего найти? — не понял он.

— Да трактор.

— Ха, да где ж ты видел, чтоб у бедного крестьянина была техника? Тут все больше мотыгой да иногда на волах.

— А с этим что делать? — указал я на автобус.

— А ничего не делать. Утром, Бог даст, военные вытащат.

— А пассажиры где?

— Разберется кто куда в поисках ночлега, все равно до утра эта колымага не сдвинется с места.

Хорошо, что я опоздал на этот автобус. Теперь предстояло перетащить через лужу нашу машину. Шофер дал мне мачете, сам взял другое, и мы пошли рубить жерди для наведения примитивной переправы. Через некоторое время, работая в свете фар, питаемых уже изрядно подсевшим автомобильным аккумулятором, нам удалось закинуть ветками один край лужи, где, с трудом объехав автобус, могла протиснуться наша машина. Эта операция удалась, правда, мы с головы до ног были забрызганы грязью, но довольны тем, что можем продолжать наше продвижение. Вскоре силуэт прочно сидящего автобуса растворился в ночной тьме.

Около полуночи мы добрались наконец до трассы Пуэрто-Барриос — Гватемала. Шофер, мигнув на прощание фарами, скрылся за поворотом в сторону Пуэрто-Барриоса. Я остался один на обочине дороги, в незнакомой стране, в первом часу ночи. Мимо пронеслись две или три машины, никак не отреагировав на поднятую руку. Оно и понятно — одинокий путник в такое время и в таком месте не может не вызывать подозрения.

В довершение ко всему тучи сгустились и пошел мелкий дождь. Темно — вытянутой руки не видно. Полотно дороги определяется на ощупь. И тишина. Вдруг ее разорвал сухой треск, похожий на звук рвущейся ткани. Сначала я принял эти звуки за отдаленные раскаты грома, однако после того, как треск повторился неоднократно, у меня уже не оставалось никаких сомнений — стреляют, причем, где-то совсем недалеко.

«Этого только не хватало, — подумал я, и тут же попытался себя успокоить. — Ничего страшного, вся местность наводнена военными, наверное, сейчас у них просто ночные стрельбы, а стрельбище находится рядом». Однако характер стрельбы напоминал скорее перестрелку — одновременно и неорганизованно стреляли из разных видов оружия.

Мои мысли прервал визг тормозов. Остановился, хотя я не голосовал, огромный трейлер, идущий на

Пуэрто-Барриос. Из кабины наполовину высунулся курчавый мулат:

— Эй, парень, что ты тут делаешь?

Станный, в общем-то, вопрос, хотя довольно логичный.

— Не видишь, что ли? В Гватемалу еду.

— И давно едешь?

— Да сегодня где-то с полудня как из Флореса.

— Тогда смотри осторожнее, здесь тебе ни одна сука не остановится.

С этими словами он дал газ, и трейлер скрылся за поворотом. Несмотря на такого рода предостережение, мне ничего не оставалось, как стоять здесь даже до утра. Однако, вопреки советам доброхота, следующая же машина — еще больший трейлер — остановилась. Я подбежал к кабине и хотел было туда подняться по небольшой лесенке, но мне помешало это сделать высунувшийся из окна странный железный предмет, упершийся мне в грудь. При ближайшем рассмотрении предмет оказался короткоствольным автоматом. Вслед за этим из окна кабины высунулся его обладатель и вопросительно на меня уставился:

— Тебе чего?

В ответ я произнес только лишь одно слово:

— Гватемала.

— Э, извини, брат, нам не по пути, идем на Сан-Сальвадор.

— Ну может быть, что-нибудь... как-нибудь...

— Да извини, тут поворот уже недалеко, так что удачи тебе!

Примерно через полчаса темноту снова прорезал свет фар. Я поднял руку. Остановившееся транспортное средство оказалось автобусом. Я подумал, что мне ужасно повезло. Все же надежнее. Я попытался открыть дверь автобуса, но мне это не удалось — кто-то внимательно разглядывал меня через стекло. Наконец дверь медленно приоткрылась, и наружу высунулась рука с пистолетом, направленным, конечно же, на меня. Я подумал, что, кроме меня, все, кто проезжает по этой трассе, вооружены до зубов. Наконец дверь автобуса открылась, и я увидел человека, державшего пистолет. Он разглядывал меня с видимым интересом. Удостоверившись, что я не опасный террорист, а за моей спиной в кустах не прячется вооруженная банда, он жестом предложил подняться в автобус. Дверь закрылась, и мы резко дернули с места. Кондуктор убрал пистолет в плечевую кобуру и спросил, куда мне надо. Я ответил. Он назвал стоимость проезда — очень невысокую. Тут только я сообразил, что у меня нет кетцалей. Во Флоресе, когда я оттуда уезжал, все банки закрылись на сиесту — обеденный двухчасовой перерыв, а последние кетцали, что у меня были, я выгреб водителю грузовика. Я предложил двадцатидолларовую банкноту. На меня посмотрели очень критически и ответили, что-то в таком духе, что это деньги другой страны, и здесь не годятся.

— А что тогда делать? — задал я очень наивный вопрос.

— Ну спроси народ, может, кто-нибудь и обменяет.

Я кинул ключ немногочисленным пассажирам автобуса.

— Сеньоры, может, кто-нибудь обменяет 20 долларов?

Мне никто не внял. Конечно, что может делать народ, едущий в автобусе, да еще во втором часу ночи? Только спать. Так, имея в кармане значительную, по гватемальским меркам, сумму в долларах, я оказался абсолютным неплатежеспособным. Мне предложили бесплатно доехать до ближайшей станции, где можно было найти подходящий ночлег. Я согласился.

Провезли меня совсем немного. О том, что это станция, я догадался лишь по длинным цепям выстроившихся вдоль обочин дороги грузовиков. Не знаю, какой ночлег здесь можно было найти. Разве что только в гамаке под машиной, как делают водители-дальнобойщики во всех латиноамериканских странах. Очень даже ничего — тепло (от остывающего двигателя), светло (если включить габаритные огни), мухи не кусают (стойкий запах солярки отгоняет всех насекомых), да и какая-никакая — а крыша над головой. Главное только о нее не удариться, когда встаешь, но это уже дело привычки. В темноте я увидел огонь свечи и пошел туда. Это оказалась местная лавка или что-то вроде этого, работающая круглосуточно. В гамаке сидел сонный продавец, которому я и задал вопрос, абсолютно здесь неуместный — насчет двадцати долларов. Он ответил, что подобной суммы у него и близко не водится, и вообще он не знает никого в округе, кто мог бы мне помочь. Оставалось одно — продолжать путь с тем, что есть, или хотя бы пытаться сделать это, тем более, что завтра был последний день, когда меня ждали в городе Гватемала.

Я прошелся вдоль длинного ряда трейлеров, смотрящих в сторону Гватемалы, и заметил возле одного из них какое-то шевеление. Подойдя ближе, увидел, что под открытым капотом длиннющей цистерны копошится мужик, одетый в рваные шорты и мешок из-под кофе, с прорезями для рук и головы, заменяющий ему майку.

— Поехали? — спросил я.

— Да? А куда тебе?

— Гватемала.

— Подожди немного, сейчас поедем.

«Сейчас» длилось не менее полчаса. Наконец шофер забрался в кабину, и мы медленно тронулись. Двигатель работал с большим надрывом. Вторая бессонная ночь давала себя знать: я тут же заклевал носом. Водитель, похоже, тоже. Помню лишь, как гигантская машина медленно ползла в гору, каждую минуту грозя заглохнуть, помню, как громыхала на каких-то ухабах, — дорога была явно не асфальтирована. Я решил, что мы куда-то свернули с основной трассы, и спросил у водителя, куда он меня везет. Он отвечал, что я должен помнить, где нахожусь, и что дороги здесь именно такие.

Ближе к утру мы остановились. Шофер сказал, что больше не может, хочет спать, а до Гватемалы осталось не более двух часов.

Я вылез из машины и пошел пешком. Подобрала меня другая цистерна, родная сестра первой. Шофер — бородатый мулат, тоже, похоже, засыпал. Был он немногословен, как и первый. Спросил только, откуда я. Уточнять я не стал, сказал — из Европы, на что последовал вопрос: «А как у вас там, в Европе, с марихуаной?» Что он этим хотел сказать, я так и не понял, поэтому промолчал. Дальше разговор не клеился. Часа через два распрощались и с этим шофером. На прощанье он сказал, что до Гватемалы часа два, не больше.

Я был уверен, что цель моего путешествия если не за поворотом, то, по крайней мере, совсем рядом. Однако пришлось сменить еще три машины, в каждой из которой говорили про два часа езды до столицы. Два часа, предсказанные первым водителем, растянулись до семи. Наконец, еще через некоторое время, я увидел из окна автобуса, на котором проделал последний участок пути, большой город в долине, окаймленной величественными конусами вулканов. Это могла быть только Гватемала.

То, что было дальше, — тема другого рассказа.

В. ОРЛОВ,
наш спец. корр.
Фото автора

На коне в строю улан

Кого, скажите, не увлекло бы предложение — погарцевать в строю улан? Тем более, если ты молод, крепок здоровьем, неравнодушен к истории и испытываешь, должно быть, по милости предков, наследственную тягу к лошадям. Для этого, оказывается, совсем не нужно изобретать машину времени, которая перенесла бы тебя лет эдак на двести назад. Молодые ребята, с которыми мне довелось познакомиться в одном из конно-спортивных заведений Подмосковья, добиваются этого иначе.

Они объединяются в своего рода клуб, который в дальнейшем будет называться военно-историческим кавалерийским полком. И вначале погружаются в доскональнейшее изучение истории. Обходят музеи, перечитывают литературу, архивные документы, изучают рисунки, гравюры, картины того времени, а затем собственноручно, затрачивая на это многие зимние месяцы, воссоздают, сходяжу до мельчайших подробностей, военную форму. Улан, к примеру, — тех, которые участвовали в знаменитом Бородинском сражении 1812 года.

И не только уланы; для девушек, участниц клуба, и платье маркизанток — мелких торговцев, сопровождавших войска во время походов. Удивительно яркой и красочной была в то время военная форма. Чтобы полководцы, наблюдавшие в подзорную трубу за грандиозной битвой на поле, могли различать свои полки и отличать их от чужих, отдавая приказания.

В военно-исторический клуб приходят и студенты, и школьники, и инженеры из «ящичков», рабочие различных специальностей. Умелых рук, владеющих иглой и слесарным инструментом, хватает. Сабли, шпоры, эполеты — все удается воссоздать. Но надо еще работать с лошадьми — тренироваться, ездить на них — тут дело обстоит сложнее.

Ведь сейчас лошадь, веками служившая людям, помогая в хозяйстве и ратных делах, оказалась едва ли не на грани исчезновения. Стало не выгодным содержать лошадь крестьянину, терпят убытки некогда на весь мир знаменитые конезаводы, с трудом перебиваются конно-спортивные заведения. Верховая лошадь стоит миллионы, а содержать ее, кормить овсом ныне под силу только «новым русским».

Однако мир, как говорится, не без добрых людей, и новоявленным уланам нет-нет да и удается проскакать галопом в строю по дорогам, какими проходили отряды уланы в давнем восемьсот двенадцатом.

Сергей Уланович, командир «Литовского уланского полка Российской армии» (в полку с таким названием под именем поручика Александрова служила некогда знаменитая кавалерист-девица Надежда Дурова), рассказывал мне, что лошадей им предоставляют организации, занимающиеся устройством в городах конно-спортивных празднеств.

В последние годы их приглашали в Каунас, по случаю 180-летия перехода Наполеона через Неман. Предоставили выхоленных, хорошо выезженных коней. На таких пройти по улицам галопом было удовольствием, а предложено было не только пройти, но и продемонстрировать различные фигуры перестроений.

Получили приглашение из Приднестровья. Вскоре после окончания там военных действий. Решили, не размышляя, ехать, а матерям, чтобы не беспокоились, сказали, что едут в Смоленск. В Бендерах насмотрелись на разрушенные бомбежкой дома, зенитные установки и людей с автоматами.

— Занятие историей, работа над изготовлением формы воинов позволяет нам, — рассказывал предводитель уланы, — как бы переноситься в ту, давнюю эпоху. А подобные путешествия заставляют видеть и зримо ощущать ненадежность нашей современной жизни...

После Приднестровья отряд побывал на конно-спортивном празднике в Татарии, в Набережных Челнах, а потом гостил в Севастополе. Жили в казармах прошлого века, встречались с моряками и офицерами на военном корабле «Пытливый». Как и всюду, с ними были и марки-тантки: Настя Кузнецова, Лена Агафонова. Девушки, как и парни, всегда не прочь проехаться на лошадях.

Но больше приятно и памятно пребывание в небольших провинциальных городках Подмосквья. Таких, как Борисов, Малоярославец, Вязьма и других, где прошли в свое время французские и русские полки. «В Вязьме, — вспоминал Уланович, — нас хлебом-солью и колокольным звоном встречали. Столицы ко всему привыкли, их мало чем удивишь, а вот для провинциальных городов наше прибытие — праздник. Нас, вестников прошлых побед России, встречают с какой-то особой теплотой».

Евгений Матузов, студент Сельскохозяйственной академии, — главный специалист в отряде по лошадям. Прошлым летом, объездив несколько деревень в окрестностях Бородина, где теперь ежегодно устраиваются представления-бои, в которых уланы всегда участвуют, раздобыл, где за деньги, где под залог, три десятка разномастных лошадей. С неременным условием к определенному сроку вернуть. Для отряда это был, пожалуй, самый запоминающийся праздник.

Поставили в поле палатки. Порядок в лагере установили такой, как в тысяча восемьсот двенадцатом году. Вставали по сигналу трубы, несли караул, купали, чистили лошадей, гоняли в ночное, а днем — регулярные тренировки, выездка, перестроения. Лошадей через десять дней невозможно было узнать — так они подтянулись, похорошели от этой походной, давно позабытой и, вероятно, дорогой им жизни. Жаль было расставаться, возвращать коней в руки нерадивых хозяев, потерявших к ним всякий интерес.

В нынешнее лето уланы собираются пройти на лошадях от Вязьмы до Царево-Займища, где 27 августа, в день рождения Михаила Илларионовича Кутузова, состоится открытие памятного знака в честь великого полководца. Это будет большой и интересный переход. Уланы готовятся, стараются хотя бы раз в месяц съезжаться на тренировки. Но, как и у всех увлеченных людей, есть у них и тайные мечты. Достать бы денег, тогда можно бы отправиться на лошадях. До самого Парижа. Как когда-то настоящие уланы. Но пока это лишь мечты...

на кусается?

— Можно ее погладить?
— А она съест конфетку?

Мальши задавали свои немудреные вопросы, взрослые ахали и охали, а объект их восхищения — четырехлетняя элегантная серо-белая волчица Сила норвила подобраться к детям поближе, опрокидывалась на спину у их ног, широко раскинув лапы, чтобы ей почесали живот, не переставая при этом дружелюбно помахать хвостом.

Такую трогательную сцену можно увидеть в парке Колорадо, и самый внимательный наблюдатель едва ли заметит что-нибудь угрожающее в поведении этого почти сорокакилограммового зверя с мощной грудью и острыми клыками, созданными самой природой разрывать плоть и дробить кости своих жертв. Вряд ли найдется любитель животных, которому не захотелось бы завести у себя дома столь величавое и в то же время ласковое существо. Однако же Трэйси Брукс, сотрудница приюта для волков парка Колорадо, держала Силу на коротком прочном поводке, явно стараясь избежать любых неожиданностей.

В этом приюте, занимающем 74 акра огороженной территории парка, нашли себе убежище 38 волков и собако-волков. — помесей, появившихся на свет в результате вязки собаки и волка. Все они родились и выросли в неволе, но прежние владельцы отказались от них, и теперь за животными ухаживают Трэйси Брукс и ее напарник Кент Вебер. Сила тоже попала сюда не случайно — еще щенком она укусила своего первого хозяина; однако сейчас ее расположение и привязанность к людям достойны удивления. Правда, иногда волчице приходится быть грозной. Но со своими собратьями. Сила — вожак одной из десяти стай в этом приюте, и ей необходимо время от времени подтверждать свое положение, яростно рыча на бросающих вызов соперников и беспощадно кусая их, если те все-таки не отступают. Однако по отношению к людям Сила — редчайшее исключение среди чуть ли не полумиллиона волков и собако-волков, живущих сейчас в американских домах.

С ВОЛКАМИ ЖИТЬ...

Владельцы волков и собако-волков единодушно утверждают, что их любимцы умнее, изобретательнее, независимее и оригинальнее домашних собак, и нередко можно даже услышать мнение, что существуют помеси собаки и волка менее агрессивные, чем некоторые породы собак.

«Больше всего мне нравится их миролюбивый характер, — утверждает хозяйка двух полукровок, одобрительно поглядывая на своего двухлетнего сына, который устроился на спине одной из них. — Часто люди говорят мне: «О, Боже, у вас волки! Они же убивают детей!» — Я не согласна. Я просто обожаю своих собако-волков. Когда-то я хотела приобрести немецкую овчарку, но они очень злые; я никогда не была бы спокойна, зная, что мой малыш с ней играет».

Тысячи американцев согласились бы с этой женщиной, и тем не менее, биологи утверждают, что лучше не держать в доме ни чистокровного волка, ни помесь волка и собаки, поскольку рано или поздно гены дикой волчьей породы берут верх и совместное проживание под одной крышей почти всегда заканчивается фатально для животного, а иногда — и для его владельца.

В щенячьем возрасте поведение волков и полукровок ничем не отличается от поведения собак: они обожают играть и выказывают неумную любовь к своим хозяевам. Но по достижении двухлетнего возраста, когда животные вступают в период фи-

зической и половой зрелости, у них начинают проявляться характерные повадки хищников, охотящихся стаей, привыкших преодолевать большие расстояния и четко знающих свою территорию.

Собственно говоря, быть такими им предназначено самой природой, однако происходящая перемена в поведении — часто довольно резкая — неизбежно приводит к конфликтам с хозяином. Они начинают мочиться во всех углах дома, помечая свою воображаемую территорию, и их острые зубы безжалостно расправляются с кухонной и мягкой мебелью, со всяческими покрывалами и занавесками, когда им приходится в голову выяснять, что же находится внутри предметов или прячется за ними.

Звери начинают воспринимать людей так, как если бы они были тоже волками. Генетически запрограммированные на постоянную борьбу за кусок пищи и первенство в стае, они бросают вызов главе дома — как правило, мужчине — покушаясь на его бифштекс или кресло, либо ревнуя к супруге и подкрепляя свои претензии грозным рычанием и легкими укусами. Не так-то просто найти верный способ обуздать подобное поведение. Если прикрикнуть на волка или отшвырнуть его ногой, он может не отступить, а, наоборот, броситься на своего обидчика и уже сильно укусит. Хорошая порка — почти стопроцентное средство восстановления иерархии в доме, но и она не дает гарантии, что сходная ситуация не повторится через час или на другой день.

Изгнанные на задний двор, волки, в конце концов, убегают, если только хозяйка не держат их на крепчайшей привязи, и, оказавшись без пищи, начинают охо-

дять где-нибудь на заднем дворе, либо разгневанные соседи травят или пристреливают их в отместку за нападение на своих детей.

Сотрудники приюта парка Колорадо тоже считают, что волки совершенно не годятся на роль любимцев семьи, и людям стоило бы помочь волкам вернуться в природную среду обитания, а не пытаться одомашнить их. «Увы, — говорит Кент Вебер, — сегодня по всей стране продаются щенки волков и собако-волков по цене от 250 до 1500 долларов; страницы журналов о животных и даже крупных газет пестрят объявлениями типа: «Купите немного дикой природы Продаются трехнедельные, 98-процентной чистоты, волчата. Послушны и удивительно привязаны к детям!»

ВОЛЧЬЯ ЛИХОРАДКА

Впервые волки попали в руки любителей экспериментов с животными в 60-е годы. Сначала основными поставщиками были зоопарки и две-три зверофермы. Потом к ним присоединились охотники Аляски и Канады, где волки все еще водятся в изобилии.

Сам по себе такой промысел несложен: охотник приходит весной к заранее выслеженному волчьему логову, спугивает родителей и забирает выводок, причем желательно, чтобы волчата были еще слепыми — им легче будет привыкнуть к людям.

В США не так-то просто получить разрешение на содержание, выращивание и продажу диких животных — исключение делается только для лиц, занимающихся этим в сугубо научных целях. Однако когда дело касается волков, обойти это препятствие оказывается проще простого: во-

титься за кошками, собаками, кроликами, козами, считая близлежащие окрестности своей охотничьей территорией.

Нередко их хищнические инстинкты проявляются и по отношению к людям, особенно, если они, маленькие и слабые, испуганно кричат или пытаются убежать.

Начиная с 1986 года в США волки и собако-волки, содержащиеся в домашних условиях, загрызли девять детей в возрасте до двенадцати лет (в одном случае жертва была почти съедена). Куда большее количество людей — как детей, так и взрослых, было искалечено, почти все бывшие владельцы заявляют, что хотя бы раз были покусаны своим любимцем.

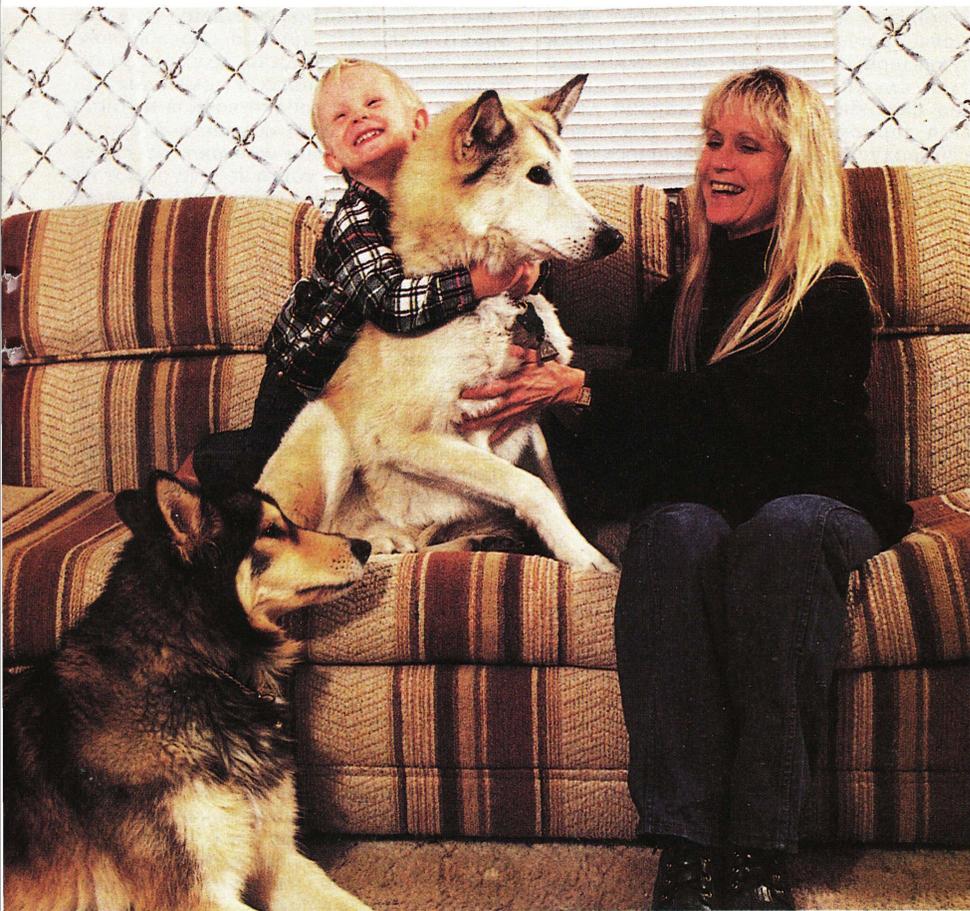
Горстке официально зарегистрированных специализированных приютов для волков, аналогичных приюту в парке штата Колорадо, ежегодно приходится отвечать на тысячи звонков от владельцев волков и собако-волков, пытающихся куда-нибудь пристроить своих неожиданно вышедших из повиновения питомцев (90 процентов владельцев испытывают серьезные трудности с животными, когда те взрослеют). Но эти бесприбыльные организации в состоянии принять лишь ничтожный процент зверей, оказавшихся ненужными. Что касается традиционных обществ охраны животных, то они отказываются подыскивать обиталища для волков из-за их плохой репутации и напрямую заявляют, что привезенные к ним волки и собако-волки будут немедленно уничтожены.

В результате хозяева их либо усыпляют, либо выгоняют из дома и сажают на

первых, по своему поведению и внешнему виду волчата ничем не отличаются от щенков немецкой овчарки, лайки или маламута, а во-вторых, в подавляющем большинстве штатов действует закон, согласно которому животное, имеющее хотя бы один процент собачьей крови, считается обычной собакой. Поэтому людям, выращивающим и продающим волков, достаточно объявить, что они торгуют не чистокровными животными, а собаками, являющимися на 98-99 процентов волками, чтобы таким образом избежать преследования за свою деятельность. Более того, когда в 1992 году власти штата Флорида запретили торговлю помесями, являющимися на 75 процентов волками, все собако-волки этого штата за одну ночь превратились в «74-процентную помесь».

При отсутствии эффективных средств, ограничивающих распространение волков и собако-волков и безразличном отношении к возможной угрозе, которую они представляют для их владельцев и общества в целом, количество этих животных, находящихся в частных руках, стремительно растет. Вот свидетельство профессионала:

«Я купила своего первого волчонка в 1973 году, — рассказывает Мэри Макби, бывший президент ныне уже не существующего Североамериканского общества владельцев волков и собако-волков. — В то время не более двух дюжин людей во всей Америке занимались разведением и продажей щенков, и я лично была знакома с каждым из них. Некоторые вели кни-

«Хотя волки и ведут постоянную борьбу за первенство в стае, они редко серьезно калечат своих собратьев, — замечает Вебер. — Дело в том, что всем членам стаи необходимо быть в хорошей форме, чтобы загнать очередного лося или овцебыка. Но если скрестить волка, скажем, с доберманом, которого мы 12 тысяч лет учили кусать и драться до смерти, их потомок непременно окажется своего рода бомбой замедленного действия для людей и животных, которые будут находиться рядом с ним».

Многие специалисты согласны с таким мнением. Они считают, что, раз не существует постоянного набора генов помеси волка и собаки — с волками скрещивают и относительно мирных лаек и маламутов, и откровенно агрессивных ротвейлеров, и пит-булей, — то абсолютно невозможно предсказать их поведение. Более того, даже в том случае, когда точно известна родословная животного, его поведение все равно остается загадкой и может оказаться совершенно непохожим у разных особей с одним и тем же генетическим набором.

Защитники собако-волков, в свою очередь, утверждают, что большинство проблем с этими животными (включая неожиданные нападения) связано с неумением хозяев обращаться с ними, понимать их поведение и пользоваться во время общения языком жестов. В этом есть большая доля истины, но для их жертв, которыми почему-то оказываются почти исключительно дети, это слабое утешение. В 1993 году посаженный на цепь собако-волк, помесь волка и маламута, загрыз до смерти двенадцатилетнего мальчика, случайно оказавшегося поблизости.

БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Даже умудренные опытом «волководы» подвергаются внезапным нападениям своих питомцев. Вот что рассказывает Бет Дюман, страстная любительница волков, биолог по профессии: «Наани, чистокровная волчица, прожила с нами более четырех лет, и трудно было представить себе создание, более ласковое со мной, с моим мужем Бобом и нашими детьми. Я часто приводила ее в школы и показывала детям, чтобы убедить их, насколько дружелюбно волки могут относиться к людям. Но как-то раз, весной, мы с Бобом вошли к ней в вольеру и принялись ласкать и почесывать нашу любимицу; и вдруг она безо всякого предупреждения, вскочив на задние лапы, толкнула передними Боба в грудь и, прижав к изгороди, вонзила клыки ему в плечо. С тех пор Наани пыталась напасть на Боба всякий раз, когда он заходил к ней в клетку. В конце концов нам пришлось избавиться от нее.

Потом мы вспомнили, что в тот день Боб немного прихрамывал — у него болела поясница. Именно этого и дожидается волк: небольшая брешь в ваших доспехах — и он готов бросить вызов. И, представьте себе, когда мы рассказали эту историю другим владельцам волков, оказалось, что подавляющее большинство из них тоже в свое время пережили смертельно опасные стычки со своими подопечными».

Существуют, по крайней мере, два метода обхождения с волками и собако-волками. Следуя первому из них, хозяин животного с самого начала утверждает свое главенство. Если щенок претендует на что-либо, не принадлежащее ему, его хватают за загривок и грубо швыряют на спину. Когда же взрослый волк начинает вести себя агрессивно, надо встать прямо, подняв голову выше, чем у животного, и смотреть ему в глаза до тех пор, пока зверь не отведет взгляд.

Но есть и другой способ, которым пользуются Брукс и Вебер: никогда ниче-

ВОЛК!

За последнее время у американцев, похоже, развилась настоящая страсть к волкам и собако-волкам, очень напоминающая прежде повальное увлечение такими грозными собачьими породами, как немецкая овчарка, ротвейлер и пит-буль.

ги и регистрировали родословную своих животных. Но за какой-то десяток лет, словно из ниоткуда, появились тысячи и тысячи новых торговцев щенками, образовалось несколько обеднений владельцев, стали выходить специальные издания».

Одни собаководы (или скорее уж «волководы») занимаются помесями, в жилах которых течет небольшой процент волчьей крови и которые считаются менее опасными и более управляемыми, чем чистокровные волки. Они зачастую сами одомашнивают этих животных и приучают их жить среди людей. Другие же, такие, как Трейси Брукс и Кент Вебер из приюта для волков в парке Колорадо, считают, что поведение чистокровных волков более предсказуемо, поскольку их повадки, как в неволе, так и на свободе, уже давно и основательно изучены.

го не отнимать у волка, даже если он залез в тарелку с вашим супом. При разговоре с ним голову нужно опустить как можно ниже, чтобы зверь понял, что вы настроены миролюбиво; а если волк угрожающе рычит, скалит зубы и прыгает, готовясь укусить, ни в коем случае нельзя отворачивать взгляд и отступать назад — даже если клыки сверкнули на расстоянии пары дюймов от лица. Нужно смотреть как бы сквозь или за животное, словно не замечая его, и при необходимости можно произнести скучающим тоном какое-нибудь нейтральное выражение, вроде: «Ну, что тебе надо?» или лучше всего просто «Ба-а!» Таким образом удается сохранять превосходство над зверем: всем своим видом вы показываете, что относитесь к брошенному им вызову, как к пустячному недоразумению. Этот метод работает, по крайней мере, для Кента и Трэйси: Кента кусали всего лишь однажды, а Трэйси — ни разу.

Но самое лучшее — вообще не иметь дела с этими животными. По мнению Монты Слоуна, сотрудника другого приюта для волков, в штате Индиана, «всякому, у кого в доме есть волк или собаковод, очень скоро становится ясно, что надо всегда быть на чеку, когда общаешься с ними. Но рано или поздно даже самый бдительный хозяин позволяет себе расслабиться, полагая, что либо у него исключительно послушное животное, либо он сам исключительно умелый хозяин. В любом случае — это глубочайшее заблуждение, за которое приходится расплачиваться».

Брукс и Вебер прекрасно знают это и никогда не возьмут на лекции, которые они читают в школах и университетах, животное, в чьем поведении они не уверены на сто процентов. И волчица Сила, которой многое позволено при общении с людьми и особенно с детьми похоже, и в самом деле является исключением из правила. Обычно же волка во время лекции держат на коротком прочном поводке на сцене или просто подалеже от слушателей; лишь иногда ему разрешают в виде приветствия облизать лицо самого смелого из школьных учителей, причем заранее подготовленного к этому испытанию, и — крайне редко — пройти сквозь толпу ахающих и охающих детей. Все это вполне укладывается в рамки главной идеи Брукса и Вебера: продемонстрировать людям, что волки отнюдь не убийцы; однако стержнем их деятельности было и остается проверенное музейное правило: «Руками не трогать!»

Что же представляют собой эти, так сказать, «волководы», которых в Америке насчитывается несколько тысяч человек? В подавляющем большинстве — это отнюдь не богачи, сколотившие капитал на торговле волчатами. Как правило, они занимаются своим делом исключительно «из любви к искусству» и просто вынуждены продавать часть щенков, которых негде содержать или невозможно прокормить.

Вот что рассказывает журналист Джек Хоуп, посетивший одну из таких «звероферм» в штате Айдахо: «Я заинтересовался объявлением — «Продаются чистокровные щенки канадского полярного волка... выращенные в домашних условиях»... ну, и конечно же, «обожавшие детей». На другой день я приехал по указанному адресу, и моему взору предстала отнюдь не воодушевляющая картина: выдавший виды трейлер, служивший домом владельцам, и полакра выжженной горячим солнцем голой земли, обнесенной высокой металлической сеткой. В вольере содержалось 13 взрослых зверей; каждый был привязан металличе-

ской цепью к прочному столбику, глубоко вбитому в землю. Небольшие деревянные топчаны, возле которых стояли двухведерные пластмассовые емкости с водой, служили для них местом отдыха, явно неудобным в такой жаркий день, когда термометр наверху показывал за 30 градусов. Да еще спутавшиеся цепи мешали некоторым животным, в том числе и матери четырех шестинедельных щенков, добраться до своих лежанок или дотянуться до питья.

Завидев меня, большинство зверей поджали хвосты, однако двое злобно зарычали и загремели цепями, всем своим видом показывая, что не прочь бы попробовать на зуб мои ноги. Даже мне, дилетанту, было очевидно, что вряд ли хотя бы одного из них можно было с уверенностью назвать чистокровным волком. Отцом щенков оказался мощный зверь, весивший никак не меньше 50 килограммов, но его короткая морда, хвост крючком и характерные лапы выдавали помесь волка и маламута».

Тем не менее владелица фермы, по словам журналиста, утверждала, что оба родителя щенков — чистокровные волки. Она сообщила, что занимается своим делом уже двенадцать лет, и ее главная цель — доказать, насколько хорошо дикие волки вписываются в человеческое общество. Хозяйка продала уже более 300 щенков, и ни один из них ни разу не укусил человека — кроме единственного случая, когда пришлось защищать ее саму от непрошенных гостей. Конечно же, владелица щенков слышала истории о нападениях волков на людей, но ее метод одомашнивания этих животных «поистине уникален», и она никогда не боялась приводить своих детей — а теперь уже и внуков сюда, в вольеру.

Джек Хоуп услышал также массу трогательных историй: как волки приносили своим хозяевам газеты, тапочки и даже пиво из холодильника, как сама хозяйка увлеклась волками, подобрав где-то в глуши очаровательного щенка, оставшегося без родителей и многое другое. И это была не реклама. Скорее всего, эта женщина выдавала желаемое за действительное, приписывая своим любимцам вымышленные качества. Склонность к самообману является, пожалуй, самой удивительной чертой, присущей многим любителям волков.

«Есть нечто болезненно-странное в характере людей, покупающих и держащих дома этих зверей, — заявляет Боб Дюман, кстати, сам бывший владелец волка. — Очень часто — это парень в кожаной куртке, с татуировкой на руках, который приобретает волка, подчеркивает свой особый социальный (вернее, асоциальный) статус. Он хочет, чтобы вы знали: его животное способно убивать, — и поняли, что и сам он ни перед чем не остановится.

Но есть и другой тип людей, — продолжает Боб, — наивные идеалисты вроде меня и моей жены, закрывающие глаза на недостатки окружающих, в том числе и домашних животных, и воспринимающие одни их достоинства. Волк уничтожает мебель в доме, а вы лишь восклицаете: «О-о! Какой у него творческий подход!» Затем он начинает бросаться на соседского мальчишку, и вы говорите: «Какая у него чувствительность! Не зря ведь этого ребенка никто не любит». Наконец он сильно покусал вас, но вы продолжаете заниматься самообманом, уверяя себя: «Он ведь не хотел сделать мне больно, наверняка я сам чем-то обидел его».

НАЗАД — К ПРИРОДЕ

Биологи, не одно десятилетие занимавшиеся проблемой возвращения волков в их естественную среду обитания, убеждены, что содержание волков и полукровок в частных домах имеет только отрицатель-

ные стороны. Дикие волки боятся людей и вынуждены охотиться стаей — для них практически нет другого способа поймать быстрого и дичь, служащую им пищей. У выращенных в домашних условиях волков и собаководов начисто отсутствуют навыки совместной охоты. Поэтому, когда они убегают от своих владельцев, либо когда те отпускают их — пусть из самых лучших побуждений — на волю в ближайший парк или лес, им приходится добывать себе пропитание, потроша мусорные ящики, пугая туристов и охотясь за домашней живностью.

«Нам постоянно приходится сражаться с вековыми предрассудками, выработавшимися у людей по отношению к диким волкам, — считает Дэвид Мек, главный авторитет Северной Америки по волчьей проблеме, — подавляющее большинство происшествий подается прессой под безликим заголовком: «Инцидент с волком», хотя и в самом деле речь идет либо об убежавшем из дому волке, либо о помеси волка и собаки, но отнюдь не о диком животном. Конечно, все это в какой-то степени настраивает общественное сознание против наших попыток вернуть волков в естественную среду обитания».

Ученые крайне озабочены также возможностью передачи диким волкам собачьих генов убежавших или выпущенных на свободу собаководов, а вместе с ними — поведения и инстинктов собак. На сегодняшний день научно подтвержден лишь один случай возвращения волчицы в стаю после вязки с собакой, но неконтролируемый рост численности помесей постоянно увеличивает вероятность подобных событий. Считается, что это может привести к катастрофически непредсказуемым изменениям генетического фонда диких волков, и в 1990 году специальный комитет по проблеме волков Международного союза за сохранение природы осудил содержание и выращивание волков и их помесей в домашних условиях и потребовал немедленно запретить такую практику.

Волки, хотя и медленно, возвращаются в леса Северной Америки. В штате Миннесота сейчас насчитывается 2 тысячи зверей, в штатах Мичиган и Висконсин — около сотни, в штате Монтана — примерно семьдесят. Вполне возможно, что волки вернутся еще в несколько штатов, расположенных в области Скалистых гор, где обитают большие популяции лосей и оленей. И тем более странным кажется тот факт, что даже в этих штатах в домах американцев живет в 50 раз больше чистокровных волков, чем на воле. Журналист Джек Хоуп, за долгие годы путешествий исколесивший тысячи миль «волчьей страны» Североамериканского континента — от Юкона до Северо-Западной территории — считает, что лишь однажды видел дикого волка (хотя, как знать, быть может, это был всего лишь койот).

«Волк — это своего рода символ природы, — размышляет Кент Вебер. — А за последние двадцать лет американцы неожиданно для себя осознали, что она несет невосполнимые потери с угрожающей быстротой. Как люди отреагировали на это? Кое-кто взялся ее защищать, некоторые пытаются целиком погрузиться в то, что от нее осталось. Но подавляющее большинство решило, что можно бороться с этим процессом, изменить себя и свою жизнь, просто-напросто купив себе частичку природы — волка».

По материалам журнала
«Smithsonian»
подготовил А.КУЗЬМЕНКОВ

**ГРАФ
КСАВЬЕ
ДЕ САД
РАСКРЫВАЕТ
СЕМЕЙНЫЕ
ТАЙНЫ**

ПЕРЕЖИВШИЙ ЗАБВЕНИЕ

**Анна-Мария МЕРЖЬЕ,
Алексей ВАСИЛЬЕВ —
специально для «Вокруг света»
Фото авторов**

Возвышающиеся на холме развалины замка Лакост — любимого места развлечений маркиза.

Странный человек, странная судьба — пожалуй, именно так — если в двух словах — можно сказать о маркизе Донасьене Альфонсе Франсуа де Саде, человеку, чье имя навеки утвердилось как символ чудовищного извращения, став синонимом высшей степени проявления жестокости, как физической, так и моральной.

К великому сожалению, до недавних пор применительно к личности маркиза де Сада подавляющее большинство россиян относилось по пословице: слышали звон, да не знали, где он, — имея лишь весьма отдаленное представление — а то и вовсе никакого — о том, чем же так прославился этот человек. К тому же, добавим, во всех советских энциклопедиях имя маркиза связывалось исключительно с одним понятием — садизм, имеющим отношение, скорее, к психиатрии, нежели, например, к литературе или философии. Многие из нас, увы, и сейчас продолжают пребывать в неведении, совершенно не представляя себе, кто же он был такой — маркиз де Сад.

Итак, родился он в 1740 году. Получил прекрасное образование и не один год жизни посвятил военной карьере, сыграв заметную роль — чисто идеологическую — во Французской революции. Во всем мире известен как писатель и философ, давший в своих трудах полное и яркое отображение не только возвышенно-помпезных нравов высшего французского общества, но и ужасающих пороков, которым охотно и с радостью предавался высший свет; и сам маркиз де Сад, будучи представителем этого общества, также не избежал грехопадения. Больше того: мысленно вознесясь над светом, он возвел порок в категорию философскую, выдвинув идею, будто «природа создала человека лишь для того, чтобы вкушать все радости земные... А жертвы наслаждений — тем хуже для них: наличие жертвы — насущная необходимость». Как философ, де Сад был убежденным материалистом и атеистом. Согласно другому его утверждению, истинного наслаждения можно добиться только через боль. Вот почему во многих произведениях маркиза, в том числе и литературных, он поэтизирует жестокость и тут же подтверждает свои собственные слова анализом. Многие из этого анализа используют современные психопатологи.

Граф Ксавье де Сад на фоне замка Мазан.

Аллегорический портрет Донасьена Альфонса Франсуа де Сада. Лик маркиза как бы вырастает из тюремного застенка, в котором де Сад провел 27 лет жизни. Художник Мэй Рэй (из коллекции Уильяма Копли, Нью-Йорк).

После смерти маркиза де Сада минуло сто восемьдесят лет с лишним. В свое время имя его, как и труды, было предано проклятию и забыто. Но в наши дни оно воскресло из забвения. И сегодня отношение к личности маркиза постепенно меняется: многое из того, что им было написано, подвергается принципиальному пересмотру и более углубленному, непредвзятому изучению. И мысль, объединяющая, пожалуй, всех исследователей жизни и творчества де Сада, сводится к одному: маркиза сделали своего рода козлом отпущения за свои собственные грехи те, кто был близок ему по классу и духу и чьи имена — а их немало — сегодня уже вряд ли кто вспомнит...

Но, уважаемые читатели, кто лучше может рассказать о маркизе де Саде, чем его прямые потомки? И предлагаемый вашему вниманию очерк, написанный в форме беседы-размышления, — яркое тому свидетельство. Исключительное право на публикацию очерка было предоставлено нам французской журналисткой Анной-Мэри Мержье, посвятившей добрый десяток лет своей творческой жизни поиску интересных, захватывающих тем, которые она освещала и продолжает освещать на страницах популярного мексиканского журнала «Экспрессо». А также — ее соавтором и мужем Алексеем Васильевым, нашим соотечественником. Выражая искреннюю признательность Анне-Марии и Алексею за сотрудничество с нашим журналом, мы надеемся, что оно будет плодотворным и в дальнейшем.

Итак...

«...ЭТО БЫЛ САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ ЗАМОК МАРКИЗА»

Франция. Авиньон

— Досадно, — с грустью проговорил граф Ксавье де Сад, — а я так хотел показать вам замок Лакост под лучами солнца.

Граф ведет машину по узкой и скользкой дороге, которая извивается, словно змея, среди зеленых виноградников и вишневых садов, уползая все выше и выше. Внезапно граф тормозит — машина останавливается на обочине.

— Вот он, — взволнованно указывает он рукой на вершину. — Смотрите.

И правда, между серыми, несущимися неизвестно откуда и куда облаками, под дождем и ветром, точно призрак, возникает замок Лакост, как бы парящий над долиной Бонье. Кажется, что Люберон, легендарные горы Прованса, одной из красивейших провинций Франции, подчиняется ему.

— Это был самый любимый замок маркиза, — объясняет граф. — Здесь он скрывался от своих преследователей. К замку нельзя подобраться незаметно — есть только одна дорога. Маркизу казалось, что он властвует над всеми, правит миром. Лакост послужил прообразом замка Силинг. Лакост вдохновлял его — это несомненно.

Граф выходит из машины и окидывает взглядом (в который уж раз!) руины таинственного замка.

— Теперь с трудом верится, что когда-то Лакост был местом удовольствий и развлечений, — говорит граф. — Здесь, например, маркиз провел несколько дней с одной из своих любовниц, некоей Лабовуазен, которую он выдавал за свою жену. В конце концов все стало известно, и теща маркиза, суровая правительница Монтрея, учинила ему неслыханный скандал.

Рассказывая эту историю, граф улыбается. Это улыбка соучастника, словно он рассказывает нам о шалостях своего старшего брата, неугомонного, немного скандального, но очень любимого, которому все прощается даже через века.

— Не забывайте, что маркиз женился не по любви. Его отец и монтрейская правительница все решили за него. Де Сад — старое дворянское имя, де Монтрей — деньги, в общем, это был брак по расчету. По расчету родителей. И к тому же Рене Пелажи была так... ну так безобразна, — добавляет он с жалостью и состраданием

к маркизу, — что его можно понять. Представляете себе, в день, когда молодых представляли при дворе Людовика XV, во время заключения брачного союза, Донасьен де Сад даже не явился ко двору, вся церемония прошла без него...

Описать внешность графа Ксавье де Сада кажется поначалу простым и легким делом. Седой, полноватый мужчина, семидесяти двух лет, живой, подвижный, с чувством юмора — вот, пожалуй, все. Но есть в этом человеке нечто, не поддающееся описанию, и это нечто — его аристократизм: он у него в крови. К тому же граф прост в обращении, любезен и приветлив и никогда ни словом, ни намеком не поставит себя выше собеседника. Лишь красный шелковый платок, засунутый в карман пиджака с элегантно небрежностью, выдает в нем человека из высшего света.

Когда мы договаривались с графом о встрече, он сразу уточнил, что не намерен вести беседу на уже набившую оскомину тему о грехах своего предка, а предложил посетить три замка маркиза, которые находятся в Провансе.

Любезность и обходительность графа Ксавье де Сада далеко не все его достоинства. Его имя войдет в историю французской литературы, потому что он первый из потомков «странного» маркиза, громко заявивший о своем родстве с ним и открывший после 150-летнего молчания архивы наиболее скандального писателя XVIII века.

«...МОИ РОДИТЕЛИ НИКОГДА НЕ ГОВОРИЛИ О МАРКИЗЕ»

В пятницу 10 декабря 1814 года в десять часов вечера в Шарантонском приюте для душевнобольных скончался маркиз де Сад. Все рукописи, хранившиеся в его доме, были тут же конфискованы жандармами. Они были прочитаны и изучены, часть наиболее крамольных, по мнению полиции, была сожжена. Сын маркиза Клод-Арман присутствовал на этом аутодафе. Остальные бумаги с разрешения префектуры были распроданы. 29 января 1815 года Клод-Арман де Сад купил все оптом за 175 франков. Погрузив рукописи в ящики, он отвез их в свой замок Конде-ан-Бри, где и спрятал на чердаке. И все. С

того времени имя маркиза ни разу не произносилось в семье. Его словно не существовало в роду.

Молчание длилось вплоть до 1947 года, а именно до того времени, пока граф Ксавье де Сад не унаследовал замок Конде-ан-Бри.

— Когда я женился, — вспоминает граф, — моя мать подарила мне замок Конде-ан-Бри. Подарок оказался с «ядовитой» начинкой.

— Ядовитой?

— Ну не ядовитой, это, конечно, слишком, просто замок круто изменил мою жизнь. Он был сильно поврежден немцами во время войны, и я потратил 25 лет, чтобы его восстановить. Во время ремонта я обнаружил на чердаке ящики с бумагами — архивы нашей семьи и рукописи маркиза. Это и стало поворотной точкой в моей судьбе. До этого времени я мало что знал о своих предках, а уж о маркизе и подавно. Семейные архивы были для меня настоящим открытием.

— Стало быть, до двадцатипятилетнего возраста вы не представляли, кем был ваш предок — маркиз де Сад?

— Нет, я, конечно, догадывался, что в семье существует какая-то тайна, но никогда до этого не читал ни писем, ни произведений маркиза. Да и где я мог бы прочесть его книги? Ведь во времена моей юности они были запрещены.

— А ваши родители никогда не рассказывали о маркизе?

— Нет, что вы, никогда. Это понятно: мои родители, как и остальные потомки маркиза, были благоверными католиками. Их мораль, образ и философия жизни резко отличались от того, о чем писал маркиз. К тому же они не знали его книг, знали разве что о скандальной репутации, которая волновала многих людей в XVIII и XIX веках и продолжает волновать и в наше время. Поверьте, имя маркиза де Сада отождествляют с абсолютным злом. И так везде, — замолкает граф, осторожно управляя машиной на опасной дороге.

Идет холодный дождь, ветер пригибает ветви черешен. Кажется, что взгляд графа пронзает не пространство, а время. Он добавляет:

— Я не успел поговорить о маркизе с моим отцом. Он погиб в железнодорожной катастрофе, когда мне было одиннадцать лет.

Снова молчание. Видно, что трагедия, пережитая в детстве, не забылась с годами. Машина делает плавный поворот, и перед нами вновь возникают таинственные руины замка.

— И моя мать никогда не говорила со мной о маркизе. Помню, как однажды я обнаружил неизвестный мне портрет, спрятанный в потайном ящике шкафа, — миниатюру на фарфоре. Я спросил: «Кто это?» Мать со смущенным видом поспешно задвинула ящик и странным голосом ответила: «Не сейчас... как-нибудь потом... может быть...»

— Это был портрет маркиза?

— Да.

— И вы разделяли страх ваших родителей и предков перед именем маркиза?

— Конечно же!

— А сейчас вы продолжаете чувствовать этот страх?

— Ну да!

— Но что же тогда с вами произошло? Почему именно вы, набравшись мужества, решились нарушить полутора-вековое молчание?

— Рассказать об этом непросто...

«МАРКИЗ ПРОДОЛЖАЕТ ТВОРИТЬ ЧУДЕСА»

Мы добрались на вершину горы, перед нами — руины замка: полуразрушенная башня, мрачная серая стена — впечатление удручающее. А тут еще ветер и низколетящие облака — все это только усугубляет тоску.

— Оглянитесь вокруг, — говорит граф. — Вы не находите, что замок расположен действительно очень удачно? Он как бы царит над долиной. Здесь маркиз чувствовал себя всемогущим, недостижимым и защищенным от всех бед.

Некоторое время мы молчим, слышно, как ветер разгуливает в развалинах, а нам кажется, что это призрак маркиза бродит по замку, выглядывая из зияющих черных проемов безликих окон. Граф наотрез отказывается выйти из машины и сфотографироваться на фоне развалин.

— Не считайте за нескромность, господин граф, но вы отказываетесь из-за чувств, которые испытываете, глядя на то, что осталось от замка?

— Нет-нет, — смеется граф, — чувства здесь ни при чем.

— Так что же тогда?

— Мне не хочется выходить из машины только из-за того, что я не в ладах с нынешним владельцем этих развалин.

Тибо де Сад — младший сын графа Ксавье, потомок маркиза де Сада в восьмом колене.

— Замок больше не принадлежит вашей семье?

— Да, и давно, — грустно вздыхает граф. — Замок был захвачен взбунтовавшимися крестьянами 17 декабря 1792 года. Маркиз в то время находился в Париже. Охрана замка разбежалась, и крестьяне разграбили и разрушили все, что только можно. Позднее маркиз продал — но очень неудачно — то, что осталось от замка. Потом этот участок ходил по рукам, его делили, продавали частями. Пятьдесят лет назад местный учитель английского языка, большой поклонник моего предка-маркиза, взялся восстановить замок и, скупив по частям участок за участком, приступил к реставрации.

— Так вы недовольны его деятельностью?

— О, эта история сложнее, чем кажется. Видите ли, потомки маркиза решили никогда не возвращаться в Прованс, где находятся истоки нашей семьи. Я первый из потомков маркиза де Сада, кто вернулся сюда, в колыбель нашего рода. После войны, во время медового месяца, жена и я изъездили всю эту область. Прованс нас очаровал, и с тех пор мы проводим часть года здесь, а часть — в нашем доме в Туре. В то время, когда я открыл для себя Авиньон, замки Лакост, Соман и Мазан, которые принадлежали в свое время маркизу, я узнал довольно странные вещи.

— Какие же?

— Ну, например: этот самый учитель английского языка выдает себя за потомка маркиза де Сада. Я имел с ним долгое и не очень приятное объяснение, но в конце концов уладил этот вопрос. А потом мы вновь схлестнулись с ним — из-за статьи, которую я опубликовал в одной местной газете, где критиковал его методы восстановления замка.

Граф указывает на часть стены, которая резко выделяется на фоне темно-серых руин.

— Взгляните сюда, — предлагает Ксавье де Сад. — Я думаю, вы согласитесь со мной, что она портит весь вид. Несомненно, восстановление замка — идея замечательная. Но представьте, сколько средств требуется для реставрации. К сожалению, их у учителя нет, но, чтобы потешить свое самолюбие, он восстановил эту часть стены, употребив дешевый, я бы сказал «неблагородный» материал. Честно говоря, я бы предпочел видеть развалины,

Портрет молодого маркиза де Сада, выполненный Бильберштейном также в аллегорической форме.

Иллюстрация к первому изданию «Истории Джульетты», 1797 год.

чем эти бетонные блоки. Надо оставить этот замок в покое и не волновать душу маркиза: ведь он очень любил это место.

— Надо полагать, ваш спор с учителем английского языка был довольно острым?

— Ну да! Теперь этот учитель даже запретил мне ходить на территорию замка, он не любит, когда я прогуливаюсь поблизости. Но когда у меня возникает желание посетить эти места, тут уж никакой запрет не властен надо мной. Вот почему я не хочу фотографироваться на фоне этой безобразной стены. Были у меня и другие спорные вопросы с этим учителем. Ко всему прочему, он еще и виноградарь, а свое вино так и назвал — «Маркиз де Сад». Я запретил ему использовать имя моей семьи. К тому же, как я знаю, несмотря на мои предупреждения, он продолжает выдавать себя за потомка маркиза. В общем, он неплохой человек, но какой-то странный. Всю свою жизнь он посвятил этому замку. Восстановление развалин — его навязчивая идея. Я думаю, он в буквальном смысле «без ума» от маркиза. Наверное, поэтому и представляется всем как маркиз де Сад.

— И это, надо признать, не единственный случай. Вот уже полвека как я изучаю жизнь и творчество моего предка. И за эти годы встречался со многими людьми — учеными, биографами, историками, просто читателями, которые попали под «чары» маркиза де Сада. Это впечатляет. Даже Жильбер Лели, известный поэт и биограф маркиза, много сделавший в сороковые годы для реабилитации его имени, попал в «ловушку». В конце своей жизни он возомнил себя маркизом де Садам. Просто удивительно! Однажды мы пришли с ним в издательство «Галлимар», и на пороге он представился: «Я маркиз де Сад». Я стукнул его в спину и сказал: «Послушай, Жильбер, ведь де Сад — это я!» Но я на него не обижаюсь — это замечательный писатель, он написал много прекрасных работ о маркизу. Что удивительно — все, кто прикасался к творчеству и жизни маркиза, становились после этого иными. Маркиз завоевывал их души и мысли.

— Вы замечали, что такое же влияние испытывали на себе Морис Лева, автор биографии вашего предка, или Мишель Делон, опубликовавший произведения маркиза в знаменитой «Плеяде»?

Граф смеется:

— Слава Богу, нет. Они скорее очарованы маркизом, но никак «не околдованы». Лева — писатель, Делон — ученый, и они оба твердо стоят на земле. Но вот вам другой пример: некая Алиса Лабора, профессор одного американского университета, сошла с ума на почве изучения произведений маркиза. Похитила рукописи, опубликовала совершенно безумную биографию де Сада, дала пресс-конференции — просто ужас! Я подал на нее в суд, и не я один — издательство «Фаяр», где Морис Лева опубликовал свой труд, тоже.

— И все же какая сила! Вот уже два века маркиз околдовывает, очаровывает или просто влияет на тех, кто с ним соприкасается. Никто не остается равнодушным.

— Это вы верно подметили, — кивает Ксавье де Сад.

«Я ЗАПАТЕНТОВАЛ СВОЕ ИМЯ...»

Прощальный взгляд на полуразрушенную башню, которая словно насмехается над веками, временем, ветром, нами. Граф заводит мотор, машина трогается. Медленно спускаясь, мы проезжаем деревушку Лакост. Она прилепилась к склону горы. На крутых улочках безлюдно. У пустого ресторанчика граф на минуту останавливается и с улыбкой указывает на вывеску: «У маркиза де Сада».

— Один из жителей деревни решил открыть ресторан и просил у меня разрешения использовать имя маркиза. Он хороший, простой человек — и я согласился. Но, честно говоря, не думаю, что имя маркиза приносит ему доход — видите, ресторан пуст.

— Так он специально спрашивал у вас разрешения?

— Да, и как видите, я разрешил. Но я был против, когда местные виноделы использовали имя маркиза, назвав свое вино «Дивный маркиз».

— А как вы боролись с ними?

— Изучая жизнь и творчество маркиза, я обнаружил, что многие используют его имя и, кроме того, извлекают из этого немалую выгоду. Не только издательства, но и коммерсанты. Я вынужден был принять законные меры — словом, запатентовал имя де Сад в Институте промышленности и торговли.

— Вы шутите?!

— Что же здесь удивительного? Если я единственный обладатель этого имени, почему я не могу его защитить?

— Так, значит, вы можете использовать свое имя и в чисто коммерческих целях.

— Ну конечно! Что я и делаю вот уже пять лет. С недавнего времени под именем маркиза выпускается шампанское. С гордостью скажу — качества исключительного: сухое, белое — оно стоит этого имени. Два года назад я заключил контракт с лучшим винодельческим кооперативом Мазана (область Прованса), теперь мы выпускаем два сорта вина под именем «Маркиз де Сад» — белое и красное.

— Вас не смущает такое использование имени маркиза де Сада, писателя, человека, наконец?

Граф улыбается.

— Если вы думаете, что я стану миллионером, продавая это вино, так вы не угадали. Назвав вино его именем, я хотел реабилитировать и прославить моего предка. Надеюсь, что постепенно люди будут связывать имя маркиза с предметами высшего качества, хорошего вкуса. И в конечном счете увидят совершенно иного маркиза де Сада — человека, который обожал веселую жизнь, женщин, любил хорошо выпить и закусить. Даже находясь в тюрьме, он требовал, чтобы жена приносила ему деликатесы, тонкие и дорогие вина. В тюрьме Пикпос, а затем и в Шарантонском приюте он устраивал грандиозные застолья для своих друзей-заключенных. Поэтому я совершенно уверен — маркиз был бы счастлив, увидев свое имя на бутылке хорошего шампанского или другого чудесного вина.

— А что вы думаете выпускать, кроме вина?

— Ну, например, духи. Воздушные, с таинственным ароматом, пробуждающим страсть. Но имя маркиза обязывает — его можно поставить только на продуктах самого высокого качества.

Граф на минуту замолкает, взгляд его делается ироничным — видно, что эта мысль его забавляет:

— Естественно, я отказываюсь ставить имя маркиза на вещах сомнительных, а предложений таких поступало немало. Например — женское нижнее белье а-ля маркиз де Сад.

— Так вы полагаете, что идея поставить свое имя на женском белье не понравилась бы маркизу?

— Нет, нет и нет! Я не хочу слышать о всяких штучках из черной кожи, цепях, хлыстах, пусть они даже будут усыпаны бриллиантами. И давайте оставим в покое тему эротики. Сколько времени связывают все это с именем маркиза! Но, по-моему, значение маркиза совсем в другом.

«Я ЗАЩИЩАЮ СВОБОДУ ТВОРЧЕСТВА МАРКИЗА...»

— Вас шокируют эротические пристрастия маркиза?

— Послушайте, когда я разобрал и изучил архивы, прочел все, что можно прочесть о маркизе и нравах XVIII века, то убедился, что мой предок, в конце концов, лишь типичный представитель своего безнравственного времени, своего класса, но не более того. Он делал то же самое, что и другие его современники аристократы. Но именно он стал «козлом отпущения», и его единственно заключили в тюрьму. Там, в тюрьме, он и дал волю своей бурной фантазии, своим страстям, описав их в книгах. Несвобода — вот один из ключей к его произведению. Я думаю, что если бы маркиз не провел 25 лет в застенках, он не написал бы своих знаменитых книг. Сексуальное насилие, описанное в них, — его ответная реакция на несвободу. Я ничего не хочу утверждать — стараюсь лишь понять. Я не разделяю его мыслей, но глубоко чтю его свободу — как писателя.

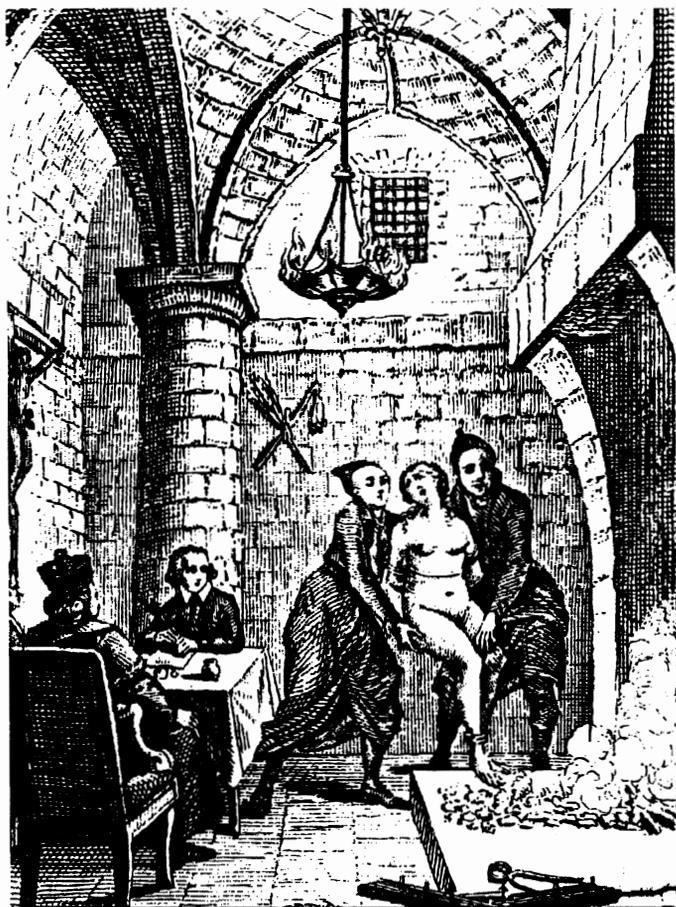
— А вы чувствуете связь со своим предком?

— Что вам сказать? Маркиз — это явление, и явление значительное в истории моего рода. Я знаю, что он много страдал. Это был человек, которого не поняли в свое время. Может быть, сейчас его можно понять или попытаться понять. А что вы хотели узнать о маркизе? — задает граф встречный вопрос. — Наверное, вас интересует, продолжаю ли я любить его даже после всего, что узнал о нем?

— Нет-нет! Вопрос в другом. Неудивительно, почему семья и эпоха прокляли маркиза. Но почему вы сочувствуете ему?

Ксавье де Сад останавливает машину, выключает мотор и с горечью отвечает:

— Я не разделяю многих его мыслей и взглядов, но то, что я всегда буду защищать, так это его свободу творить. Маркиз никогда не был воплощением дьявола. Его «сумерки духа» — сумерки духа его времени, спрятанные в

«Ужасы инквизиции» — иллюстрация к первому изданию «Алины и Валькура», 1795 год.

глубинах человеческой души. Поверьте, если я говорю о «сумерках» человеческой души, то знаю, что это такое.

— Что вы хотите этим сказать?

В ответ — молчание...

— Господин граф, в начале нашей беседы вы так и не ответили на вопрос, почему именно вы нарушили 150-летнее табу и вновь заговорили о своем предке?

— Если можно, давайте поговорим об этом завтра, когда поедем в замки Соман и Мазан. Хорошо?

— И там вы ответите на этот вопрос?

— Обязательно.

— В конечном счете вы посвятили реабилитации имени маркиза большую часть своей жизни.

— Да, я начал помогать людям, которые хотели понять и описать жизнь маркиза, вытащить его из забвения и лжи. Постепенно, изучая семейные архивы, я познакомился с историей моего рода, одного из самых древних в Провансе. Наша семья всегда играла здесь важную роль. Вычеркнув имя маркиза из своей памяти, мои предки вычеркнули часть нашей семейной истории.

— А вы сами никогда не хотели вычеркнуть имя маркиза из семейных «анналов»?

Граф загадочно улыбается:

— Может быть... — Он снова заводит машину и отвозит нас в гостиницу, где мы расстанемся до следующего дня.

Утром, ровно в десять, отдохнувший и как всегда элегантно одетый, граф встречает нас в холле гостиницы.

— Какая программа на сегодня?

— Сначала замок Мазан, потом стаканчик вина, названного именем маркиза, обед в Фонтен-де-Воклюз, где великий Петрарка мечтал о своей Лауре. Кстати, Лаура — самая прекрасная представительница нашего рода. И напоследок — замок Соман.

— Так Лаура не выдумка, не мечта поэта? Она действительно принадлежала к вашему роду?

Граф довольно улыбается...

Окончание на стр. 50

В СЕГГАХ НА МАК-КИНЛИ

Артем ЗУБКОВ
Фото автора

Впервые силами российских альпинистов осуществляется программа «Семь высочайших вершин континентов». Весной 1994 года ее участники взойшли на вершину Мак-Кинли. Этот «шеститысячник», расположенный почти на Полярном круге, снискал славу одной из самых суровых вершин мира.

впечатляющие своими размерами ледники, только в этот момент я понял, что мечта становится реальностью.

АНКОРИДЖ

Анкоридж встретил нас зеленой травой и развевающимся аляскинским флагом. Зубцы гор Чугач, обрамляющие город с севера, в нижней части уже были свободны от снега. Смелые люди — аляскинцы, приближая лето, ходили в шортах.

Наш автобус в Талкитну должен был прийти только поздно вечером, пока же надо было закупить продукты.

Джо и Джилл, две мои знакомые, встречавшие нас в аэропорту, любезно предоставили свой гараж под наше экспедиционное барахло и помогли сориентироваться с магазинами продуктов и снаряжения. Общественным транспортом жители Анкориджа не избалованы, поэтому две их машины также были как нельзя кстати.

Но вот магазины снаряжения исследованы, продукты закуплены (тут не

обошлось без курьезов: только наверху мы обнаружили, что Артур — наш заварок вместо сахарного песка почему-то купил сахарную пудру) и прочие мелочи типа пленки тоже не забыты.

Все устали после обычного предотвездного недосыпа и завалились спать, кто где. Соседям по гаражу, удивленно разглядывающим наш табор, Джилл со свойственным ей чувством юмора говорит что-то вроде «русские идут» и «что поделаешь — экспедиция...»

Дом ее стоит прямо на берегу, отделенный от залива железной дорогой. Солнце заходит прямо напротив дома. Ветра нет, и гладкая вода залива, отражая краски закатного неба, сливается с ним на горизонте. В вечерней дымке горные хребты на той стороне кажутся нереально парящими в «нигде». Такого освещения, как на Севере, больше я не встречал. Такого розового и желтого света.

Умиротворение, гармония в природе, видимо, передаются и людям, которые живут здесь. «Аляска», — все еще не веря, повторяю я про себя крупную над-

Есть места, в которых — ты чувствуешь — тебе надо побывать. Есть места, куда — ты знаешь — тебе нужно обязательно вернуться.

Попадая в такие края, ты как будто начинаешь ощущать свою неразрывную связь с ними, которая побуждает тебя возвращаться вновь и вновь.

Для многих, кто ходит в горы, это справедливо и по отношению к горам как таковым.

Для меня же, на сегодняшний день, первые места в этом списке занимают Непал и Аляска.

Непал — история отдельная, и не об этом сейчас речь. Аляска же...

Мое первое знакомство с Аляской состоялось в 1986 году, когда наш научный корабль проходил через Берингов пролив. Заснеженные горные хребты и остроконечные вершины вдали, на той стороне, завораживали...

С этого времени я стал более целенаправленно изучать все, что попадалось мне в руки об этой части света. Все мои знакомые американцы на вопросы об Аляске отвечали в духе старого одесского анекдота так: «О, Аляска — это совсем не то, что Америка!» В их словах чувствовался некоторый оттенок трепетного уважения и восхищения, иногда даже зависти. Точной формулировки, что же это за такое — «совсем не то», добиться не удавалось.

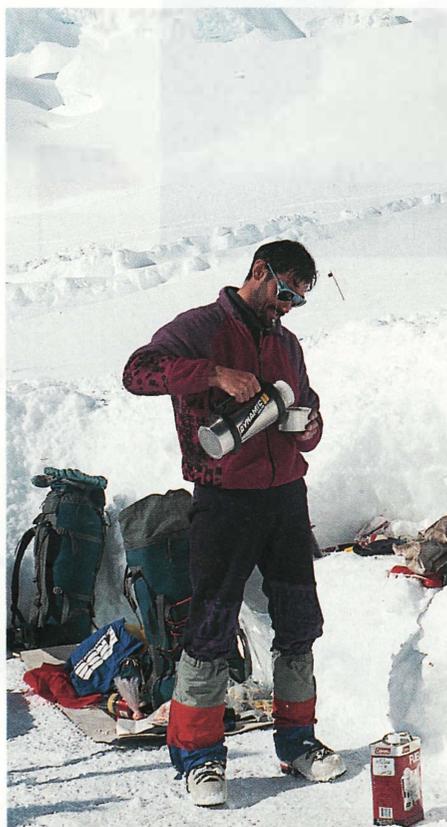
В 1991 году, во время путешествия по Непалу, я встретил первого настоящего аляскинца. Этот человек лишь укрепил мои представления — он был крепок, радужен, гостеприимен и открыт. Он рассказывал о горах Аляски. В это время у меня уже был кое-какой альпинистский опыт, и мечта сходить на Мак-Кинли стала мечтой из разряда «несбыточных».

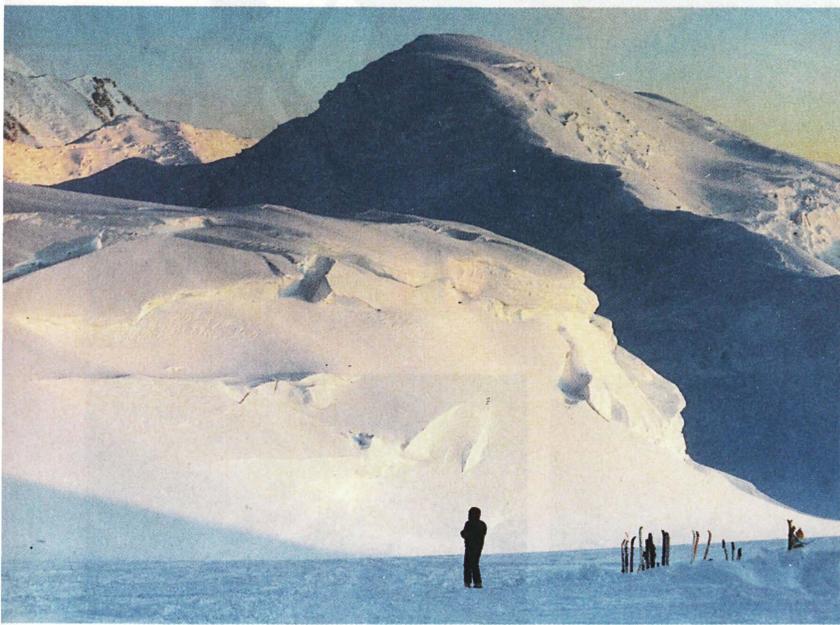
Но вот мой друг Рик, горный гид из Вайоминга, побывав на Мак-Кинли сам и прислав мне ксерокопии маршрутов. Спустя два года знакомые из Анкориджа, с которыми я тоже встретился все в том же Непале, прислали карту высочайшей части Аляски — Denali National Park.

А когда внушительная 400-страничная монография Джонатана Уотермана «Высокая Аляска: горы Денали, Форакер, Хантер» оказалась на моем столе, я почувствовал, что несбыточная мечта становится все более и более реальной.

Случай не заставил себя долго ждать. В мае 1994 года представилась возможность принять участие в экспедиции на Мак-Кинли.

Но только в тот момент, когда под крыльями самолета, пролетевшего над Ледовитым океаном и Гренландией, показались заснеженные хребты Аляски и

пись на проезжающем тепловозе. Магическое для меня слово приятно на язык... И я проваливаюсь в дремоту.

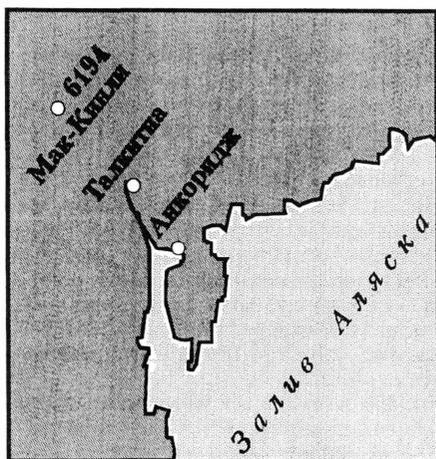
ТАЛКИТНА

...Видавший виды, но еще крепкий и аккуратно выкрашенный фордовский автобус поздно ночью привозит нас в Талкитну.

Талкитна — «Три реки» в переводе с языка атапасков, коренных жителей этих мест. Их певучие названия — Суситна, Ненана, Кантишна соседствуют на карте со следами более поздних искателей удачи — ручей Заброска, Долларовый ручей, перевал Мертвой Лошади.

Сейчас приоритеты сменились, в соответствии со словами первовосходителя

на Мак-Кинли Хадсона Стака: «Я бы лучше взшел на эту гору, чем открыл самую богатую золотую жилу Аляски».

Теперь поселок живет, в основном, туризмом, охотой, рыбной ловлей и, конечно, как отправная точка многих экспедиций в самые высокие горы Аляски и всей Северной Америки.

Но традиции и колорит первопроходцев здесь особенно берегут — для себя и для туристов. В каждом доме, маленькой гостинице, ресторанчике увидишь немало предметов прошлого — от кухонной утвари и охотничьих капканов до промысловых лотков. Для туристов — экзотика, но и знак долгих добрых традиций. Есть и музей, принадлежащий местному историческому обществу. Почти на каждом доме — табличка с историей и именем того, кто строил. В основном дома деревянные, начала века, и были построены золотоискателями.

Этот деревянный стиль «рустик» жив и сейчас. В центре Анкориджа — громадный бревенчатый салун «Чилкутский Чарли». Вывеска ресторана в центре Талкитны укреплена на высоком деревянном индейском тотемном столбе с крыльями орлана. Офис нашей авиакомпании, забрасывающей нас на ледник, представляет собой крепко срубленную шестигранную башню в два этажа с пристройкой.

Громкое слово «авиакомпания» подразумевает в нашем случае двух пилотов — Дэвида (он же владелец) и Пола и три самолетика на лыжах с колесами. Кроме

них, на аэродроме в Талкитне базируются еще три авиакомпании примерно таких же масштабов, перевозящие альпинистов, охотников, рыболовов, туристов и многих других в дальние уголки этих мест. В принципе, они конкуренты, но я неоднократно наблюдал, что там, где требуется взаимопомощь, конкуренция на Аляске отходит на второй план.

И вот мы в Ranger Station. Рейнджеры — это смотрители национального парка, в данном случае — национального парка Денали, на территории которого находятся три высочайших горы этого района — Денали (индейское имя Мак-Кинли, более употребляемое в США), Хантер и Форакер. Рейнджеры координируют и восхождения в этом районе. У их шефа Роджера Робинсона еще два постоянных сотрудника. Остальные — добровольцы, приезжают работать спасателями на летний сезон. Есть у спасателей и вертолет.

Все восходители обязаны зарегистрироваться здесь, и мы — не исключение. Заполняем «карточку участника». В ней, помимо вопросов о страховке, маршруте, кого извещать в экстренных случаях, есть и графа об опыте восхождений вообще и высотном — в частности.

С этим у нашей команды все в порядке. Саша Абрамов — руководитель экспедиции, помимо прочего, имеет и гималайский опыт, был на Эвересте в 1993 году. Они с Юрой Савельевым — инициаторы программы «Семь высочайших вершин континентов». Если не считать Эльбруса, то Мак-Кинли — первая в этом списке вершин.

Володя Ананич — наш доктор, бывал во многих экспедициях. Вадим Алферов и Игорь Коренюгин оба из Воронежа, оба с большим горным стажем, Игорь был на всех наших семитысячниках. Артур Тестов из Рязани — альпинист и путешественник, «каракурт пустыни». Андрей Исупов работал спасателем в Приэльбрусье. Серега Ларин из Твери — тоже не новичок. Марат Галинов — наш кинооператор с многолетним альпинистским стажем, его я знаю лучше других. Мой опыт, пожалуй, самый скромный из всех, хотя и в мою карточку вписаны семитысячники.

Нам показывают короткий фильм о том, какие опасности таят горы Аляски и как их избегать. Опасности в горах обычные — лавины, ледовые трещины, погода, высотная болезнь... Но Денали — самый северный «шеститысячник» в мире, на 64-м градусе широты. Арктический воздух разрежен, высота переносится хуже. Погода — эта отдельная история.

Вот мнение Мэтта Калберсона, известного в Америке восходителя, неоднократно бывавшего в Гималаях и много сезонов проведшего на Аляске: «Я совершенно уверен, что погода на Денали бывает много хуже, чем на любой другой горе мира с возможным исключением для К2¹ и Эвереста. Восхождение в Гималаях значительно теплее, поскольку эти горы гораздо ближе к экватору. В экстремальном холоде, который вы испытываете на Денали, становится значительно труднее сконцентрировать свое внимание на всем необходимом. Оно растекается. Вы начинаете делать глупые ошибки».

Особое место в фильме занимают вопросы охраны природы. После тебя все должно остаться, как и до. Весь свой мусор ты должен спустить вниз и увезти в Талкитну. За этим следят рейнджеры. Для естественных надобностей используют мешки из «биodeградирующего» пластика, которые затем сбрасывают в глубокие трещины ледника. При том, что всю воду приходится топить из снега, эта мера очень разумная, не говоря уже об эстетической стороне.

«...ОТ ВИНТА!»

Джонатан Уотерман пишет: «...Живя близко к этим горам, я не раз поражаюсь видом удивительных людей, которые все чаще появлялись на Аляскинском хребте. Многие из них возвращались опять и опять. Восходители казались мне сродни искателям золота предыдущей эпохи, которые закладывали имущество, бросали карьеру, оставляли своих любимых, чтобы взойти на эти горы. Некоторые до-

¹ К2, или Чогори — вторая по высоте вершина мира в горах Каракорума.

стигли вершин, некоторые нет. Кто-то был обморожен, кто-то спасен, кто-то остался там навсегда. Но гораздо большая часть возвращалась назад после значительного восхождения с огнем в глазах, как будто они, как и их предшественники, нашли золото...»

...Наконец мы в воздухе. Кроме пилота, в самолете нас трое и наш груз. Шестеро наших прорвались на ледник вчера, и погоду прикрыло. Низкая облачность, дождь в Талкитне, снегопад наверху. Сегодня лучше, и мы — летим!

«Денали», — слышим мы в наушниках, и Пол, наш пилот, показывает рукой вверх. Там, выше нас, сверкая снегом в разрывах облаков, гора кажется еще более недоступной.

Видимости почти нет, рваные клочья облаков свисают вниз, как щупальца медузы.

Неожиданно заснеженные скальные стены появляются справа, и Пол говорит, что мы подлетаем. По сравнению с пространством ледника и стенами, среди которых мы летим, наш самолетик кажется маленькой точкой, затерянной в этом ледовом океане. Облака, скрывающие ориентиры, лишь усиливают это ощущение. Вдруг облака размыкаются, и мы видим залитое солнцем громадное ледниковое плато.

«Базовый лагерь», — машет Пол.

Не успели мы разглядеть какие-то точки и флажки на боковом леднике, как наш самолет заложил крутой вираж и стал заходить на посадку.

Как он садится на ледник — для меня до сих пор загадка.

Но вот уже, слегка покачиваясь, самолет едет на лыжах по свежему снегу, доезжает до конца черных флажков — единственных признаков посадочной полосы, и разворачивается.

Вытряхиваем из рюкзака лыжи, жадно втягиваем свежий морозный воздух и щуримся от яркого свежего снега. Снег оказывается нам выше колен...

Следующий самолет, не успевший развернуться в глубоком снегу, приходится разворачивать вручную.

Ощущение захватывающего приключения лишь усиливается, когда мы оглядываемся вокруг. Прямо за нами, почти над головой, возвышаются километровые скальные бастионы горы Хантер. Снежные флаги и висячие ледники дополняют драматизм пейзажа. Напротив, через Кахилтна, глаз упирается в громаду Форакера. И наконец справа, за палаткой Эни, вдалеке, открывается южная стена Денали — три километра льда, снега и желтоватых скал.

Палатка Эни — главная палатка в Нижнем базовом лагере. В альпинистский и туристический сезон, который длится тут с апреля по август, Эни практически безвылазно сидит на леднике в своей очень уютной, но все же палатке. Вся радио- и прочая связь между восходителями, лыжниками, пилотами и рейнджерами проходит через нее. Сообщить погоду пилотам, организовать утаптывание полосы, собрать группу на помощь спасателям, показать, где взять санки и бензин, следить за чистотой лагеря — вот лишь небольшая часть ее дел. Она — хозяйка Нижнего базового лагеря.

Палатки рейнджеров стоят также и в Верхнем базовом лагере, или, проще, лагере «14300». К этим американским на-

званиям в футах привыкаешь, хотя воспринимаешь их не более, чем названия, все время мучительно деля на 3, чтобы получить понятную тебе высоту. «Ох уж эти единицы измерения...», — думаю я, тщетно пытаюсь подвязать галлон бензина к своим и без того нагруженным саночкам.

Весь груз, который приходится брать с собой, не помещается в рюкзак ни по весу, ни по объему, поэтому корытообразные саночки — характерная особенность каждого путешествующего здесь, и мы не исключение. Они же становятся и наиболее проклинаемой частью снаряжения на крутых подъемах, сложном рельефе или, хуже того, траверсах.

Теперь, когда вся команда в сборе и погода внушает оптимизм, мы выступаем в путь, чтобы пройти, сколько сможем за оставшиеся полдня.

Мы разбиты на двойки — «автономные боевые единицы», на каждую двойку — палатка, горелка, веревка, еда и прочее совместное и личное снаряжение.

Идем на «скитуре» — специальных горных лыжах, позволяющих идти вверх. Впереди у нас — просторы ледника Кахилтна, который заслуживает отдельного слова. Это один из величайших горных ледников. Его длина — около 80 км., площадь — 580 кв.км, почти в пять раз больше всего оледенения Эльбруса. По этому леднику нам предстоит идти около 4-5 дней до Верхнего базового лагеря.

Всего от места старта до вершины надо преодолеть 27 километров пути и четыре километра набора высоты.

НАВЕРХ

«Погода делает ваше восхождение, погода и отменяет его», — так здесь говорят американцы.

Прогноз этой самой погоды можно узнать в лагере «1430», там, где мы сейчас находимся. Печально знамениты здесь шторма, которые приходят обычно с юга и длятся три-четыре дня, а иногда и более недели. Один из таких штормов, признанный худшим за десять лет, в 1992 году за восемь дней мая унес шесть жизней на склонах Денали.

Вчера мы вкусили прелести погоды в полной мере. Участок подъема, называемый «Windy Corner» — «Ветренный угол» — полностью оправдал свое название. Ветер такой, что тяжело идти. Пришлось отвязать от рюкзака лыжи, которые я хотел затащить наверх, и оставить под снежным надувом. Все равно ветер чуть не сдувает. Пурга, видимости почти нет. Помогает маска — в комбинации с горнолыжными очками.

Именно из-за ветра все палатки на маршруте вкопаны в снег или окружены стенками из снежных блоков. Известен случай, когда в непогоду ветер сдул здесь с гребня палатку с четырьмя альпинистами.

Но сегодня утром погода отличная, и Сайна решает выходить наверх до штормового лагеря «5200 м». Похоже, не все чувствуют себя одинаково хорошо, но все соглашаются. Глядя на сияющие окрестные склоны, с досадой понимаю, что за лыжами сходить вниз не удастся. Но не могу упустить яркого утреннего освещения и иду фотографировать, хотя вообще-то надо собраться, в чем я и так не очень быстр.

Вопрос о том, чтобы взять у Марата часть видеоаппаратуры, как-то повисает в воздухе, и висит до тех пор, пока мы не видим, что все уже ушли наверх. Похоже, что на данный момент съемка фильма становится личным делом Марата. Он заботливо упаковывает видеокамеру, запасные аккумуляторы и еще какие-то неведомые мне нужные детали.

Раскидать наши вещи на двоих с первой попытки не удастся, придется что-то оставлять, еще раз упаковать, еще раз оставить, но с третьей попытки мы выходим.

Впереди нас ждет подъем на перемычку в Западном гребне, в верхней части — это 400 метров шестидесятиградусного льда. Дальше гребень — снег и лед, вперемежку со скальными стенками. Прогулка не обещает быть легкой.

Пройдя пару сотен метров, я оглядываю ледовый цирк, гребень надо мной и вершинные бастионы. Самой вершины не видно. Вдруг совершенно отчетливо представляю себя на ней, и появляется уверенность. В это мгновение я уже знаю, что я там буду. Уверенность переходит в спокойствие, спокойствие — в монотонную работу. Наверх...

«Если от перевала Денали вверх ветер усиливается, спускайтесь вниз», — говорит Роджер Робинсон, глава рейнджеров национального парка.

На этот перевал, расположенный на высоте около 5500 м, мы выходили в свой вершинный день 27 мая. Мы — это Володя Анянич, Серега Ларин, Марат и я. Остальные ребята поднялись на вершину вчера, в плохую погоду, и вернулись с победой. Сегодня погода кажется лучше, чем вчера; по крайней мере, здесь, наверху. Небо над нами почти чистое. По здешним меркам, и ветра почти нет. Но холодно. Термометр американцев, к счастью, отградуированный и по Цельсию, показывает существенно за 30.

«Это было веснуно, в зеленеющем мае», — вспоминаю я слова песни, проглядывая путь наверх, видимый отсюда до перевала Денали. Крутой фирновый, с участками льда склон матово поблескивает в утреннем свете. В моем рюкзаке запасные шерстяные варежки, пуховка, термос, снежная лопата и бивачный мешок. Пока решаем не связываться, но веревку я, на всякий случай, беру, знаю, что чаще всего беды происходят на спуске. На мне надеты две полартековские куртки и два анорака из гортекса, друг на друга. Все равно жары на этом тневом склоне нет. Особенно когда начинает поддувать ветер. Жары не будет до самой вершины, хотя после перевала Денали я уже разогрелся, да и путь стал проще. Оставляю на перемычке веревку и лопату, меняю ледоруб на палки. Сзади на плато выходят американцы, с которыми мы стояли вместе в штормовом лагере.

Через пару часов подъема вижу перед собой гребень и левее на нем — неужели вершина?! Поднимаюсь. Не тут-то было. За гребнем открывается широкое, метров 600-700, плато, и только в конце него снежный склон круто уходит наверх. Снизу натягивает облачность, и верхняя часть склона почти не видна. Ветер тоже крепчает. Левое возвышение, принятое за вершину, кажется просто смешным по сравнению с настоящей.

Так гора дает тебе вынужденную пере-
дешку, чтобы ты почувствовал ее величие.

Пройдя половину плато, встречаю
Володю и Серегу. Они возвращаются с
вершины и советуют мне заворачивать
назад. Марата они уже уговорили. Со-
блазн повернуть назад велик — и пого-
да действительно становится все хуже.
Я иду не быстро и не сказать чтобы лег-
ко, однако силы хорошо восстанавлива-
ются в передышках. Поэтому решаю
идти вперед.

Через какое-то время обнаруживаю,
что меня догоняет Марат. Я рад без воп-
росов. Только руки начинают замерзать.
Сейчас на мне тонкие шерстяные пер-
чатки, сверху толстые синтетические, а

таться и поднимались вверх рядом с ни-
ми. Завязавшая беседа с традицион-
ным рефреном «Россия — Аляска» за-
вершилась обоюдным двусторонним
приглашением зайти поговорить, попить
кофе.

Они вели свою группу наверх, на
«14300», и должны были вернуться. Во
второй половине дня погода сильно ис-
портилась, повалил снег, и мы уже ре-
шили, что они останутся наверху. Но вот
сверху послышались какие-то возгласы,
и вскоре мы увидели залеplенную сне-
гом бороду Джорджа, а за ним — широ-
кую улыбку, стрекозиные радужные оч-
ки и черные, как смоль, волосы Дейва.
Оказывается, им пришлось помочь

рые вчера сорвали аплодисменты всего
лагеря своим удивительно синхронным
спуском на лыжах. Шесть правильных
змеек осталось на склоне над нами. «Да
они рождаются на лыжах, куда уж нам!»
— хлопая Отто по плечу, подначивает
его Дейв, сам хороший лыжник. Мы ве-
дем беседу о горных лыжах и катании по
целине, альпинизме и многом другом, а
снег все идет и идет.

Внезапно снегопад прекращается.
Мы вылезаем из палатки в вечернюю
морозную тишину. Шуршание снега все
еще стоит в ушах. Облака рассеиваются,
и подмораживает.

Зрелище, открывшееся нам, многие
считают одним из самых удивительных в
Северной Америке.

Солнце, висящее низко, почти над
самым горизонтом, все заходит, захо-
дит и никак не может зайти — уже поч-
ти полярный день. Мы его не видим, оно
справа от нас и уже за гребнем. Мы ви-
дим только его низкие лучи, создающие
фантастическое освещение длинных-
длинных теней и розовато-фиолетовых,
с оттенком желтого, гор. Все гребни и
вершины перед нами распались на мо-
заику бесчисленных оттенков этих цве-
тов.

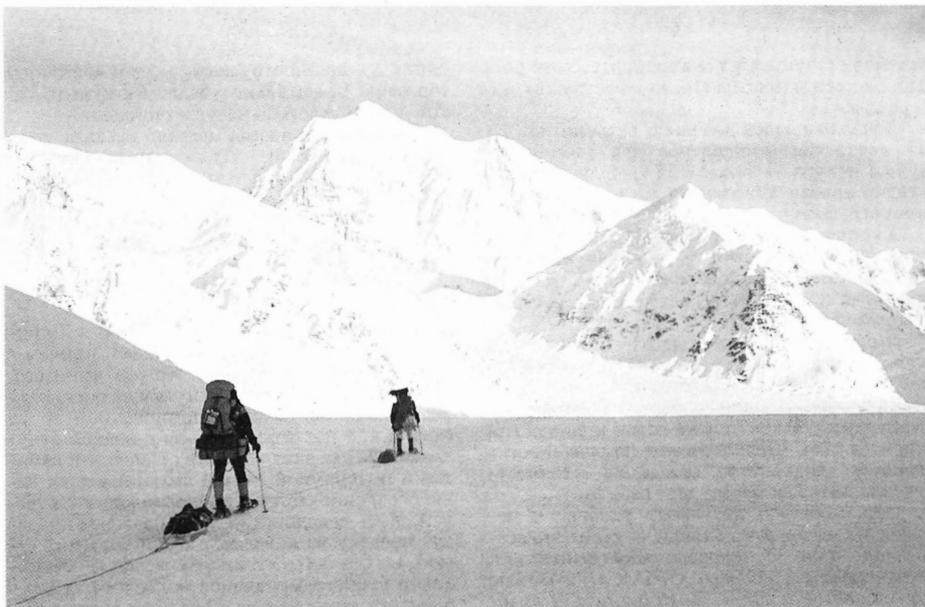
Но самое удивительное — если смот-
реть дальше, туда, за перевал Кахилтна.
Там, в самом низу, в десятках километ-
ров от нас, видно, как блестят в майской
тундре озера...

На фоне темнеющего вечернего неба
над вершинами светятся расплывчатые
акварельные мазки облаков — ярко-ро-
зовые, бархатистые... Отблеск закатных
лучей еще долго тлеет на вершине Форак-
ера и гаснет последним.

Три последних дня, проведенные на-
верху, были для меня самыми лучши-
ми, если не считать вершинного. Мы с
Маратом «зависли» в промежуточном
лагере наверху, катаясь на лыжах и фо-
тографируя. Отдыхаем, наслаждаемся,
никуда не спешим. Отличная погода и
недавний снегопад подарили нам ра-
дость катания по целине. Свежий снег,
горы в вечернем свете, душевное обще-
ние с людьми — все это оставило неза-
бываемое впечатление. Но вот мы уже
внизу, в Талкитне. Завтра — автобус в
Анкоридж. Мы стоим на берегу реки, за
которой открывается грандиозная pano-
рама Высокой Аляски — уникального,
интересного района, подобного которо-
му я никогда не видел. В шестидесяти
милях от нас Денали возвышается над
облаками, подсвеченными заходящим
солнцем.

На этом берегу я вспомнил слова Хад-
сона Стака, организатора и участника
первого восхождения на Денали в 1913
году. О своих чувствах, пережитых на
вершине, он потом писал: «...Тут не было
гордости покорения, ни следа той эк-
зальтации победы, которую некоторые
чувствуют при первовосхождении на ве-
личественную вершину, ни ликования от
удачи, поднявшей нас на несколько сотен
футов выше других, которые сража-
лись, но были повержены...»

Скорее мы чувствовали единение из-
бранных с высочайшими местами земли,
которое было даровано нам...»

на них — верхонки. Меняю синтетиче-
ские перчатки на запасные толстые шер-
стяные варежки и отмываю руки. В ва-
режках попросторнее, и руки минут че-
рез десять отогреваются.

Преодолеваем, наконец, этот крутой
взлет. Мы на плече гребня. Налево уже
видна вершина. Только здесь ощущение
тяжелой монотонной работы сменяется
эйфорией достижения цели.

Остался только предвершинный гре-
бень. Идем левее и ниже карнизов, нави-
сающих над Южной стеной, а иногда и
по острию гребня. В некоторых места он
узкий, в один след.

И вот уже выше нас ничего нет. Фото-
графируемся рядом с российским фла-
гом, который оставили Володя и Серегу.
Марат снимает на видеокамеру. Почти
все внизу закрыто облаками. Видна толь-
ко вторая — северная — вершина, плато
и обрывающиеся вниз скалы южной сте-
ны. Да и ветер такой, что особо не посни-
маешь.

Счастливые, спускаемся на плечо
гребня, глотаем из термоса горячее
питье. Теперь главное — не расслаблять-
ся на спуске, не терять внимания. Но —
все же легче. Все же вниз.

ЛЮДИ АЛЯСКИ

Мы сидим в уютной палатке наших
новых друзей — аляскинских гидов
Джорджа и Дейва, в лагере «12000 фу-
тов». Два дня, как мы спустились сюда с
вершины. Сегодня утром пошли пока-

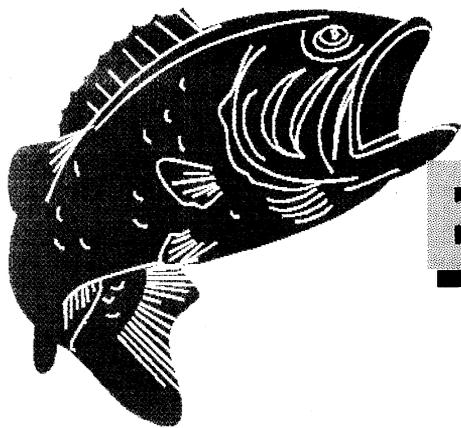
спускаться какой-то группе, один из
участников которой провалился в трещи-
ну и поранил себя ледорубом.

Трещины... Они стоят здесь на втором
месте после погодных условий, если го-
ворить о спасработках. На третьем — ла-
вины и высотная болезнь.

Среди белого населения Аляски боль-
шинство — аляскинцы в первом, макси-
мум во втором поколении. Наши друзья
Джордж и Дэйв — не исключение. Но
они гордо говорят: «Мы, аляскинцы...»
Многих сюда привели не высокие зара-
ботки Севера, а зов сердца. Аляска для
большинства из них — скорее общность
людей, скрепленная любовью к этой
земле. Это люди, которые любят приро-
ду, готовы прийти на помощь, понимают
толк в несуетной северной жизни и ценят
дружбу. На мой беглый взгляд, они бо-
лее открыты, чем средний американец.

За разговорами и кофе приходит со-
стояние той особой душевности, которую
так ценят те, кто ходит в горы и живет на
севере. Аромат кофе и швейцарский сыр
создают атмосферу почти домашнего
уюта. А снег все идет и идет... Неожидан-
но из снежной пелены к нам в палатку
вваливается Отто — горный гид, лидер
австрийской «скитуровской» группы.
Крепкий, коренастый, лицом слегка на-
поминающий Жерара Депардье, Отто
улыбчив и весел. У него хитрый прищур
и острый язык.

Отто — приятель Джорджа и Дейва,
здесь он не как гид, а просто с группой
друзей. Это те самые австрийцы, кото-

ПОЕЗДКА В КОРАЛЛОВЫЕ ДЖУНГЛИ

Один мой знакомый опередил меня с этой поездкой в Египет, на Красное море. После двух недель отдыха в Хургаде он явился ко мне в гости таким бледным и похудевшим, что я даже было расстроился... Но знакомый меня успокоил и с загадочным видом полез за фотографиями. А на фотографиях были остовы затонувших кораблей, редкой красоты кораллы, коралловые рыбы... Оказывается, в Хургаде он неожиданно для себя увлекся подводным спортом. Рассказал, как заплатил 350 долларов за пятидневное обучение и получил международную лицензию аквалангиста. А потом все оставшееся время выныривал лишь затем, чтобы поесть, поспать, да пополнить запас кислорода. Какой уж тут загар! Я поклялся его ошибки не совершать, с тем и отбыл.

ЕГИПЕТСКАЯ ВИЗА. МЕЧТА ФИЛАТЕЛИСТА. ТАМОЖНЯ

Получив перед отлетом в турагентстве авиабилеты и паспорт, некоторые, не особо искушенные туристы бывают шокированы отсутствием египетской визы. Не беспокойтесь — в Египте, как и в некоторых азиатских странах, все визовые формальности сведены до минимума.

В аэропорту Хургады один служащий паспортного контроля в момент оформил визы нуждающимся в них пассажирам нашего ИЛ-86. Одну за одну он бросал на язык марочки-визы, а затем ловко вклеивал их в наши паспорта. Да еще и списки с приглашениями успевал сверять.

За египетский таможенный досмотр нашим, у которых еще свежо воспоминание о досмотре в Шереметьеве, бывает просто обидно. Уж если смотреть не хотят, так пусть хоть для приличия поинтересуются — что возим... Оказалось, что вся таможенная смена состоит из двух офицеров, а зал взлета тоже требует внимания.

Единственная формальность, которой вы здесь подвергнетесь, это вписывание в паспорт серийного номера вашей видеокамеры, если таковая у вас имеется. На наших туристов в Египте вообще смотрят, как на сказочных богачей, — чуть ли не каждая третья семья приезжает с видеокамерой. Для местных жителей это немислимая роскошь. Иногда машина здесь обходится дешевле, потому что государство наложило огромные пошлины на ввозимые видеокамеры. Камера здесь стоит в 2-3 раза (!) дороже. Поэтому государство хочет убедиться, что вы выехали из страны с той самой камерой, с которой приехали, а не продали ее.

ЗИМОЙ В ХУРГАДЕ +25. А ЛЕТОМ?

Море — действительно, самая главная достопримечательность этого египетского курорта. Лично я почувствовал его присутствие, сразу же, как вышел из самолета, — за-

пах моря ощущался и в аэропорту, хотя он и расположен в нескольких километрах от побережья.

Вечерами здесь довольно ветрено, но даже январская температура для россиянина лучше некуда — около +25 градусов. Это не мешает арабам кутаться в плотные одежды — зима все-таки.

Хургада — курорт молодой. Еще совсем недавно здесь не было и 30 тысяч жителей. Раньше эта часть побережья была закрыта вплоть до самого Суэца, ведь отсюда до Израиля рукой подать.

Лишь в конце семидесятых начался в Хургаде туристический бум. На 5-10 км по обе стороны от прежнего центра городка — «даунтауна» — вдоль побережья сейчас тянутся отели. Здесь их уже сотни и еще сотни строятся. Так что некоторая неухоженность здешних ландшафтов, связанная с темпами строительства, местами дает себя знать.

Передвигаться по городу удобнее и дешевле на маршрутном такси — стоит это всего один фунт с человека (3,4 египетских фунта равны 1 доллару США). Или можно взять простое такси — за 15 фунтов. У арабских водителей своеобразная дорожная этика. Все правила движения им заменяет неумеренное использование клаксона: жми на него, когда перестраиваешься, обгоняешь, выезжаешь на перекресток, или просто находишься в хорошем настроении... Под конец я понял их основной принцип: смотри, чтобы ни в кого не въехать, а другие позаботятся о том, чтобы не въехать в тебя...

ОТЕЛИ ЗВЕЗДНЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ

Сервис в отелях Хургады приближается к европейскому.

Принято считать, что шикарные пятизвездочные отели для курортной местности излишни. Зачем иметь сверхудобства в номере, если большую часть времени все равно проводишь на пляже? По этой причине многие известные курорты Европы вообще не имеют пятизвездочных отелей. В Хургаде же есть десяток таких — для богатых чудаков. В них можно отдыхать, не выходя за территорию. Магазины, банки, спутниковая связь — все под рукой. Во многих есть даже крытые бассейны, хотя при средней январской температуре морской воды в 21-22 градуса их наличие кажется излишней роскошью. Но даже отъявленному сибариту четырех звезд за глаза хватит.

ШОППИНГ: ТОРГ ЗДЕСЬ УМЕСТЕН

Если здесь не будешь торговаться, тебя сочтут ненормальным. Через несколько дней практики понимаешь: цену можно сбить иногда раза в три! Людей легковнушаемых

одних лучше не отпускать — эти восточные торговцы обязательно убедят их купить какой-нибудь хлам по несусветной цене.

Хургаду, конечно, нельзя назвать раем для покупателя. Относительно дешево здесь драгоценные камни и изделия из золота (10-15 долларов за грамм, в зависимости от работы), трикотаж и кожа.

ТУРИСТСКИЕ ДОСУГИ

Различные экскурсионные бюро в Хургаде торгуют морем направо-налево, причем в самых разных обортках. Можно купиться, например, на часовую прогулку на специальной подводной лодке с погружением до 25 метров (55 долларов). Рядом с лодкой будут следовать два аквалангиста с мешками, набитыми подкормкой, чтобы выманить на ваше обозрение обитателей коралловых джунглей. Чуть дешевле (35 долларов) вам продадут поездку на акваскопе с той же программой, но без погружения. Акваскоп — специально сконструированное надводное судно с большим «трюмом» на 20 человек и огромными иллюминаторами.

Экскурсия, которую облюбовали российские туристы, — это поездка чуть ли не на целый день на коралловый остров. Сперва на прогулочном катере везут к острову Гифтун, рядом с которым находятся коралловые отмели. Там выдадут маски, трубки и ласты. И, пока команда готовит ланч, экскурсанты превращаются на некоторое время в ихтиологов. Коралловые рыбки, которых раньше видел только на картинках, запросто принимают тебя в свою компанию...

После ланча — отдых и купание, а затем еще один сеанс ныряния.

Есть еще одна местная изюминка — выезд в поселение бедуинов на проводы солнца. Вас посадят на джип с кондиционером и для начала устроят получасовое шоу под названием «ралли по пустыне» — со взлетами на барханы, резкими виражами. В бедуинской деревеньке вас встретят как родных, покроят и расскажут о своей бедуинской жизни. И даже на верблюдах покатают. Там некоторые соотечественники смогут позавидовать бедуинским мужчинам, у которых самой тяжелой работой является набивание кальяна. Ибо все остальное делают их жены.

Впрочем, и сюда проникла эмансипация: теперь еще мужчинам-бедуинам приходится водить под уздцы верблюдов, на которых восседают приезжие туристы.

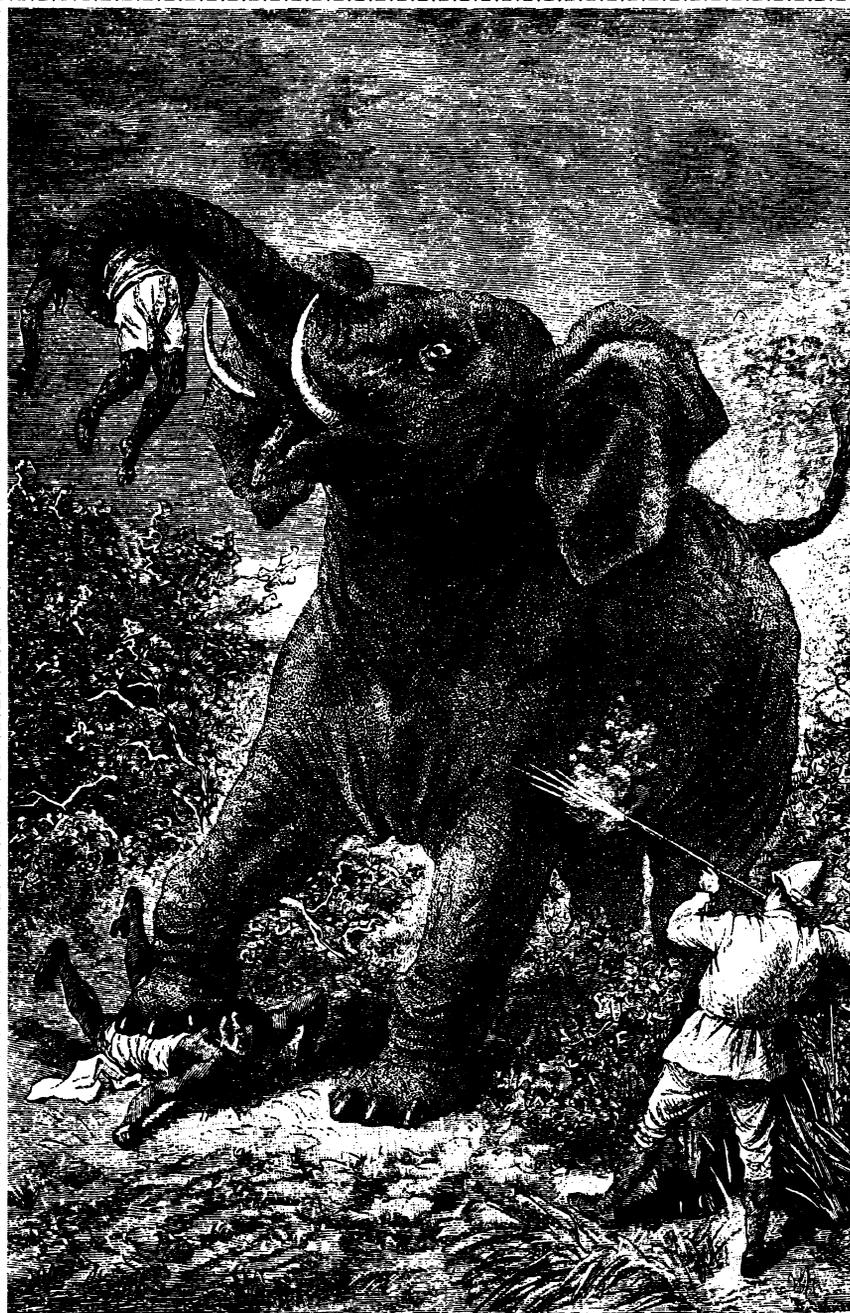
Удобство расположения Хургады состоит еще и в том, что из нее удобно добираться до Каира и Луксора, близости от которого находится знаменитая Долина Фараонов. Так что и любителям древностей есть чем занять себя, отдыхая в Хургаде.

Денис ДМИТРИЕВ

MiG Voyage LTD.

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШЬ И НА МОРЬ.

ОХОТА НА СЛОНА

Редкий путешественник по Индии не позаботится о том, чтобы иметь случай поохотиться на слона. И эта охота еще тем интереснее, что представляет для охотника немало опасностей:

разъяренный преследованием слон делается грозен и страшен. На нашем рисунке представлена сцена охоты на слона, наглядно показывающая, на какую участь может иногда рассчитывать охотник.

Чтение старых журналов не только забавляет, но и порождает неожиданные ассоциации, дает ощущение исторического времени.

Когда-то в "Пестром мире" регулярно перепечатывались заметки из "Вокруг света" прошлых лет под рубрикой "Листая старые страницы". Начиная с этого номера, редакция возобновляет популярную рубрику — отныне в разделе "АДРЕС", — благодаря чему значительно увеличится объем этих публикаций.

Мы будем рассказывать, о чем писал журнал сто лет назад.

Американская реклама в Петербурге

В последнее время можно почти ежедневно видеть на улицах Петербурга развитие чисто "американской" рекламы. То на Невском проспекте появятся чуть ли не через каждые десять шагов необыкновенной величины термометры, испещренные сверху донизу названием рекламируемого предмета, то по всем лучшим или общеизвестным магазинам путешествует коммивояжер с просьбой о разрешении поставить бесплатно на входных дверях изящные ручки или замки, на которых всенепременно четко и ясно выведена реклама.

За последние дни обращает на себя внимание бесплатная раздача на людных улицах каких-то пакетиков весом около 1/4 ф. Пакетики эти оказываются с какою-то универсальной овсяною крупой под названием "Геркулес". Какая-то американская фирма положительно запрудила эту крупую Петербург, где уже роздано несколько десятков тысяч пакетиков. В продаже ее почти нет, и коммивояжеры подстрекают любопытство публики. Впрочем, в приложенных к пакетикам наставлениях обещается, что крупа "Геркулес" (проваренная уже паром) будет продаваться во всех мелочных лавках.

Против такого способа рекламы действительно будет проектируемое по ходатайству нашего купечества обложение коммивояжеров пошлиной. Что стоит для него заплатить лишних несколько сот рублей, когда он тратит на рекламу и на распространение предметов своей торговли такие деньги, которые и не снились российскому прижимистому и неповоротливому купцу.

"Вокруг света", № 7/1895

Заколдованный

ЛЕС

Разноцветные реки преследуют меня давно и настойчиво. В далеком школьном детстве величайшей мечтой моей было сплавиться по южноафриканской реке Оранжевой. Чуть позже я попал в Мещеру — на родину Есенина и моего отца, где Пра несет свои темно-коричневые от торфа воды среди болот и сосновых лесов. Потом были другие реки, цвет волн которых то изумлял, то раздражал меня, но редко оставлял безучастным. Поэтому, прочитав в какой-то книжке, что есть на свете такая река — Лух, с желтой водой, я сразу понял, что увилывать — бесполезно.

Не подозревая еще, во что все это выльется, я достал из шкафа любимый чемодан с картами. Бассейн Луха, находящийся во Владимирской и частично в Ивановской областях, бросился в глаза зеленым пятном бескрайних (на моей двухверстке) лесов. В литературе эти места назывались Лухским полесьем, но позднее я услышал другое, более звучное, на мой взгляд, имя — Мугреевский лес.

И правда, «полесье» — это слишком академично, а здесь — именно Лес, единый монолит, в котором на тысячу квадратных километров я насчитал лишь около десятка населенных пунктов, включая деревеньки в несколько дворов. А вокруг — Иваново, Вязники, Гороховец, Ковров —

индустриальные центры, цивилизация, так сказать... Лес сразу показался мне местом особым, едва не священным, словно некие древние чары до сих пор сдерживают у его границ напор людей...

Одним словом, Лес сразу зачаровал меня. Даже на карте он казался

вышлый слог. Не похоже и на финно-угорский — слишком много согласных. Тюркский? Но попробуйте перевести эти названия, используя тюркские корни, — ничего не выйдет. Да и звучат эти имена затерянных в Мугреевском лесу озер и рек слишком по-индоевропейски (а зна-

нимическую загадку Леса так просто не решить, я забрался в археологию. И здесь меня поджидал сюрприз ничуть не меньший. На археологических картах Волго-Окского междуречья эпохи железа и раннего средневековья на месте Мугреевского леса красовалось обширное белое пятно. И в самом центре этого белого пятна — единственный памятник — неисследованное городище на берегу Луха.

Странная получалась картина. Столь богатую и разнообразную топонимику, как в Лухском полесье, мог оставить только большой народ, этнически обособленный от окружающих его финно-угорских племен мери и муромы. Беглый осмотр остатков укреплений на Лухе позволил археологам заключить, что на городище жили в I — IX веках н.э. Что это за народ, откуда пришел он в Мугреевский лес, на каком языке говорил? Куда он делся в конце I тысячелетия — ушел, вымер? Почему с его исчезновением никто — ни славяне, ни финны — так и не заселил Лухское полесье? И самое странное — где следы этого народа, его могильники, селища?

Судя по количеству странных названий, этот загадочный народ был совсем не мал. Не мог он, все же, не оставить никаких археологических следов, кроме укреплений на Лухе. И правда, финские могильники в окрестностях Леса на фоне типично финских-муромских украшений содержат множество инородных элементов. Здесь находили и скандинавские мечи, и славянские погребальные урны, и балтские арбалетовидные застежки плащей — фибулы. Место, стало быть, было оживленное.

загадочным. Больше всего меня поразили названия: маленькими синими кляксами лежали на карте озера Гарва, Санхар, Ламхор, Юхар, тянулись ниточки рек: Лух, Таих, Мертюх, Палех, Утрех... Что это за язык? Не славянский — хотя бы потому, что ударение всегда падает на пер-

чит, уж точно не по-фински и не по-тюркски). Так и хочется увидеть в имени Гарва индоевропейские корни «gar» — «жар» и «awa» — «вода», в имени Палех — «pal» — «болото», в имени Сех — «seu» — «струиться»...

Но язык всегда связан с народом — его носителем. Уразумев, что топо-

Чем больше я узнавал про Мугреевский лес, тем более загадочным он мне казался. А желтая река Лух между тем тянула меня к себе и волновала мое воображение. Пришло время, и я собрался и отправился ей навстречу.

ПАЛЕХ

Уезжая из Москвы, я не надеялся, конечно, что где-то в окрестностях Леса мне удастся найти живые лингвистические или антропологические следы таинственного народа, населявшего когда-то берега Луха. Ожидал я увидеть славян с примесью крови поглощенных ими тысячу лет назад финнов — муромы, мери. На деле же все оказалось как раз наоборот.

Отправной точкой маленькой нашей экспедиции был выбран Палех, лежащий в двух десятках верст от опушки Леса. Никогда раньше я не видел столько голубых глаз, сколько здесь, на юго-востоке Ивановской области. Удивительно, но черты финского этноса сохранились здесь почти в чистом виде: не только тюркский, но и славянский элемент здесь почти отсутствует. Девять из десяти встреченных здесь деревенских людей имеют характерно финский овал лица, голубые глаза (всех оттенков, от голубовато-серого до ярко-вазилькового), очень светлые, почти белые, волосы. Похоже, что славянская колонизация просто-напросто растворилась в этих глухих лесах и непроходимых болотах. Даже наречие сохранило архаичную финскую напевность; и русский язык, переполненный нерусскими протяжными гласными, звучит здесь очень необычно.

Впрочем, я, вероятно, неверно употребляю здесь слово «этнос», ведь этнос — это не только генетика, но и язык, и народная память о прошлом. А в Палехском районе даже седые старцы считают себя русскими и вряд ли помнят о далеком финском прошлом этой древней земли. Так что правильнее сказать — пласт.

Итак, мы прибыли в Палех и не пожалели нескольких дней на его осмотр. Он того стоит.

Палех уникален в своем роде — едва ли существует другое большое село, половина жителей которого — интеллигенция. Здесь живут художники. Можно встретить в Палехе выпускников и университетов, и столичных вузов, но большинство молодых людей, разумеется, получает образование в знаменитом палехском художественном училище. Молодежь здесь вовсе не стремится «бежать в город», напротив — из больших городов приезжает сюда, чтобы учиться и остаться работать. И Палех растет — молодые (и немолодые) художники строят новые дома, сообразуясь с собственным художественным вкусом.

Да уж, не в каждом городке удастся обсудить происхождение его названия с местными жителями. Мне удалось — в Палехе. Бытует версия образования его названия от глагола «палить»; мол, придя на берег реки, люди выжигали леса, чтобы освободить место для поселения и полей.

На стр. 46-47: предметы, характерные для погребений с восточной ориентировкой, найденные в рязанско-окских могильниках

Хорошая версия, и можно было бы принять ее, если бы речь шла об одном, обособленном названии. Но топоним Палех (название реки) оставили не славяне (и не славяноязычные финны), а все тот же неизвестный народ, речь о котором шла выше. Словообразовательный формант — «х» (сравните: Лух, Ландех, Утрех и т.д.) четко говорит об этом.

Говорят (и пишут) также, что название села связано каким-то образом с родом князей Палицких. Боюсь, однако, что и это неверно. Фамилия эта произошла от прозвища основателя рода — князя Даниила Андреевича Палицы (XV колено от Рюрика), внука князя Стародубского Федора Ивановича, убитого в Орде в 1330 году. Род же князей Палицких Палехом никогда не владел, а если бы владел, то и звались бы они иначе — Палешские.

Палешане, живо интересующиеся историей своей земли, подлили масла загадочных фактов в огонь моего интереса к исчезнувшему народу Мугреевского леса. Рассказали, что в селе Лух не так давно при земляных работах обнажился фундамент какой-то крепости. Рассказали, что в самом Палехе меньше года тому назад бульдозер вывернул из почвы на берегу реки каменное изваяние со следами обработки — идола. Общими усилиями отволокли изваяние к церкви и врыли у церковных ворот. Сердце мое потеплело при этих словах — вспомнилась Ирландия, где языческие жрецы и христианские священники не сыпали проклятиями, а учились друг у друга, выясняя лучшие стороны обоих Учений.

Впрочем, сердце мое быстро вернулось в привычное состояние — подобравшись с трепетом первооткрывателя к указанному мне храму, я обнаружил у его ворот лишь свежезасыпанные гравийные дорожки. Некий инстинкт заставил-таки меня совершить пару кругов вокруг церкви, и... Из кустиков у ограды выглянули массивные каменные плечи и подобие квадратной головы.

Позднее нам объяснили, что вскоре после обнаружения идола и водворения его к церковным воротам Палех посетил патриарх Алексей, и, как в старые времена крещения Руси, изваяние своротили и сбросили к

церковной ограде, где оно и лежит до сих пор, полузасыпанное гравием и так никем и не изученное. Кто поклонялся сему кумиру (если он действительно рукотворен) и какого бога в нем чаял — неизвестно.

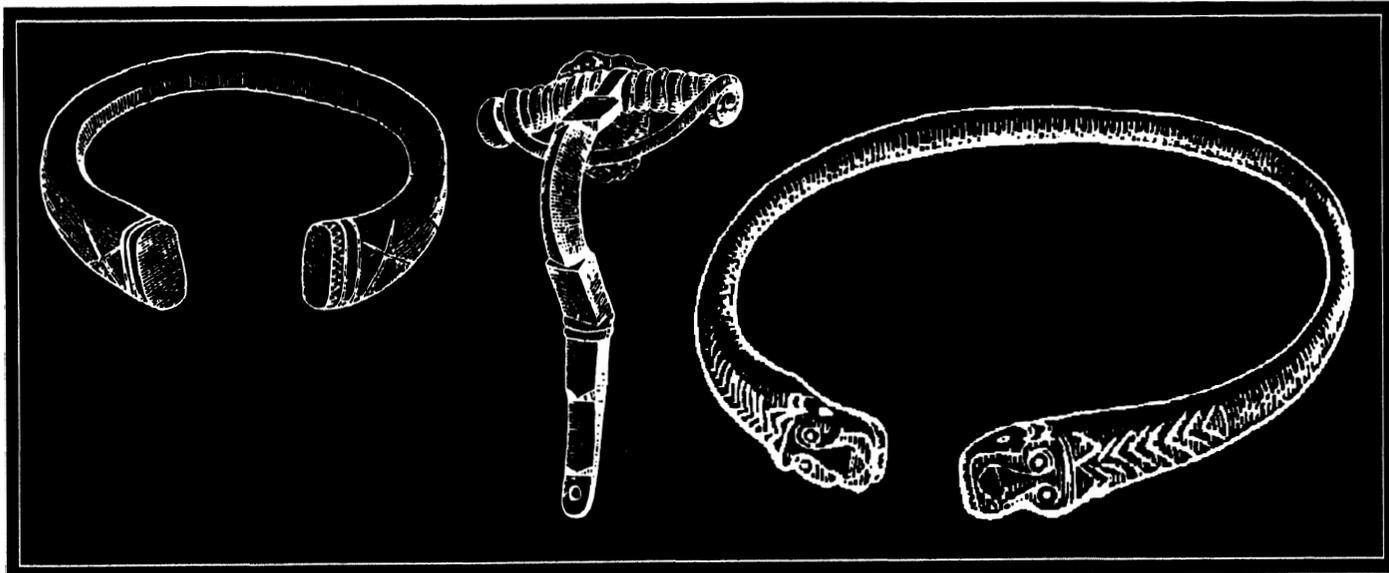
ЖЕЛТАЯ РЕКА

Насладившись размеренным течением почти деревенской палехской жизни и насытившись палехскими чудесами, экспедиция отправилась к главной своей цели — к Луху.

Река действительно оказалась цветной — по крайней мере, не менее цветной, чем я ожидал. Но автор, назвавший ее «желтой», был, несомненно, не совсем прав: вода Луха похожа на воду Пры, густо-коричневая, цвета хорошего чая. Причина столь своеобразной окраски обеих рек — в многокилометровых торфяных болотах, тянущихся вдоль их берегов.

Экспедиция грузилась в привезенные из Москвы надувные лодки вне пределов Мугреевского леса; и это хорошо — было бы обидно проскочить границу этого удивительного места на автобусе или в вагоне узкоколейки. Около десяти километров мы прошли рекой по окружающей Лес заболоченной низине, прежде чем добрались до его пределов. Чудеса не прекращались. Еще в Ивановском областном музее мы узнали, что в свое время обсуждался проект спрямления и углубления русла Луха с целью превращения его в судходный канал. Я, честно говоря, так и не понял, кому и зачем это понадобилось. Проект, как утверждали сотрудники музея, осуществлен не был. Вероятно, никому из них не доводилось бывать в среднем течении Луха. Потому что русло реки изменено.

Лух — типичная равнинная река, и, как все уважающие себя такие реки, он просто не позволяет себе пройти хотя бы километр, не сделав пару-тройку головокружительных поворотов и широких петель. Но у северной границы Леса Лух, прямой, как натянутая нить, вообще не похож на реку. Сидя в лодке, можно порой обозреть русло на пару километров вперед; пристать к берегу — целая проблема: береговые склоны

безо всяких отмелей круто уходят в воду. Но самое главное — между селами Талицы и Лукино по правому берегу реки тянется широкий и довольно высокий вал, поросший деревьями.

А за этим валом, почти на самой границе Леса, на второй от воды береговой террасе и находятся остатки земляных укреплений когда-то стоявшего здесь города — то самое неисследованное Лукинское городище.

Впрочем, «неисследованное» — это смотря кем. Археологами — возможно, да. И тем не менее весь склон и сама площадка городища покрыты раскопами. Есть старые, заросшие травой, с осыпавшимися краями, есть и совсем свежие, еще хранящие следы лопат. Работали явно не профессионалы, да археологи и не оставляют после себя таких следов. Вот так — Лес хранит свои тайны, а единственный обнаруженный памятник раскапывается хищниками...

Вернемся, однако, к Лесу. Поселок Талицы — последний оплот цивилизации на северных подходах к нему. Здесь Лух принимает вид нормальной, то есть извилистой, реки и, миновав последний мост, выносит свои коричневые воды под сень Леса. Все мгновенно меняется. Берега приподнимаются из воды, песчаные обрывы встают то слева, то справа. Пропадает подлесок и прибрежные ивовые заросли, и встает вдоль реки величественное редколесье, где могучие древние дубы и сосны, словно осознавая свое величие, не подходят друг к другу ближе, чем на несколько десятков шагов.

Уже через день сплава по Луху мы попали в самую сердцевину Леса. Редколесье сменилось дремучими сосновыми лесами. Здесь можно плыть днями и не встретить не только человека, но даже его следов. Природа Леса уникальна и совершенно не похожа на природу лесов средней полосы; если бы я оказался здесь, не зная географического положения Мугреевского леса, то непременно решил бы, что нахожусь в Карелии. Здесь то же безлюдье и такая же живая лесная тишина, то же обилие всевозможных мхов, и прежде всего —

ягеля, белого мха, который выстилает огромные пространства и светится в вечерних сумерках.

Плывя по неторопчивому коричневому Луху, ощущаешь, что Лес действительно заколдован. Из всех приходящих в голову литературных сравнений лучше всего его характеризует одно-единственное, родившееся в первый же проведенный здесь день. Удивительно похож Мугреевский лес на зачарованный Вековечный лес Дж.Р.Р.Толкиена — бессмертного создателя сказочного мира хоббитов.

ТАЙНА

Так кто же все-таки жил в Мугреевском лесу и его окрестностях? Вероятно, однозначно ответить на этот вопрос не удастся до тех пор, пока не будут проведены серьезные археологические исследования этого района. Тем не менее строить определенные гипотезы можно и сейчас. И единственный на данный момент источник информации — богатейший топонимический материал.

На топонимическую «аномалию» в Лухском полевье впервые обратил внимание выдающийся наш исследователь географических названий и имен людей В.А.Никонов в вышедшей в 1960 году работе «Неизвестные языки Поочья». Он-то и выявил, что распространенные здесь названия с окончанием на -х являются реликтом некоего вымершего языка. К сожалению, в поле зрения В.А.Никонова не попали названия, заканчивающиеся формантом -хар, несомненно принадлежащие к тому же языку (об этом свидетельствует совпадение некоторых корней: Печхар — Печух, Ламхар — Ламех и т.д.).

Любопытно, что подобные названия встречаются не только в Лухском полевье: топонимы на -х и -хар можно иногда встретить по берегам Оки, Клязьмы и Ушны. Нетрудно заметить, что география распространения этих топонимов не случайна — топонимы двумя цепочками тянутся от Лухского полевья на запад и юго-запад. Причем археология тех мест обладает рядом интересных особенностей. В курганах по Оке и Ушне, а

также в курганах, окружающих Мугреевский лес, археологам удалось выделить элементы, присущие исключительно балтским народам. Более того, В.В.Седов, изучавший эти захоронения, отмечал, что речь может идти даже о балтском влиянии и о соседстве коренного финно-угорского населения с племенами пришедших с запада балтов.

Необходимо, вероятно, небольшое отступление в глубь веков. Около четырех тысячелетий тому назад на просторах Европы кочевала и обрабатывала землю огромная общность воинственных индоевропейских народов, называемых сейчас «северными праевропейцами». К середине или концу II тысячелетия до нашей эры эта общность распалась на две глобальные ветви: на славян и германцев. И где-то между двумя этими ветвями остались народы, до сих пор сохранившие такое промежуточное положение и названные позднее балтскими. В свое время балтские племена занимали обширнейшие территории, но к двадцатому столетию сохранилось лишь два балтских народа: литовцы и латыши.

Может ли быть, что вымерший язык Мугреевского леса был представителем балтской ветви северно-европейских языков? Похоже, что мог. Конечные формы -х (-ех, -ух, -их) в здешних топонимах очень напоминают окончания -s (-es, -us, -is) в современных балтских языках. Названия озер, заканчивающиеся на -хар, также могут быть истолкованы как балтские. Если -х здесь — окончание собственно названия озера, то остается некое «ар», подозрительно похожее на древнюю балтскую основу ar (age) со значением «вода».

Можно попробовать и прочитать названия Мугреевского леса, используя балтские корни. Читаем: Палех — «болотная», Утрех — «быстрая», Пенюх — «молочная» (может быть, в значении «мутная»?), Ламех — «низинная» (или просто — «низина»?), Ламхар — «озеро-в-низине» (может быть, «болотное озеро»?)..

И все же это лишь гипотеза. А колдовской Мугреевский лес хранит свою тайну и ждет исследователей.

«...ЛАУРА, МУЗА ПЕТРАРКИ, УТЕШАЕТ МАРКИЗА»

— Послушайте, история Лауры в моей собственной интерпретации вызывает много споров. Вокруг этого имени всегда существовала полемика. Многие ученые и искусствоведы утверждают, что это выдуманный образ. Но многие благородные семьи Прованса претендуют на родство с Лаурой. Я совершенно уверен, что Лаура Петrarки существовала в действительности. Она была женой герцога де Сада, прозванного Престарелым, поскольку он прожил долгую жизнь. Лаура жила в Авиньоне, в красивом особняке на улице Доре — он стоит там и поныне. Умерла в 1348 году во время эпидемии чумы. Я нашел в архивах нашей семьи документы о ее смерти. А на одной из страниц рукописи Петрарки, хранящейся в Амброзианской библиотеке Милана, можно прочесть следующие слова, написанные рукой самого поэта: «В городе Авиньоне в апреле 1348 года Лауру вырвали из света дня, я же находился в Вероне, не подозревая, к несчастью, об этом страшном ударе судьбы». Слишком много «случайных» совпадений, не правда ли?

Мы садимся в машину. Мистраль, северный ветер, стих еще ночью, и граф доволен, что может показать замки своего знаменитого предка под лучами щедрого солнца Прованса.

— Вы знаете, маркиз де Сад боготворил Лауру: в семейных архивах я нашел замечательное письмо, которое он написал после одной из ужасных, безысходных ночей, проведенных в тюрьме. Письмо начинается примерно так: «Послушай, друг мой, какой чудный сон я видел этой ночью. В час, когда все предавались развлечениям, явилась мне Лаура, она говорила со мной и утешала: — Не плачь, забудь печаль. Ведь все имеет свой конец, и однажды ясным днем ты выйдешь из тюрьмы...»

— Вы помните это письмо наизусть?

— Уже нет, что подлаешь — годы берут свое. Но раньше знал наизусть. Представьте себе прекрасную Лауру, утешающую проклятого всеми маркиза...

По дороге граф рассказывает еще одну легенду из истории своего рода. Роясь в архивах, он обнаружил запись, из которой явствует, что один из его предков был совершенно уверен, что ведет свой род от волхвов.

— Но вы все же предпочитаете Лауру?

— Конечно, к тому же не доказано, существовали ли волхвы на самом деле или нет.

Мы въезжаем в городок Мазан, появляется замок, скорее, дворец — спокойный и величественный. Это огромный особняк строгого стиля XVIII века. Ничего общего с развалинами замка Лакост. Он в хорошем состоянии, так как принадлежит коммуне, и сейчас в нем находится Дом престарелых. Граф указывает на маленькую дверь, выходящую на тихую узкую улицу.

— Потайная дверь маркиза — через нее он проникал и исчезал из дворца незамеченным. А у него были на то причины.

Граф приглашает нас как хозяин — видно, что он бывает здесь часто. Проходим в кабинет главного врача. На потолке сохранился фамильный герб рода де Садов: восьмиконечная звезда, а посередине — двуглавый орел. В коридорах старики и старушки мирно беседуют или медленно прогуливаются. Спешат санитары, пахнет больницей. Сейчас трудно представить себе, что когда-то здесь жил маркиз.

— Мазан связан с жизнью де Сада-драматурга, автора многих пьес. Маркиз обожал театр. Его пьесы не имеют ничего общего с его скандальными книгами. До конца жизни он мечтал увидеть их на сценах парижских театров. Но его мечте не суждено было сбыться по двум причинам: во-первых, его имя было проклято и запрещено, а во-вторых, откровенно говоря, они не очень хороши. В 1772 году, находясь в Провансе, маркиз создал свою театральную труппу. Так как в замке Лакост не нашлось подходящего места для постановок, маркиз обосновался здесь, в Мазане, где отстроил театральный зал, со сценой, занавесом — словом, со всей атрибутикой. Здесь он ставил пьесы Вольтера, Дидро, Реньяра и, естественно, свои собственные. Он хотел создать профессиональную труппу и выступать вместе с ней, но судьба распорядилась иначе.

Покидая Мазан, граф с грустью замечает:

— А знаете, коммуна хочет построить новый Дом престарелых, более современный, и объявила уже о продаже дворца. А ведь это — история: в здешних краях всего

три замка XVIII века, и я с тревогой жду, в чьи руки попадет Мазан.

По приезде в винодельческий кооператив настроение графа меняется: он весел, предлагает нам сначала красное, а потом белое вино. Граф оказался прав — вино отменное. На этикетке — портрет маркиза де Сада и девиз: «Любовь, желание, страсть». На обороте — герб семьи де Садов и слова о том, что благородство букета этого вина очаровало бы «дивного» маркиза.

После дегустации вина Ксавье де Сад предлагает нам пообедать в одном из ресторанчиков Фонтен-де-Воклюза, на берегу горной речки.

— К тому же в этом городке Петрарка имел свой дом, и, возможно, именно здесь Лаура навещала своего возлюбленного. Хотя этому нет никаких документальных подтверждений — я проверял. Да оно и понятно: если эти встречи и состоялись, то они, скорее всего, проходили тайно. Но в чем я совершенно уверен, так это в том, что Фонтен-де-Воклюз есть то самое место, где Петрарка мечтал о Лауре, хотя виделись они на самом деле в Авиньоне, — замечает граф, останавливая машину у своего любимого ресторана.

Слушая графа, невольно ощущаешь, как переплетаются эпохи и великие имена...

— А разве вы не ощущаете дух Петрарки? — спрашивает граф, устраиваясь поудобнее на террасе ресторана в двух шагах от обелиска в честь поэта, и, задумавшись, умолкает...

«...ПОЧЕМУ Я НАРУШИЛ ПОЛУТОРАВЕКОВОЕ МОЛЧАНИЕ»

— Господин граф, вчера вы обещали объяснить, как молодой, двадцатипятилетний аристократ, добропорядочный католик, уважающий нравы и обычаи своей семьи, вдруг решил нарушить молчание и занялся изучением жизни и творчества маркиза де Сада.

— Когда я женился, состоялся странный и в то время непонятный для меня разговор с дядей, братом моей матери. «Ксавье, — сказал мне дядюшка, — если когда-нибудь тебе взбредет в голову назвать одного из моих внуков — твоих сыновей — именем Донасьен, знай, я тебя прокляну и лишу наследства». Когда я спросил, почему ему не нравиться имя Донасьен, он мне ничего не ответил. Я, признаться, в то время не понимал, о чем идет речь. И, уж конечно, не предполагал назвать своего сына этим именем. Своему первенцу я дал имя Елезар. Когда я выходил из церкви после крещения, на меня набросился какой-то репортер. Он сфотографировал моего сына, и на следующий день в газете под фотографией я прочел: «Наследник «дивного» маркиза». Из статьи я узнал о Жильберте Лели и о том, что он пишет биографию моего предка. Я тут же позвонил ему. С того дня все и началось.

— Так это Лели познакомил вас с вашим предком?

— Да, верно. И то, что он рассказал, очень заинтересовало меня. От Лели я узнал, что в начале века Морис Эйн, большой знаток жизни маркиза, пытался кое о чем расспросить моего отца, но был спущен с лестницы. Следующим, кто расширил мои знания о маркизе, был хранитель музея в Венсенне, где де Сад провел в заключении многие годы. Этот прекрасной души человек и пылливый исследователь, объясняя мне, что маркиз не был исчадьем ада, специально придумал такую историю: «Представьте себе, — сказал он мне, — маркиза, прогуливающимся по двору Венсеннской тюрьмы. Так вот, подойдя к колодцу, он слышит неясный шум, доносящийся из его глубины. Он решительно открывает крышку — и что же? Чудовищные вопли и стоны вырываются из колодца и заполняют весь тюремный двор. — Так вот кто правит миром! — восклицает маркиз. — Я опишу вас в своих книгах!»

Граф делает глоток вина:

— Эта притча помогла мне многое понять. Тогда я начал изучать архивы, сохранившиеся на чердаке моего замка.

— Изучение архивов стало для вас откровением?

— И да, и нет. На чердаке был такой беспорядок, что не описать никакими словами. Представьте себе старинные книги, ценные бумаги и рукописи, сваленные в кучи, и повсюду вырванные страницы, гонимые ветром, как сухие осенние листья. Всюду грязь и мусор. Во время войны особняк был занят немцами, которые совершенно по-варварски отнесли к архивам моего рода. Стыдно сказать, но они испражнялись на бесценные для меня документы. Чтобы разобраться во всех этих бумагах, я потратил пять лет.

— Пять лет?

— Да. Все это время я пытался классифицировать бумаги, не зная архивного дела, — действовал наугад. Сначала собрал документы по датам, потом разделил по почеркам. Однажды нашел небольшой ящик, закрытый на замок. Сбив замок, обнаружил в ящике все театральные пьесы маркиза и две новеллы — «Изабеллу Бевьерскую» и «Аделаиду Брунsvикскую» и какие-то письма. Потом отыскал сумку, тоже под замком, и тоже с письмами маркиза. Но, конечно, в то время я еще не различал его почерк, так что оценил все это гораздо позже.

— И что вы почувствовали, открыв сундуки, хранившие в течение полутора веков тайну «странного» маркиза?

— Я был просто потрясен...

«...УЖАСЫ ВОЙНЫ НЕ СРАВНЯТСЯ ДАЖЕ С САМЫМИ ЖУТКИМИ ФАНТАЗИЯМИ МАРКИЗА»

— А какое впечатление произвели на вас литературные произведения маркиза?

— Повторяю, я предпочитаю его письма.

— Ну а «120 дней Содома» вас не шокировали?

— Нет, не шокировали.

— Благодаря Жильберу Лели и хранителю Венсеннского музея, которые помогли вам взглянуть на графа с другой, человеческой стороны?

— Да, и это тоже... но было и другое, что помогло мне понять маркиза. Однако это слишком личное. — Граф замолкает, медленно отпивая вино. Видно, что его мысли где-то очень далеко. Он долго и рассеянно смотрит на быструю воду, журчащую у наших ног, потом добавляет:

— Все, о чем я вам рассказал, происходило в конце сороковых — начале пятидесятых годов.

— Значит, после второй мировой войны?

— Да.

— А что вы делали во время войны?

Опять молчание. Наконец граф решает:

— Это было невыносимо, — тихо говорит он, — даже вспоминать страшно. Я не хотел работать в Германии, помогать нацистам. Прятался, потом попал в Сопротивление. Но меня кто-то предал, я оказался в гестапо — и меня отправили в концлагерь в Германию. Там я провел, точнее старался выжить, полтора года.

— Вас пытали?

— А как вы думаете? Как и всех остальных. В лагере я потерял легкое, не говоря уже о прочих ужасах. После полутора лет несчастий я оказался на Украине, где провел полгода — шесть самых страшных месяцев в моей жизни. Не хочу об этом рассказывать, но поверьте, за полтора года немецкого концлагеря я не пережил и сотой доли того, что перенес на Украине. И все-таки выжил.

— Эти раны так и не зарубцевались?

— Нет, и не зарубцуются никогда!

Снова тягостное молчание.

— Потом мы бежали: нам так хотелось вернуться на родину. Мы пробирались во Францию тайком. Днем спали, а ночью шли. Сознаюсь, по дороге мы совершали отвратительные поступки, чтобы раздобыть еду. Просто еду. Наконец перешли какую-то границу (не знаю, чью) и здесь нам сказали, что война закончилась. Нас арестовала американская военная полиция — американцы не поверили, что мы бежали с Украины, сначала думали, что мы — шпионы. Но все уладилось, и нас отправили во Францию — уже поездом. В Париже я увидел свою мать. Она не могла поверить, что это существо в инвалидной коляске, весившее 35 килограммов, — ее сын. Да, в двадцать пять лет я уже не был молодым человеком, а больше походил на грешника, чудом воскресшего из ада.

— Так об этом вы намеренно умолчали вчера?

— Да. Потому что вы даже не представляете, что может позволить себе человек, охваченный безумием войны... Теперь вы понимаете, что после всего, что я пережил, никакие «120 дней Содома» не могли меня шокировать.

— А если бы вы прочли эту книгу лет в шестнадцать — какая была бы ваша реакция?

— Я бы ужаснулся и вычеркнул маркиза из своей памяти, как это сделали мои предки.

— А тогда, после войны, все пережитое помогло вам взглянуть на маркиза с другой стороны?

— Да. Маркиз не придумал ничего нового, все уже было до него и продолжает существовать и поныне. Он был одним из немногих писателей, которые способны описать все темные стороны человеческой души. Вот почему я считаю, что употребляют термин «садистский» рядом с именем маркиза, неправомерно.

— А слово «садист» — табу в вашей семье?

— В нашей семье мы никогда не произносили это слово...

ПИТЕР ВАЙС И САЛЬВАДОР ДАЛИ

— Да, Сальвадор Дали обожал маркиза де Сада. Мы с Дали часто встречались в шестидесятые годы. В то время у меня возникли разногласия с Питером Вайсом, автором

Граф Ксавье де Сад — потомок маркиза в седьмом колене.

пьесы «Марат-Сад». Даже самое название пьесы мне не понравилось, я был удивлен: ведь маркиз и Марат были знакомы. Просто маркиз написал оду на смерть Марата, убитого в ванне своей любовницей. Нельзя смешивать два этих имени, ведь это совершенно разные люди. Полностью название пьесы звучало так: «Жизнь и смерть Жана-Поля Марата, увиденные маркизом де Садом в Шарантонской тюрьме, в исполнении душевнобольных». Название было довольно длинное и неуклюжее, и его сократили до «Марат-Сад».

— И что же вы сделали?

— Я обратился в суд и добился запрета пьесы под таким названием. Она вышла через некоторое время под названием «Марат-Икс». Кстати, я присутствовал на премьере. Спектакль мне не понравился: вопли, крики душевнобольных — отвратительно. Впоследствии постановщики улучшили мизансцены, артисты перестали орать, и спектакль мне даже понравился. Теперь он обошел многие сцены мировых театров.

— А какая в этом роль Дали?

— Нет, Дали здесь ни при чем. Скандал коснулся американского издателя, и он обратился к Дали с просьбой проиллюстрировать пьесы маркиза де Сада. Я и сам в то время был по горло сыт порнографическими иллюстрациями произведений маркиза, искал серьезного художника и даже подумывал — не обратиться ли мне к Сальвадору Дали. Именно в это время Дали сам связался со мной.

— Он написал вам?

— Нет, мне позвонила его жена. Вы знаете, везде, где дело касалось денег, на первый план выступала вездесущая Галя. По-моему, единственное, что ее интересовало, — это деньги. Наша первая встреча с Дали состоялась в Париже, в знаменитом отеле «Мерис». Дали явился в окружении двух очаровательных спутниц. Галя тоже не отставала от него — она пришла под ручку с молодым секретарем-любовником. Мы с Дали заговорили о предстоящей работе над пьесами, Галя же сразу — о деньгах. Чтобы обсудить условия договора, она несколько раз приезжала ко мне в Конде-ан-Бри. Всегда оставалась на чашку чая, но пила только сидр. Я уставал от нее, так как она была скупа и жадна до денег. В конце концов мы сошлись на

том, что после публикации я получу, нет-нет, не деньги, а подлинники иллюстраций Сальвадора Дали. Но, Боже Мой, каких трудов мне это стоило!

— А как долго продолжалось ваше сотрудничество с Дали?

— Около двух лет, и продолжалось бы и дольше — мы симпатизировали друг другу, но между нами стояла неутомимая Гала. Чтобы получить больше денег от продажи картин, она заставляла Дали работать, как раба. Она вертела им, как хотела. Просто чудовище какое-то...

Машина останавливается у ворот замка Соман. Граф с тревогой рассказывает нам, что замок принадлежит муниципалитету Воклюз и сейчас здесь находится Научный центр по изучению языков Средиземноморского региона. Это дает возможность содержать замок в отличном состоянии. В замке были проведены реставрационные работы. Но у муниципалитета много долгов, и власти хотят продать замок в частные руки. Как частное владение, он будет закрыт для посетителей и научной работы. А ведь в замке Соман маркиз провел свое детство. Здесь он хотел провести старость и умереть. Но судьба еще раз посмеялась над ним.

Как и Лакост, замок Соман расположен на самой вершине горы и, как и Лакост, словно парит над долиной. Но, в отличие от Лакоста, он прекрасно сохранился. Красивые лестницы ведут нас на второй этаж, где располагались личные покои маркиза. Фрески украшают стены и потолки.

— Если бы у меня было достаточно денег, я бы сам купил замок, — с грустью признается граф.

— Вы, как и маркиз, хотели бы провести здесь свою старость?

— Да. Но, как и у маркиза, эта моя мечта несбыточна. — Господин граф, последний вопрос: один из ваших внуков носит имя Донасьен?

— Да, верно.
— А как отнесся к этому ваш дядя?
— Перед крестинами он умолял меня и моего сына не называть внука этим именем. Но сын не послушался — и дядя проклял нас. После его смерти я узнал, что он лишил меня наследства...

«... НЕПРОСТО НАЗЫВАТЬСЯ ДЕ САДОМ, НО МНЕ ПРАВИТСЯ МОЕ ИМЯ»

Париж

— Вся жизнь моего отца связана с именем маркиза. Ему очень хочется рассказать всю правду о маркизе, — объясняет Тибо де Сад, младший сын Ксавье де Сада, — и он прав. Существует много мрачных легенд о нашем предке. Вот почему отец открыл все архивы маркиза — чтобы его могли представить таким, каким он был на самом деле. Он хочет пролить свет на «преступления» маркиза, в которых его обвиняли в течение двух веков и продолжают обвинять сейчас. Я восхищен мужеством, с каким мой отец и мать взялись за дело. А это, уверяю вас, было непросто. Оба принадлежат к древним знатым родам, оба католики. Заговорить о человеке, который написал такие скандальные книги, а тем более защищать его — все это потребовало от них огромных усилий, — я тому свидетель.

Тибо де Сад принимает нас в своем скромном кабинете. Он работает в Национальной ассамблее советником депутата — помогает разрабатывать проекты новых законов.

— Политика всегда меня интересовала, — добавляет де Сад-младший между двумя телефонными разговорами. Включив автоответчик, он больше не откликается на звонки. Беседа возобновляется, и становится ясным, что истинная страсть Тибо де Сада не разработка законопроектов, не деловые связи, а его предок Донасьен — «дивный» маркиз. Нет ни одной страницы, написанной маркизом, которую бы он ни прочел. Докторскую диссертацию он защищал на тему «Идеологические течения в творчестве де Сада». Много лет проработал вместе с Морисом Леви и группой исследователей издательства «Фаяр», чтобы сначала классифицировать, а потом и опубликовать все произведения маркиза. Сейчас Тибо де Сада часто приглашают на научные конференции, посвященные его знаменитому предку.

— Ваш отец рассказывал о многочисленных почитателях, буквально «околдованных» маркизом. А каково его влияние на вас?

— Маркиз многое значит в моей жизни. Изучение его биографии и творчества — моя страсть. Но я не отождествляю себя с ним, как многие читатели, для меня — это просто мой предок.

— А как вы впервые «познакомились» с маркизом?

— Точно не помню, потому что «знаком» с ним с раннего детства. Я вырос в дружной семье. В замке Кондеан-Бри каждый вечер после ужина мы собирались вместе за чашкой кофе. Мои родители брали из архива документы, и мы читали их вслух. Вот так просто, день за днем, я узнавал историю моего рода и, в частности, историю маркиза де Сада. Мы с братом открыли для себя сначала маркиза-человека, родственника, если хотите, а уже потом, некоторое время спустя, — писателя. Мы знаем о нем все: как он жил и страдал, положительные и отрицательные стороны его натуры. Жизнь маркиза казалась нам удивительной. Это было так интересно и занимательно, словно сам маркиз рассказывал нам о своей жизни, посылая каждый день по письму. Мы не сделали ошибки, свойственной большинству читателей, которые прочли сначала литературные произведения де Сада, а уже потом заинтересовались его биографией. Мне кажется, с маркизом надо знакомиться, как знакомилась мы. Ведь творчество — лишь отражение его жизни.

— Но вам повезло больше, чем другим. Вы имели доступ к архивам маркиза, каждый вечер читали его письма. Это все равно, что разглядывать пожелтевшие фотографии своего деда.

— Да, именно так. Нам многое дало повседневное знакомство с архивами нашей семьи. Помню, как в школе учитель истории рассказывал нам о Людовике XIV или кардинале Ришелье, а нам казалось, что он рассказывает о старых знакомых, друзьях семьи, — людях, которых мы хорошо знаем. Возвращаясь из школы, мы спешили на чердак, вынимали из ящиков старинные письма с именами людей, о которых нам рассказывали на уроках истории. Часто, очень довольные, мы приносили эти документы в школу и с гордостью показывали их учителю. Однажды он рассказал нам о пергаменте и золотой пудре, которой присыпали в то время письма. На следующий урок мы принесли письмо с сургучовой печатью, которая свидетельствовала, что письмо это никогда не вскрывалось. Учитель сломал печать, и на его стол просыпалась золотая пудра...

— А много времени вы проводили на чердаке среди бумаг и документов?

— Много. Очень часто мы поднимались туда после школьных занятий, а когда не было уроков — так проводили там целые дни. Нам выпало счастье, о котором мечтают все мальчишки: огромный чердак, сундуки, набитые старинными книгами и бумагами. Много дней мы провели на «волшебном» чердаке, покрытом вековой пылью. Руки привыкли держать тяжелые фолианты, глаза — разбирать старинную каллиграфию. Это было так увлекательно, словно сама история входила в нас, когда мы держали перед глазами пергамент XII века или когда наш предок «посылал» нам письмо из века XVIII. Так мы узнали маркиза.

— Когда вы в первый раз прочли его литературные произведения?

— Впервые — в семнадцать лет, а потом перечитал в двадцать два года, перед защитой диплома. Первое чтение было поверхностным, но при втором я обнаружил политическое и философское значение этих произведений.

— А первое впечатление от «Жюстины» и от «120 дней Содома»?

— Я был разочарован. Маркиз-писатель сильно отличался от человека, чьи письма я читал. В романах я не нашел того «огня», который озаряет все его письма.

— А насилие, эротика, извращения, описанные вашим предком, не ужаснули вас в семнадцать лет?

— Нет, уже тогда я воспринимал описание этих сцен как прелюдию, пусть несколько особенную, к его философским рассказам и письмам. Мне казалось, что все это типично для литературы XVIII века. Но в двадцать два года, когда я начал серьезно изучать его тексты, я был потрясен. Даже был вынужден уединиться в одной из дальних комнат нашего замка... И вы знаете, чем больше я читал, чем глубже погружался в творчество маркиза, тем меньше времени мог находиться в этой комнате. Мне казалось, что там даже воздух насыщен насилием. Я читал и перечитывал сцены насилия, чтобы понять их тайный смысл. Как наяву, вставали они передо мной, заполняли все

пространство, становились невыносимыми. И тогда я почувствовал — есть в этих книгах что-то опасное, разрушающее, что именно этого и добивался маркиз. «120 дней Содома» начинаются с описания природы — пейзаж расцвечен всеми цветами радуги. Но от страницы к странице они блекнут: теперь только два цвета — белый и черный, а в конце — один черный. Напряжение нарастает — и книга заканчивается грандиозным массовым избиением. Страшно то, что сюжет придуман, взят из головы, поддается определенной логике. И заключенная в нем логика — ужасна. Маркиз хотел встряхнуть своего читателя, разрушить его стереотипные представления, заставить заглянуть в свою душу как можно глубже, на самое дно. Маркиз добился своего — никто и никогда не оставался прежним по прочтении его книг.

— А как же вы? Вас это тоже коснулось?

— Да, но заставило скорее проанализировать философию маркиза, поставить и ответить на многие вопросы самому себе. Это, я уверяю вас, ужасный опыт. Мать, видя мои страдания, каждый вечер приходила ко мне в комнату, и мы обсуждали прочитанное — то новое, что я обнаружил для себя и в самом себе, изучая произведения моего предка. Я ей благодарен за эту помощь.

— Вам не тяжело нести эту тяжелую ношу — имя де Сад?

— Нет, совсем! Я предпочитаю носить имя де Сад, чем, скажем, Руссо.

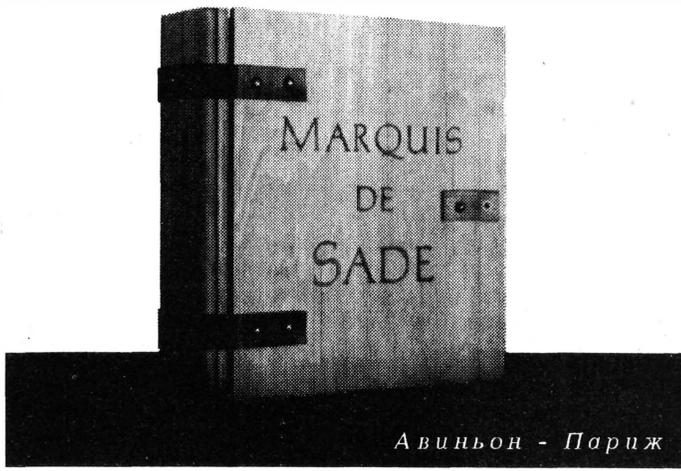
— Вам не нравится Руссо?

— Почему же, нравится. Но его имя не вызывает у людей такой бурной реакции, как де Сад. Есть люди, которые, услышав мою фамилию, сначала удивляются, а потом сердятся или смеются, называют меня шутником. Они объясняют мне, что маркиза де Сада не существовало, что это литературный образ, выдуманный для того, чтобы описывать всевозможные пороки, что не было и не могло быть в природе такого ужасного человека. Другие смотрят на меня скептически, для них я — обманщик.

По их мнению, маркиз существовал, но был столь порочен, что никак не мог иметь детей, а значит и потомков. Но есть и другие — кто по-настоящему интересуется маркизом, хочет знать, кем же он был на самом деле и что скрывается под легендой. Для них мой предок — тайна, которую они хотят разгадать.

— Ваше имя не мешает вам в работе?

— Нет, скорее забавляет: ведь история порою разыгрывает веселые шутки. Представляете, сейчас я усиленно работаю над пакетом законов о семье, защите детей и престарелых. Мне часто звонят люди по этим вопросам и, когда я называю свое имя, удивленно спрашивают, не потомок ли я маркиза де Сада. Получив утвердительный ответ — смеются. Трудно представить маркиза или кого-то из его потомков на поприще милосердия. Мир перевернулся. Не правда ли?

Авиньон - Париж

ЖИВОЙ СВЕТ ПРИКАСПИЯ

Прошло несколько часов, как мы переправились на левобережье Волги, и потянулась ровная, бескрайняя, пепельно-серая степь. Лишь немногочисленные курганы, как правило, хранители каменной соли, стоят, словно затерявшиеся островки, среди полупустынной равнины Северного Прикаспия.

Вдали, в розовом тумане утреннего солнца, показалось озеро — к нему и направляется наша краеведческая экспедиция. Берега озера, очерченные кольцом соляных выветров, врезались в заросли краснобурых солянок. А дальше — ни деревьев, ни кустика...

Мы занимаемся исследованием соляных озер, изучая их биологию, тайны цветовой окраски и — не будет преувеличением сказать — географию и историю края, так тесно с ними связанными.

Соленые озера часто называют «мертвыми»: все, случайно попавшее в него, каменеет. Перекати-поле, занесенное ветром из степи, обрастает кристаллами соли и торчит на поверхности озера в виде глыбы снега, растущей во все стороны. В стужившемся соляном рассоле, прибитые к берегу, плавают мертвые жуки, саранча, кузнечики — они превратились в настоящие мумии. Утки, опустившиеся во время перелета отдохнуть на водную гладь соляного озера, не могут взлететь, так как перышки их крыльев обрастают солью, как бы склеиваются.

Создается впечатление, что в соляном озере нет ничего живого, но это не так. Жизнь есть, и она дает себя знать и в запахе озер, и в их разноцветье.

Многократное изменение цвета воды в соляных озерах (рапы) я сам наблюдал не раз на озере Баскунчак. Прозрачная зимой рапа с наступлением тепла приобретает бледно-розовую окраску, которая в течение лета, обогащаясь красновато-морковными тонами, к началу осени становится оранжево-золотистой, постепенно бледнея с наступлением холодов.

Цветные соляные озера невольно привлекают внимание каждого, кто видит их впервые. Особенно прекрасны они на исходе дня, когда освещенная лучами заходящего солнца рапа отражает голубизну неба и сверкает золотисто-оранжевыми бликами в белоснежном кольце соли, выброшенной волнами на берег, и в темной зелени солелюбивых растений.

Об удивительном явлении свечения озера Эльтон в «Дневных записках» путешественника и натуралиста XVIII века Ивана Ивановича Лепехина читаем: «...Представилось глазам нашим на небе великое зарево, подобное тому, какие в темные ночи бывают при несчастных пожарных случаях. Зарево сие происходило от озера, в котором тузлук, или рапа, такой же имел цвет».

Пораженные необычайным зрелищем путешественники, начиная со времен академиков И.И.Лепехина, С.Г.Гмелина, П.С.Палласа, неоднократно и безуспешно пытались найти причины происхождения окраски рапы. И.И.Лепехин писал в своем дневнике: «Красный рапы цвет доказать — дело сверх моего понятия». От пурпурно-красного цвета рапы озера Эльтон академик Паллас выводит и само название озера, ссылаясь на калмыков, которые «собственно «Алтын-Нор» — «Златое озеро», ради

этого цвета, когда на оное солнце ударяет, назвали, из чего и произошло испорченное имя «Елтон».

От цвета рапы, а иногда и осаждаемой соли, в Астраханском понизовьи произошли названия озер: Белое, Розовое, Красное. Два озера Басинской группы соляных озер «за любезный, схожий за происходящий от малины» запах, которым, по свидетельству академика Гмелина, отличалась соль этих озер, а также за способность давать новосадку малиново-красного цвета, были прозваны Малиновскими. Оба эти озера являлись личной собственностью Екатерины II. Документы свидетельствуют: «...и было велено добывать с них соль в количестве ста пудов ежегодно для двора императрицы...» Ароматная, розовая с фиолетовым оттенком соль, регулярно доставлялась в Санкт-Петербург. Екатерина понимала, что поданная к столу для иностранцев «малиновая соль» вызывала у них не только удивление, но и безотчетный страх перед страной, где все необыкновенно, начиная от роскоши царского двора и кончая обычной поваренной солью.

Понять причину окраски рапы и соли «розовых», «красных» и «малиновых» озер пытались многие русские и зарубежные ученые. Французский химик Пайян, на основании исследований соляных озер Англии, в 1836 году пришел к выводу, что розовая окраска их зависит от особого рачка, которого в этих озерах множество. Два года спустя после Пайяна, другой ученый, Дюналь, усмотрел причину окраски рапы и соли соляных озер в массовом размножении солелюбивой водоросли, названной затем в его честь «дюналиеллой соляной». Однако еще около ста лет многие ученые оспаривали вывод Дюналя, предполагая, что виновниками окраски являются дафнии, пурпурные и другие бактерии.

В 30-х годах нашего века микробиолог Астраханского мединститута, профессор Б.И.Курочкин установил, что шаровидная (реже палочковидная) бактерия — серрация солиноария — является солелюбивой, и она-то в теплое время года при массовом размножении окрашивает рапу в малиновый цвет с фиолетовым отливом. В длинном списке исследованных образцов поваренной соли, полученных Б.И.Курочкиным из озер Англии, Средней Азии и Испании, Китая и Сомали, всегда находили эту солелюбивую бактерию.

Выходит, что окраска соляных озер зависит от развития в них двух микроорганизмов, открытых Пайяном и Курочкиным; в зависимости от соотношения этих солелюбов меняется цветовая гамма рапы. И свет, рождающийся в соляных озерах, является поистине живым светом.

...Озеро Баскунчак дает больше половины добываемой в нашей стране соли. И эта проза, соседствующая с поэзией и тайной соляных озер, ведет нас, краеведов, по выжженным степям Прикаспия.

Г.МОТОРИН,
действительный член
Российского общества
краеведов, пос. Н. Баскунчак
Астраханской области

ЭТНОПЕДАГОГИКА
(часть II)

Часть вторая — потому что мы уже публиковали заметку «Этнопедагогика», где рассказали о традиционных методах воспитания, примененных к двум молодым оболтусам-индейцам на Аляске старейшинами племени. Оболтусы избили мистера Чжана, владельца пиццерии, и отобрали у него ничтожную сумму. Старейшины отправили обоих на необитаемый остров, снабдив лишь ружьями и снастями. На год.

Прошел год. За это время оболтусы Саймон Робертс и Эдриэн Гэттри окрепли и возмужали. Выяснилось, что умеют охотиться, ловить рыбу и строить землянки. Никогда в прежней своей жизни они не испытывали такого душевного мира и покоя. Они забыли о наркотиках, спиртном и сексе. Оба задумались о смысле жизни и о том, что может быть, стоит задержаться на острове еще на годок. Единственное, что их гложет, — это чувство вины перед мистером Чжаном и глубокий стыд.

— Нам бы хотелось пригласить его к нам на остров, — мы показали бы ему всю прелесть индейской жизни. Но боимся, что он откажется: жить как индеец не сможет никакой белый. Даже китаец.

СТЫД И КОРЫСТЬ

«Тот, кто придет в наш магазин без штанов, получит ценный подарок», — объявила дирекция магазина модной одежды в немецком городе Киле. Результат превзошел все ожидания: несмотря на холодную погоду, у дверей выстроилась очередь молодых людей в трусах и кальсонах. Попадались герои и совсем без всего (не считая свитера и рубашки). Магазин благодетельствовал 66 человек, включая голозых. Остальные вдруг почувствовали острый стыд и побежали по домам, не забыв, впрочем, разбить витрину у обманщиков-коммерсантов.

ПИНГВИНАМ ПОСВЯЩЕННЫЙ

Не ищите месье Альфреда Давида в брюссельской телефонной книге на букву «Д». Ищите на букву «П». Ибо он числится в ней, как месье Пингвин. И поделом. Всю жизнь он отдал пингвинам и основал единственный в мире музей искусственных пингвинов. Музей помещался в его доме, пока жена не погнала его прочь с птичками вместе. Так что пока 2750 экспонатов собирают пыль на желдорстанции. А хозяин изыскивает средства на наем нового помещения. Пингины у него — деревянные, стеклянные, оловянные. А также меховые, пластиковые (далее — по списку годных и не очень материалов).

Альфред Давид начал собирать антарктических птичек в 1960 году, когда, повредив ноги в автокатастрофе, стал прихрамывать и ходить вперевалку. Друзья прозвали его «пингином». Он стал думать о своих тезках, прочел о них всю доступную ему литературу и пришел к выводу, что в душе он — и вправду пингвин. А пингины лучше людей: люди часто бывают жестокими. Пингвин же способен любить...

Остается добавить, что бывшую супругу иначе, как «змеица», он не называет. И от всей души желает ей найти себе друзей среди ядовитых змей. Тогда и посмотрим, что с ней будет...

ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ

Тюрьма — везде не сахар. Конголезская же — и того хуже. Из-за финансовых трудностей рацион заключенных урезан до нескольких рыбных голов и кусочка хлеба в сутки. Одежду не выдают тоже, благо, Конго — не Магадан. И узники ищут себе пропитание, опуская из окон пластиковые пакеты на бечевке. Жалобными голосами они просят у прохожих подаяния. Прохожие, люди бедные, но милосердные, кладут в пакеты что что сможет: мелкую монетку, кусок съестного. Охрана не вмешивается, хотя положить могут и наркотики, и даже оружие. Ее дело проверить пакеты и взять себе нужное на пропитание.

Охране тоже плохо платят...

ГНЕВ ПО РАСЦЕНКАМ

По данным немецкого клуба автолюбителей, членам этой организации чаще приходится платить не за нарушение правил уличного движения, а за сомнения в умственных способностях полицейских. (Стражам порядка это ужасно не нравится).

В 4 тысячи марок обходятся расхожие выражения: «идиот», «кретин в мундире», «легавый». Сопровожденные жестами, эти выражения заслуживают двойного штрафа. Клуб опубликовал прейскурант штрафов:

«дубина» — 2 тысячи марок; «бешеный бык» — 1200; «полная идиотка» (к женщине-полицейскому) — 1600. Обращение «на ты» — 1600.

Имея этот прейскурант, водитель, остановленный на дороге, вежливо говорит: «Извините, г-н инспектор», сверяет свои финансовые возможности с ценами, и дает волю гневу:

— Ах ты, идиот легавый! Вот деньги, битте!

— Сам идиот безмозглый! Тебе не машину водить, а на горшке сидеть! Вот вам сдача, битте!

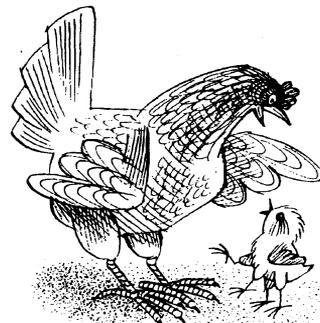
НЕ ТРАТЬЕСЬ НА БИЛЕТЫ!

Жители «зеленого континента» — Австралии обычно довольны своей австралийской жизнью. Кроме одного: далеко больно от всего мира живут, а особенно от Европы, откуда большинство из них ведет свой род. Авиабилеты очень уж кусаются.

Но их уныние по этому поводу можно развеять. Как установили ученые, изучающие данные, полученные со спутников, материк движется на северо-восток. Со скоростью 5–8 сантиметров в год. Так что достаточно подождать несколько миллионов лет — и вы будете гораздо ближе к остальному миру, чем сейчас.

НАЙДУТ И ТЕЛЕВИЗОР

Острова, куда привела племена Ямато богиня Солнца Аматерасу-Оми-Ками, — нынешняя Япония. А откуда привела? Из Китая, утверждают китайские ученые. По результатам раскопок, первобытные люди в провинции Гуанси очень похожи на пращепонцев. Кроме того, реликвии, относящиеся к каменному веку, найденные недавно в пещере Белого Лотоса, схожи с такими же реликвиями, обнаруженными в Японии. (Так и хочется сказать: «Там даже обнаружен прателевизор прамарки пра-«Сони»»).

ПЕРНАТОЕ ЧЕТВЕРОНОГООЕ

Дело было в Непале. Снесла курочка яичко. Да не простое, а очень простое. А вот цыпленок из него вылупился необыкновенный: о четырех ногах. Хозяйка оказалась в затруднении: то ли съесть, то ли за деньги показывать.

Но тут нагрянули авторитеты — местный и столичный. Один — брахман из деревенского храма с желанием забрать чудо-птичку богу Вишну. Второй — из университета, биолог: требует курочку для исследований.

Так и разошлись: брахман с цыпленком, ученый с курочкой. А хозяйка без обеда, но с чувством глубокого удовлетворения: их имена отныне записаны в хронике местного храма и отечественной науки.

ПОУЧИТЕСЬ, ПАНДЫ!

...у крокодилов. Количество панд, увы, сокращается. Гигантская панда по имени Фэй-Фэй скончалась в преклонном возрасте в Токийском зоопарке. Ей было 27 лет, что примерно соответствует 80 годам у человека. Фэй почти всю свою долгую жизнь прожила в зоопарке, это большая редкость. В естественных условиях панды живут только в труднодоступных бамбуковых рощах китайской провинции Сычуань. К сожалению, в отличие от толстокожего и бесчувственного аллигатора, панда не поддается ни заботе, ни уходу человека.

И ЧЕГО ИМ НЕ СИДИТСЯ?..

То, что американцы — нация иммигрантов, известно всем и является правдой. То, что нацией домоседов они так и не стали, свидетельствует доклад Американского бюро переписи населения. Оказалось, что жители Америки переезжают на другое место жительства чаще, чем граждане любой другой страны (за исключением лиц цыганской национальности в Старом Свете и лиц бушменской национальности в ЮАР). За последние 15 месяцев местожительство поменяла каждая пятая семья. Лишь одна десятая часть семей живет на одном месте более 30 лет.

Среди объяснений этого явления есть и такое: в Европе дома строили из камня, это занимало много лет и стоило дорого — такой дом не бросишь. А в Америке, где леса хватало, жили в домах, рубленных из дерева; он быстрее выходит из строя — не понравилось тут, переберусь в другое место. Был бы топор да руки умелые...

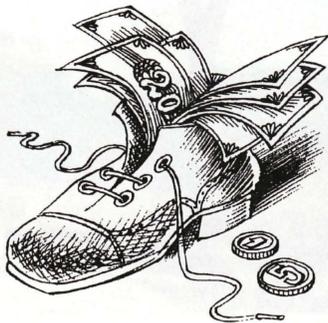
КОМАРА — К НОГТЮ!

Вот уже несколько столетий подряд садоводы безмерно благодарны ноготкам — обыкновенной календуле, — бдительно охраняющим культурные растения от разных там насекомых-вредителей. Но лишь совсем недавно канадские ученые доподлинно установили, что эти простые с виду цветочки могут оказывать людям неоценимую помощь в борьбе с малярией — этим извечным врагом человечества, который ежегодно уносит больше миллиона жизней.

В чем же секрет? Да в том, что в ноготках содержится альфатриетирил — вещество, губительное для личинок малярийных комаров. Достаточно всего лишь распылить это вещество над озерами и болотами, где созревают и набираются сил комары, переносчики малярии, чтобы вкупе с дневным светом, активизирующим

фермент из ноготков, природное «химическое оружие» начало непримиримую борьбу с разносчиками злейшего недуга.

«В сущности, это вещество »зажаривает» личинки комаров», — объясняет действие альфатриетирила руководитель группы исследователей Оттавского университета Джон Арнасон. Поскольку у многих зловредных насекомых со временем обнаруживается приспособляемость к искусственным инсектицидам, канадские ученые решили обхитрить вредителей и приступили к опытам с другими растениями, которые помогут человеку эффективно бороться с особенно вредными для его здоровья насекомыми из многочисленного отряда двукрылых.

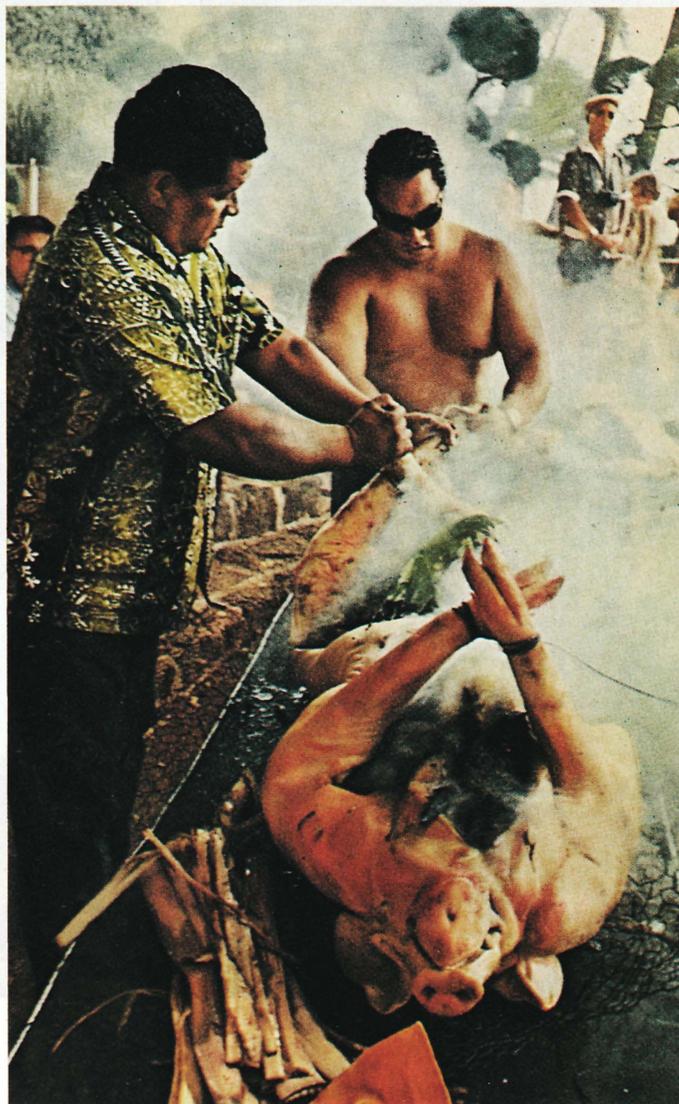

НЕТ ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ

По улицам нигерийской столицы Лагоса, а особенно по дорогам Подлагосья, ездить стало опасно. Грабители разработали целую методику — мерзкую, но хитроумную: или прокалывают шины брошенными на шоссе шипами, или перекрывают движение, переодевшись в полицейскую форму.

Группа людей возвращалась на машине с вечеринки. Увидев на дороге шлагбаум и людей в форме, они почуяли опасность и срочно попрятали деньги в обувь. В карманах оставили лишь мелочь для отвода глаз. Псевдополицейские, не скрывая своих злодейских намерений, потребовали деньги, собрали 200 найр и отпустили машины. «Уф-ф-ф!» — облегченно вздохнули жертвы. Но рано вздохнули. Машину снова остановили и приказали всем разуться. Улов составил на этот раз 4000 найр. Тут пассажирам надавали по шее, а главарь, сокрушенно вздохнув, сказал:

— Видите, в чем причина всех бед Нигерии: здесь почти нет честных людей!..

КОРОЛЕВСКОЕ ЛИАУ

Никто никогда не ел такого лиау, как короли Таити, Гавайев, Маркизских островов в стародавние полинезийские времена! Никто теперь и не поест: удальствие от лиау усиливалось тем, что простонародью есть его запрещалось. А теперь его может заказать каждый на этих островах, были бы деньги! Но, впрочем, и деньги еще не все, надо дожидаться дня, когда готовят лиау, а это бывает раз в месяц. Однако, что это мы «лиау, лиау», не объясняя?

Объясним — и понятным станет, почему им так редко можно полакомиться. «Лиау» — это свинья, зажаренная целиком в земляной печи. Но сначала свинью жаривают изнутри: туша лежит на земле, и ее набивают раскаленными кусками окаменевшей лавы. И только потом закапывают в «иму» — яму, наполненную такими же камнями. Сначала закрывают ароматическими травами, потом — камнями, потом землей и долго эту землю утрамбовывают.

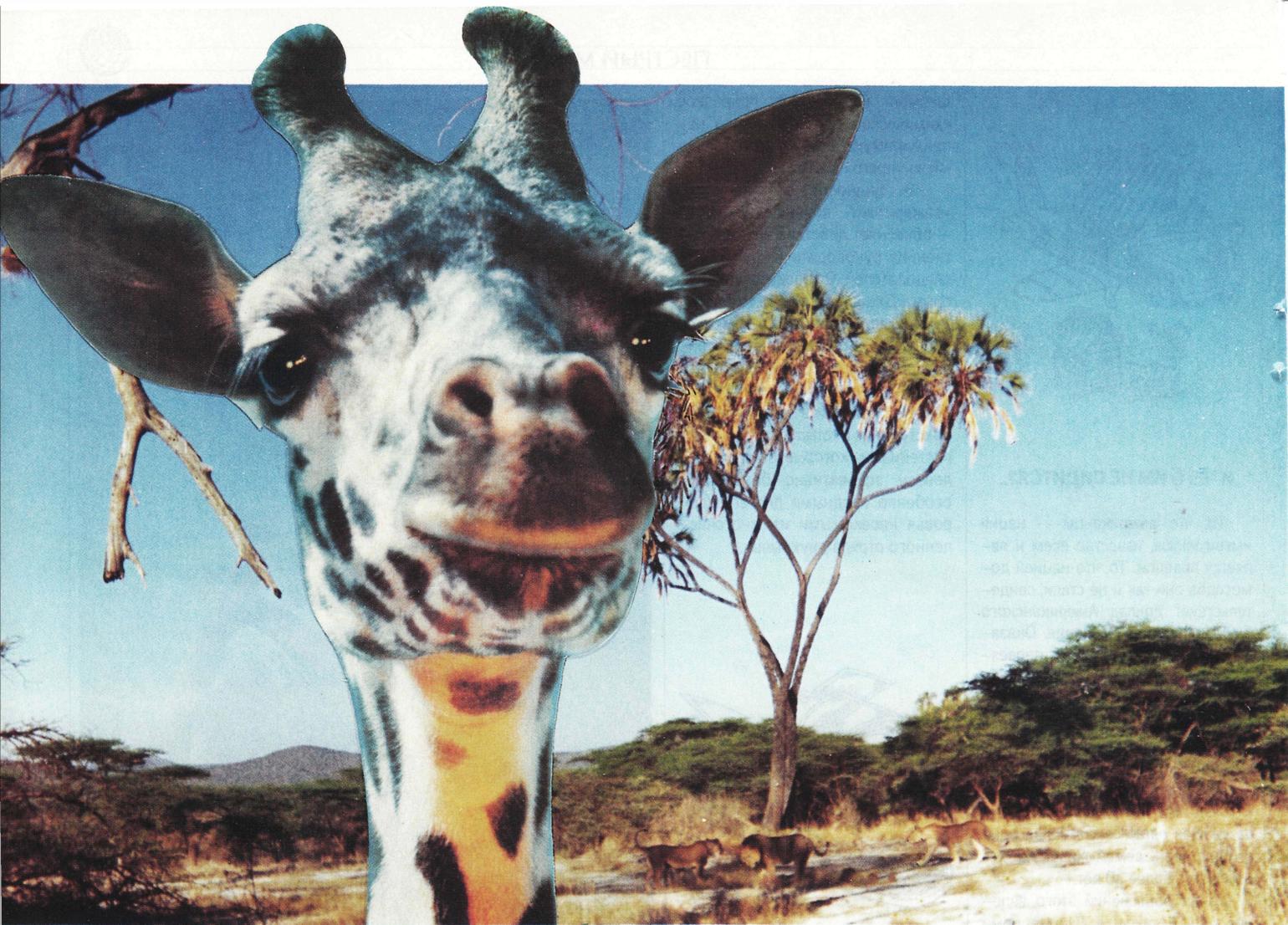
Через несколько часов лиау пропекалось, и когда разбрасывали землю, дивный аромат возносился к небесам. И боги питались им — ароматом королевского лиау.

КРОКОДИЛИЙ ВЗРЫВ

Понимать следует как демографический взрыв у китайских аллигаторов. Еще недавно они находились на грани исчезновения, а теперь нуждаются в ограничении рождаемости. Популяция их за 10 лет выросла в 8 раз. Их теперь в реке Янцзы и ее окрестностях 4 тысячи зубастых штук. А поскольку

научное обслуживание и выхаживание аллигатора обходится в 470 долларов ежегодно, рост же голов может привести к падению цен на их кожу, яйца и мясо, остается разве что начать среди крокодилов пропаганду контрацептивов.

Раздел ведут Л.МИНЦ и И.АЛЧЕЕВ
Рисунки В.ЧИЖИКОВА

Почему «Возвращение в саванну»?
Я уже ездил по эфиопской саванне в Огадене, и мне снова хотелось вернуться в эти места. Помните, у Гржимека: «Тот, кто хоть раз побывал в Африке, обязательно хочет вернуться...»
Сафари, участвовать в котором меня любезно пригласило туристское агентство «Альбион тур» (с рекламой этой фирмы вы можете познакомиться на второй обложке журнала), предоставляет редкую возможность повидать множество разных зверей.
В своих заметках я не столько описываю африканских животных (вы все наверняка видели их в кино или читали о них), сколько рассказываю о том, как мне удалось найти их в саванне и даже запечатлеть на фотопленку.
Но сначала — о человеке, без которого, возможно, эти встречи и не состоялись бы, о нашем никогда не унывающем шофере, замечательном следопыте; заповедные уголки саванны для него — дом родной.

**«БОЙСЯ ЛЬВА И МАСАЯ»,
ИЛИ
КОДЕКС ЧЕСТИ ШОФЕРА
И СЛЕДОПЫТА САММИ-КИКУЙЮ**

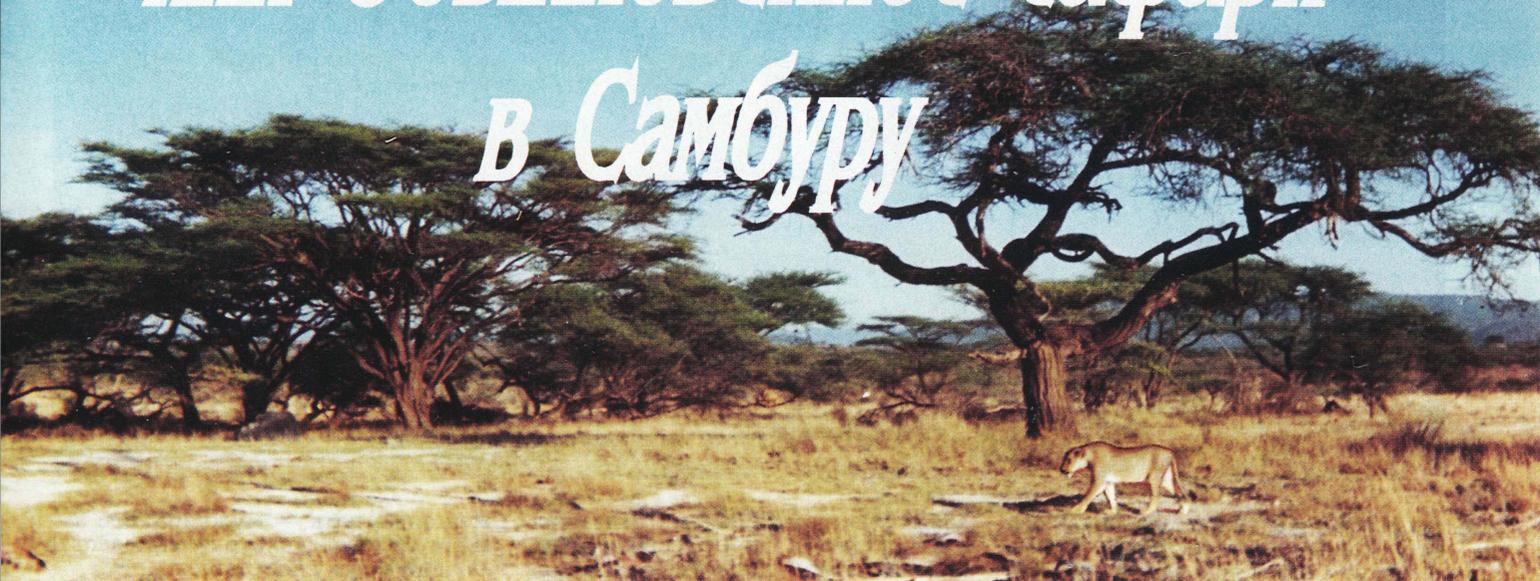
Эту присловицу наш шофер обычно повторял в трудных случаях жизни. Почему же Самми боялся именно львов и масаев, можно было только гадать, пока он не приступил к рассказу о великом народе кикуйю, принадлежностью к которому Самми Камаи очень гордился. Впрочем, все по порядку...

Он встретил нас в аэропорту Найроби, словно старый знакомый. Как только мы прошли таможенный дозор, кстати, весьма формальный (таможенник даже не обратил внимания на то, что в моей сумке побрякивали десять бутылок водки, а в Кении это — валюта: джин и виски дорожают по мере углубления в саванну, и в дальних отелях-лоджах стоимость бутылки в десятки раз превышает обычную цену), Самми решительно взмахнул рукой, и расторопные носильщики моментально подхватили наши вещи. Что бы он ни делал, подтянутый и энергичный, в зеленой униформе, он всегда ослепительно улыбался. При этом большие карие глаза сияли, и все его круглое милостливое лицо излучало доброжелательность. поприветствовав всех, Самми вручил каждому из нас сумку и кепи с зеленой эмблемой своей компании «African Tours and Hotels», которая обеспечивала нам путешествие по саванне.

Окончание. Начало в № 3/95.

В. ЛЕБЕДЕВ,
наш спец. корр.
Фото автора

Возвращение в саванну, или Обыкновенное сафари в Самбуру

— Какая она, саванна? — весело переспросил Самми. — Да вот она перед вами, любуйтесь.

И он широко повел рукой. Вот это здорово! Не успели мы отъехать от аэропорта, как сразу же оказались в знаменитой кенийской саванне. Асфальтовая дорога пересекала единственный в мире заповедник, расположенный рядом с крупным промышленным городом.

— Здесь, всего в нескольких километрах от Найроби, водятся львы, антилопы, буйволы и даже бегемоты, — рассказывал Самми, словно заправский гид, и в то же время с гордой хозяйской ноткой в голосе.

Мы во все глаза вглядывались в ровное поле за колючей изгородью, питая слабую надежду увидеть хоть какого-нибудь зверька, как вдруг раздался совершенно безумный вопль:

— Жирафы! Смотрите, настоящие жирафы!

Действительно, вдали, где-то у самого горизонта, среди кустиков торчали две желтенькие головки жирафов. Все были готовы тотчас же выскочить из автобуса и бежать к этим первым, встреченным в Кении животным, разгуливающим между аэропортом и столичной окраиной, как у себя дома, но Самми весьма снисходительным тоном, словно малых детей, успокоил нас:

— Все впереди, — еще наглядитесь на зверей. Я, между прочим, работал в

этом заповеднике — в зоопарке, где выращивают молодняк и лечат раненых животных. Это было сразу после окончания колледжа «Утали», там нас обучали обращению с дикими животными, — с достоинством добавил он.

Заметим, что такими чертами, как гордость, самоуважение, по мнению Самми, должен обладать каждый истинный кикуйю. При всяком удобном случае он любил подчеркнуть достоинства своего народа.

— Мой народ очень древний, — произносил он глубокомысленно, и лицо его принимало торжественное выражение. — Предания кикуйю гласят, что наши предки пришли с северо-востока и после ожесточенных стычек с местными племенами охотников заселили плодородные долины центрального Кенийского нагорья. Но мы очень мирные люди — кикуйю всегда работали на земле. Я вырос в деревне в большой семье, которая на своем поле выращивала овощи, просо, бататы, а вокруг нашей круглой хижины-тукуля, крытой соломой, росли бананы и была грядка с ананасами. Мы боялись только львов («симба») и воинов-масаев. Симба бродили ночью вокруг деревни, могли напасть на коров в загоне и утащить козу или бычка, а масаи тоже угоняли скот и похищали наших девушек.

Самми знал и гордился тем, что кикуйю, у которых англичане отобрали много плодородных земель,

стали главной силой освободительного движения «Мау-Мау». Односельчане Самми вошли в вооруженную группу «Копье за землю» и даже нападали на белых фермеров. Из среды кикуйю вышли видные борцы за свободу, писатели и, конечно, первым среди них Самми назвал президента Джомо Кениату, дружившего с нашей страной.

— Вы спрашиваете, что означает «Мау-Мау»? — Лицо Самми вновь принимает глубокомысленное выражение. — У кикуйю есть выражение «Ума-Ума», то есть «убирайся», но, возможно, это измененное слово «мума», которым называют клятву на верность земле отцов. Кикуйю чтят обычаи предков. У нас в деревне все уважали старейшину, вождя, и конечно, колдуна.

Этот разговор произошел в Найроби, когда в местных газетах промелькнуло сообщение, что в парламенте обсуждали... депутата-колдунью.

— А что? — моментально откликнулся Самми. — В Найроби есть колдуньи, и к ним охотно идут люди за советом. Например, сегодня моя невеста тоже собирается сходить погадать к одной такой знахарке.

Самми принялся расхваливать свою невесту, работающую страховым агентом, и обещал меня с ней познакомить. Я воспользовался случаем и напросился вместе с ними к знахарке, прихватив с собой в качестве подарка чашку, расписанную хохломскими мастерами. После долгих уговоров Самми согласился взять меня с собой, но лишь с условием, что мы с ним обождем невесту у домика колдуньи.

Еще вечерние сумерки не опустились на сиреневые джакаранды и ро-

зовые бугенвиллии, как мы оказались у деревянного забора, скрывавшего небольшой домик на окраине Найроби. Мы шагнули в калитку и остановились, а невеста пошла дальше к домику, из стен которого выпирали прутья, обмазанные глиной. Сквозь открытую дверь домика солнце освещало земляной пол и нехитрую утварь. У двери сидела хозяйка на вытертой циновке, одетая в пеструю кофту и длинную юбку. Из-под низкого надвинутого черного платка внимательно смотрели глаза, наверняка немало повидавшие на своем веку.

Невеста Самми опустила на колени перед колдуньей, которая, вынув из кармана юбки худенькую руку, схватила лежащий неподалеку кусок мела, начертила вокруг себя треугольник и тем же куском помазала себе виски.

— Что это она делает? — спросил я у Самми. — Зачем выпачкалась мелом?

— Чтобы общаться со своими предками через богов, живущих на вершине горы Кения. Мел для нее — снег, ведь вершина Кении покрыта снегом.

Я уже знал, что название второй по высоте горы Африки произошло от масайских слов «кее нийя», что означает «белая гора». Теперь буду знать, что этот потухший вулкан считается священным у местных племен...

Старуха тем временем взяла глиняный кувшинчик и вытрясла на циновку несколько бусинок, посмотрела на них, собрала в ладонь и бросила у своих ног.

— Она так гадает? — прошептал я Самми.

— Моя невеста спрашивает колдунью о своей судьбе. Та сегодня решила гадать на бусинках, каждая из которых имеет свое значение. Одна бусинка — дорога, две — дом, три —

женщина, пять — мужчина. Все зависит от того, сколько их выпадает и как они лягут у ног старухи.

Пока Самми разъяснял мне суть колдовства с бусинками, на середину двора важно вышел порядком обшипанный петушок и громко прокукарекал.

Колдунья вздрогнула, что-то сказала невесте, показав ей на лежащие бусинки, и махнула рукой. Сеанс был окончен.

Я вспомнил об этом гадании позже, когда мы отправились из Найроби в саванну на маленьком автобусе. Тут нельзя не сказать пару слов об отношении Самми к своей машине. Его «тойота» была замечательной — выносливой и крепкой.

Но случилось, она останавливалась и, как упрямый осел, не желала двигаться дальше. Самми охал и жалостливо вздыхал, растерянно ходил вокруг автобуса, недоуменно осматривал мотор, даже почему-то прикладывал носовой платок к карбюратору, затем, откинув сиденье, доставал ключи, осматривал их и клал обратно. При этом он тихонько приговаривал: «Машина сама знает, когда ей хорошо, а когда плохо».

Мотор подчас чихал, а иногда от него валил пар. Наконец выяснялось, что Самми забыл долить масла или залить воды. Когда же наш шофер сам или с помощью друзей заводил мотор, то радостно восклицал: «Машина заработала — божество помогло». При всем этом Самми был умелым водителем: ловко взбирался по отвесным кручам, на скорости проскакивал речки и осторожно ехал по горным дорогам.

Знал Самми, где и когда остановиться, чтобы угодить туристам.

Правда, спиртное, сигареты, фото-пленку он частенько предлагал купить в дорожных магазинчиках при отелях, а не в городках, где цены значительно ниже. Завозил он нас и к знакомым торговцам, чтобы мы приобрели у них разные безделушки. Здесь у него, несомненно, был свой интерес.

— Кикуйю очень способные, — рассуждал Самми, — они не только хорошо выращивают овощи, но и умеют торговать.

Так Самми привез нас однажды к длинному ряду палаток, где резали из дерева фигурки животных его земляки-кикуйю, а их жены и сестры тут же старались подороже продать похожих, как две капли воды, слонов и носорогов.

Случилось это на самом экваторе. Да, да, именно на экваторе. Там на обочине дороги даже стоял щит со словом «экватор». Когда пролетаешь на самолете Аэрофлота через эту воображаемую линию, то стюардессы вручают тебе грамоту и значок, как имениннику первопроходцу, а здесь, кроме женщин-торговок, нас никто не встречал. Правда, шустрый человек показывал незамысловатый фокус с сосудом воды — в этих местах его обязательно демонстрируют туристам за шиллинги. Фокусник бросал палочки в воду, которая вытекала из дырки на дне сосуда: севернее экватора они вращались в одну сторону, южнее — в другую, а на линии экватора стояли прямо в потоке воды.

Фокусы фокусами, а Самми деловито подвел нас к ларькам, где торговали его друзья.

— Кикуйю не только плетут циновки, но и делают разную посуду, выплавляют железо и изготавливают украшения, а теперь научились резьбе по дереву, — вдохновенно нахваливал своих земляков наш гид, перечисляя все мыслимые и немыслимые таланты народа кикуйю.

Я же задержался около одной лавочки, и в ее глубине увидел курчавого мальчонку, который старательно втирал в маску война-масая какое-то вещество, похожее на гуталин. Я все понял, но промолчал: любое дерево должно походить на эбеновое, чтобы его можно было продать подороже, а поэтому оно должно выглядеть, как черное дерево, и чем чернее, тем лучше.

Здесь, около экватора, мы увидели гору Кению. Ветер разогнал наконец облака, и на фоне ярко голубого неба четко вырисовывалась самая высокая вершина страны, на скальной гряде которой залегли снежники.

Самми, как стоял у своей машины, так и замер: подняв лицо к солнцу, он благоговейно смотрел на священную гору кикуйю.

В тот же день Самми начал мне рассказывать, подождав, пока я разверну блокнот (ему льстило, что его слова записывают и о нем напечатывают в журнале), самую знаменитую (и очень длинную) легенду о верховном божестве своего народа, который жил на вершине Кении.

Обладая необычной силой, Мвене-Ньяга «из ничего сделал все» (не правда ли, напоминает библейскую легенду о сотворении мира?). И прежде всего он создал снегоголовую вершину Кере-Ньяга — «блестя-

щую гору Ньяги», которая стала его земной обителью; впоследствии ее нарекли Кенией.

— Кению, которую кикуйю называют Кере-Ньяга, вы сейчас увидите (если бы мог, то он сказал бы «удостоились лицезреть»), а наше божество нельзя увидеть, потому что оно очень далеко, — так Самми начал свою легенду.

Я постараюсь вкратце ее изложить, и советую тем, кто хочет понять Самми, а значит, и всех истинных кикуйю, ее прочесть.

...Однажды Мвене-Ньяга взял одного из трех своих сыновей по имени Гекуйю на вершину обители и показал оттуда землю с зелеными долинами и лесами, где бегали стада зверей; глубокими реками и озерами, где били хвостами огромные рыбы; показал все, что он создал, подарив при этом сыну палку-копалку. Как вы уже поняли, сын положил начало роду кикуйю, а палка-копалка предназначалась новому народу в помощь для занятия земледелием.

Прогуливаясь по цветущей роще, Гекуйю встретил красавицу Мумби, которая стала его женой. Это тоже был подарок бога-отца. Мумби родила девять дочерей, но сыновья на свет все не появлялись. И тогда Гекуйю пошел к горе Кении и призвал отца на помощь, а тот посоветовал принести в жертву козленка под фиговым деревом возле своего дома. Гекуйю зарезал козленка, окропил его кровью ствол дерева, а мясо принес в дар Мвене-Ньяга.

На другой день Гекуйю увидел сидящих под большим фиговым деревом девять юношей. Гекуйю так обрадовался, что, заколов барана, устроил пышное празднество, на котором юноши познакомились с прекрасными девушками. Он предложил юношам своих дочерей в жены, но выдвинул одно условие: все они должны оставаться в его доме и признать власть матери своих жен — Мумби. Юноши согласились по доброй воле с его предложением.

Эти первые семьи жили долгие годы в мире и согласии, назвав свой род по имени Мумби, прародительницы всех кикуйю...

И вот в этом месте рассказа Самми несколько замаялся.

— Родители перед смертью разделили наследство между... дочерьми. Так образовалось девять родов, где женщины имели несколько мужей. — Самми вновь помолчал. — Хотя, честно тебе признаюсь, лучше было бы наоборот, как у других народов. Тогда мужчины, тайно сговорившись, сделали в одну ночь своих жен матерями, а через несколько месяцев в один прекрасный день, воспользовавшись беспомощным состоянием беременных женщин, захватили первенство в семьях. Мужчины не только переименовали народ Мумби, назвав его именем, созданным именем отца — «Кикуйю», но и хотели изменить название родов. Тогда женщины пригрозили убить всех мальчиков и перестать рожать. Вот почему так получилось, что, хотя у нашего народа главным в семье считается мужчина, роды кикуйю называются по имени матери.

Самми долго смотрел на белоголовую Кению и сказал:

— Вы знаете, что во время обрядов, ритуальных танцев нельзя поворачиваться спиной к священной горе, а вход в деревенские хижины обязательно находится со стороны Кении. Так же строятся дома и в моей деревне, где до сих пор живут мой брат и сестра, мать окружена почетом в семье, а наш род называется материнским именем...

Во время путешествия по саванне Самми не только вспоминал священные места, связанные с героями легенды, но и рассказывал об обычаях своего народа, обучал нас самым простым словам. Утром он приветствовал нас коротко: «джамбо!», когда мы ели бутерброды, а то, глядя на них, говорил — «чакура», но самым его любимым выражением было «акуно матато», что означало «нет проблем».

В саванне для Самми действительно не существовало проблем, кроме, пожалуй, одной: его сложных взаимоотношений с машиной. Она могла остановиться, когда нужно было догонять стадо антилоп, или вспугивала животных в момент съемки своим фырчанием.

А так Самми чувствовал себя в саванне, как рыба в воде: моментально ориентировался на ее безбрежных просторах, угадывал, где скрываются в утренний час или в полуденную жару ее обитатели, и вовремя предупредил нас об опасности.

— Я отвечаю за вашу жизнь, — важно повторял он на всем протяжении пути, — вы во всем должны меня слушаться...

И все же однажды он за нами не усмотрел. Эта забавная история случилась во время поисков бегемотов. Вы скажете, что такие объемные туши невозможно не заметить? Нет, не так-то просто отыскать этих «речных лошадей»: спасаясь от жаркого солнца, они мирно плещутся где-то в заводях, чуть высунув из воды свои толстые носы. Поэтому, когда автобус остановился у реки, мы не только вышли из него, но и рассыпались по берегу. Пробираясь по прибрежной полоске мокрого песка, под нависшими кустами, конечно же, я казался сам себе отважным охотником. А какой восторг меня охватил, когда я услышал плеск воды и увидел посреди реки множество темных островков — торчащие из воды морды бегемотов... Один даже поднялся из пучины вод и прошелся по отмели.

И в этот момент я услышал грозный оклик: то кричал Самми, созывая нас к автобусу.

— Вы же ничего толком не замечаете вокруг, а бросились к реке. Лишь споткнувшись о крокодила, вы, пожалуй, поняли бы, что это таковой. А леопарды, которые в это время отдыхают, лежа на ветвях, и любят речную прохладу или стерегут животных, идущих на водопой? Нет, вам нельзя доверять.

И в автобусе рядом с водителем появился аскари-охранник из лоджа, вооруженный огромной винтовкой, который персонально отвечал за нашу безопасность, за что ему, естественно, нужно было собрать хотя бы по сто шиллингов.

Знаменитые охотники и натуралисты не рисковали отправляться в глубь саванны, не имея помощников и следопытов из местного населения. Такой следопыт должен был знать

свойства растений, тропы к водопою, повадки животных, места их отдыха. Он обязан был обладать многими талантами: хорошо стрелять из разного оружия, водить машину, знать языки масаев и самбуру. Конечно же, он должен быть храбр, вынослив и иметь легкий характер. Про таких людей Гржимек писал: «Он обязан зорко следить за тем, чтобы ни один волос не упал с головы гостя, пока тот будет охотиться на львов и слонов».

Таким был наш Самми. Кроме прищипки, вынесенной в заголовки этой главы, у Самми была еще одна любимая поговорка: «Если ты попал в страну (имеется в виду Кикуйюленд, местность, заселенная народом кикуйю. — Авт.), где каждый подражает льву, то там нельзя подражать козе».

НАПАДЕНИЕ БАБУИНОВ, ИЛИ ВИЗИТ ДРУЖЕЛЮБНОГО КРОКОДИЛА

Оказалось, что предупреждения Самми о соблюдении осторожности даже в лодке были не пустыми словами, в чем мы и убедились, приехав в Буффало-спрингс. Залюбовавшись свисающими с ветвей акации корзиночками — гнездами ткачика, — я чуть было не наступил на змею, проскользнувшую у ног и скрывающуюся под домиком, предназначенным нам с Сашей Поповым, директором турфирмы «Эр вояж», для ночлега. Домик был, как сказали бы дамы прошлого века, «просто прелесть»: с верандочкой и плетеными креслами, а внутри полный комфорт в виде дивана, широких кроватей под марлевым пологом от москитов, на столике красовались вазочки с цветами и фруктами — и все это было спрятано от солнца под круглой соломенной крышей. Внешне явно преобладал африканский стиль, хотя за домиком виднелась солнечная батарея.

И вдруг (ох уж, это «вдруг») наше идиллическое состояние нарушил женский визг:

— Моя сумочка! Украли!

Всунув ноги в тапочки, я выскочил из домика и остолбенел от потрясающего зрелища: на соседней верандочке стояла туристка Оля с намыленной головой, а от нее удирала обезьяна с сумочкой в руке.

— Догоните ее! Там же паспорт! — пронзительно кричала Оля, еле удерживая полотенце на голом теле.

Откликаясь на ее страстный призыв, я кинулся было напрямик через газончик, и тут же острая боль пронзила ногу: подошву тапочки пропорола острая колючка. Да, жаль, эту сценку никто не успел заснять. Кричала на крыльце Оля в неглиже, а я скакал на одной ноге и орал:

— Отдай чужую сумку, негодяйка!

Обезьяна же преспокойно вспрыгнула на ограду и оттуда, словно дразнясь, стала помахивать сумочкой. Потом, вероятно, ей это надоело, да и в сумочке не было ничего съестного, и, сильно размахнувшись, обезьяна забросила ее в кусты.

Наконец-то я смог разглядеть вооруженного. Им оказался крупный самец бабуин, предводитель целой семьи ворюшек-обезьян, которые прыгали вокруг и уже успели стащить кое-что из фруктов, лежащих в вазах на верандах домиков.

Это был не последний набег обезьян на наш лодж, они всегда вели себя смело и хитроумно, пероврачивая все вещи в домиках и на верандах, и удалялись под нашим натиском в стройном порядке: в середине — самки с детенышами, а впереди и сзади — молодые самцы. Они нас совершенно не боялись, наверное, потому что не видели ружей у нас в руках. Более того, старый вожак каждый раз оскаливал пасть, показывая большие клыки, а потом презрительно отворачивался, демонстрируя блестящий красный зад.

Когда-то самыми страшными врагами бабуинов были леопарды, которые истребляли их тысячами, но после того, как охотники перебили почти всех пятнистых кошек, бабуины развелись в неимоверном количестве. Они не только вытаптывают посевы, поедая выращенные плоды, но и нападают на овец, а иногда и на людей.

Я помню описание обезьяны, живший у известного ученого-натуралиста Брема. Бабуин отлично исполнял обязанности сторожа, огрызаясь и нападая на всех незнакомых гостей. В гневе он поднимал хвост, становился на ноги, опираясь на одну руку, а другой стучал по земле. Глаза его сверкали, он испускал пронзительные крики и бешено нападал на своего противника.

Единственно, чего побаивались бабуины, так это машины, но обнаженные клыки и вздыбившаяся на плечах кашпоном шерсть должны были служить для нас грозным предупреждением. Еще в Эфиопии я слышал от бывалых путешественников, что бабуины могут сбрасывать на людей камни со скал. Симпатичные животные и вправду обстреливали камнями участников одной экспедиции. Таковы эти храбрые и хитрые обезьяны, принадлежащие к роду павианов...

Порядком устав от очередной схватки с бабуинами, мы обратили свои взоры к небольшой речке, протекавшей по территории лагеря, прямо за рестораном, и манившей яркой голубиной. Но Саша Попов почему-то передумал в ней купаться и пошел окупаться в бассейн, а я, как всегда, принял холодный душ.

Вот из этой-то речки вечером к веранде ресторана неожиданно подошел гость и улегся прямо под табличкой с надписью: «Опасно! Злой крокодил!» Сомневающимся я могу предъявить снимок, который, правда, сделан ночью, но все же на нем четко видна надпись и расплывчатой зеленой тенью под ней лежит собственной персоной... крокодил. Он blatantly шурился в ярком свете направленной на него лампы, положив голову на лапы. Его могучее туловище распласталось по земле, неподвижен был и острый хвост, способный сбить с ног не только человека, но и крупное животное.

Настоящий крокодил — к этому семейству относился наш незнакомец — самое древнее существо в саванне, пережившее на десятки миллионов лет своего предка динозавра.

Наступила ночь, и он выполз из водоема на охоту. Внешнее спокойствие и благодушный вид его были весьма обманчивы. Крокодил гораздо сообразительнее других пресмыкающихся, умело выбирает себе место для засады, чтобы внезапно напасть на животное, идущее к водопою. Толь-

ко слон не боится крокодила и, схватив хоботом за туловище, оглушает его мощными ударами о землю. Как ни странно, иногда из схватки с крокодилами победителями выходят обезьяны, от страха они умудряются вцепиться в глаза — самое уязвимое место чудовища. Так обезьянам удается вырваться из его зубастой пасти.

Крокодил может утащить под воду весьма крупную добычу, тем более, что сам нильский крокодил достигает немалых размеров. На реках Эфиопии я видел много покалеченных мужчин, чаще всего рыбаков, без руки или ноги. Это была работа крокодилов.

Наш же гость лежал под балюстрадой веранды с безмятежным видом и даже позволял с собой фамильярничать: кое-кто из весьма непосредственных туристов даже поливал его пивом, а те, кто бросал кости, могли убедиться в крепости его челюстей, которыми он в мгновение ока перемалывал добычу.

Сценка кормления крокодила напонила мне фрески Древнего Египта, когда этих «милых» созданий обожествляли, им поклонялись, а жрецы почитали за честь ухаживать за ними. Египтяне отводили им великолепные помещения, украшали их драгоценностями, кормили мясом жертвенных животных и даже отдавали им на съедение красивых девочек. До сих пор сохранились в Египте великолепные гробницы, куда помещали мумии крокодилов: их бальзамировали, как фараонов.

Кстати, культ этого животного был распространен и у некоторых африканских племен, в частности, живших по берегам озера Виктория.

Крокодил выглядит неловким на земле, хотя он далеко не так беспомощен на суше, как кажется. Он может сделать мгновенный рывок к жертве или очень быстро добежать до водоема, скрываясь от опасности. Недаром крокодилов выпускали на римские арены для участия в боях с гладиаторами. Поиграть в гладиатора, наверное, захотелось одному нашему веселому туристу, принявшемуся дразнить хищника. Наутро он (турист), на радость всем окружающим, оказался цел и невредим. Вероятно, крокодилу надоело его приставанье, а схватить обидчика он не мог из-за каменной стенки перед своим носом, и умное животное отправилось в тихую заводь на отдых...

Можно считать, что мы познакомились с «домашним» крокодилом, но опытный следопыт Самми много нам рассказывал о крокодилах привывках и предупреждал о его коварстве. Показывая на лежащих у воды животных, Самми говорил:

— Они здесь хозяева — стерегут свой участок. Несмотря на лень, спускаются в воду и плавают по своим владениям, отгоняя чужаков, а самок привлекают гулким, протяжным криком. Самки, когда снесут яйца и забросают их песком, бдитительно охраняют свои гнезда — много непрощенных гостей желают поживиться яйцами: марабу разбивает скорлупу толстым клювом, а вараны и мангусты бросают яйца на камни. Когда крокодилячки вылупляются, то их «кваканье» слышно даже из-под земли. Прибегает мать, разрывает гнез-

до и ведет шустрых детишек к воде. С ней теперь лучше не встречаться: сразу набросится, охраняя малышек. А у тех врагов прибавляется с каждым днем: их уносят в котьях птицы, за ними гоняются в воде черепахи, вараны, глотают сомы, и даже взрослые крокодилы, забывая о солидарности, поедают своих детишек. Поэтому крокодилы отлеживаются в норах, которые вырывают в береге под самой водой. Прячутся там от врагов по нескольку сразу, причем сидеть в норе могут хоть месяц, несмотря на голод. А потом вырастают до четырех-пяти метров и живут долго, лет до ста.

Предупреждая об опасности крокодилов засад, Самми убеждал нас ни в коем случае не верить безмятежному виду лежащих на воде рептилий.

— Если бы вы знали, сколько они детишек и женщин утащили в нашей деревне, когда те приходили к реке искупаться или за водой, — сетовал Самми. — Крокодил даже может отплыть подальше, делая вид, что спит, а потом — резкий бросок, работает лапами, бьет хвостом, аж вода вокруг вскипает, и хватает жертву зубастой пастью. Сразу ему с человеком, тем более с коровой или зебркой, не справиться, так он утаскивает добычу в воду и топит. Потом прячет ее под берегом, корягами, чтоб не унесло водой и не съжрали собратья. Отрывает от добычи куски, всплывает и проглатывает их. Никогда не жрет под водой. Наедается до отвала, в попытках проглатывать вещи: браслеты, обувь, а у антилоп — копыта. Когда ловили крокодилов на крюк с приманкой, то находили в желудке много всякой всячины, даже камни.

Тут надо сказать, что камни хищнику нужны для балласта: с ними ему лучше нырять (а он может находиться по часу под водой), лежать на воде.

Еще, как известно, крокодил не трогает птичек-куличков, которые выклеивают из его панциря всяких паразитов. Вроде бы даже, по свидетельству древних авторов, птички эти беззаботно прогуливаются в зубастой пасти крокодила. Не знаю, сам этого не видел и никому не советую пытаться чистить крокодилий зубы, как это, скажем, делали жрецы в Древнем Египте.

Крокодилов нещадно убивали из-за их прекрасной кожи, затем уничтожали крестьяне из-за того, что они таскали домашний скот. Но, пожалуй, только местные племена употребляли в пищу их мясо. Признаюсь, я пробовал крокодилье мясо. Помните, у Шекспира Гамлет спрашивает Лазрта, готов ли тот «съесть крокодила»? Дело в том, что в то время пользовались популярностью чучела разных животных, в том числе и крокодилов. Когда снимали кожу, то мясо продавали. Его покупали влюбленные, которые давали обет «съесть крокодила», чтобы доказать свои чувства к прекрасной даме. Я же ел крокодилье мясо, не будучи влюбленным в местных красавиц, а просто, чтобы его попробовать. Мне кажется, по вкусу оно напоминает свинину, только отдает рыбой, которую рептилии очень любят. Кто хочет убедиться в этом, могут посетить ресторан «Хищник» на окраине Найроби. Там подают разную дичь, жаренную на вертелах. Если захотите, вы можете заказать себе и порцию крокодилого

мяса. Современные африканские бизнесмены считают даже, что хороший кусок крокодилого мяса, съеденный за обедом, приносит удачу в делах.

ПО СЛЕДАМ НЕУЛОВИМОГО ГИГАНТА, ИЛИ САМЫЙ ВЫСОКИЙ «ЦВЕТОК» САВАННЫ

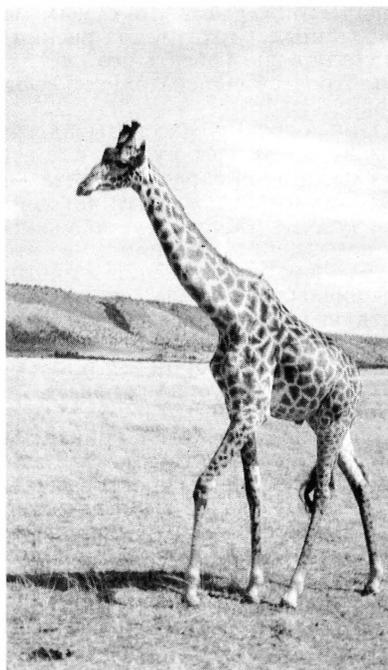
На следующее утро солнце еще не успело подняться, как неугомонный Самми уже начал торопить нас с отъездом.

— Все на свете проспите, — волновался он, — вы же не видели самых больших зверей саванны.

— Это не совсем так, Самми, — лениво возражали мы, — ты же нам показывал жирафов, а вчера мельком мы видели даже слонов.

Действительно, в вечерних сумерках недалеко от лоджа появились два серых больших силуэта. Но они, словно привидения, возникли на фоне закатного неба и растаяли, как дымка. Не все знают, что этот, самый большой сухопутный гигант, может с легкостью преодолеть топкое болото, вскарабкаться по крутому склону, пройти сквозь горящую саванну. Я собственными глазами видел в Масаи-Мару, как большое стадо слонов бесшумно исчезло в, казалось бы, непроходимой чаще — ни одна веточка не хрустнула под их ногами. Натуралисты говорят, что слона может выдать лишь громкое урчание в желудке. А так он пробирается по кустарнику совершенно тихо, как кролик, на своих «каучуковых» подошвах — его ступни опираются на подушки эластичной ткани.

Ноги слона сделаны словно на заказ для ходьбы по болоту. Когда гигант опирается на ногу, она раздается, набухает, а когда вытаскивает ее, то, освобожденная от тяжести тела, сжимается и легко выходит из топи...

Самми знает, где любят пастись слоны, и вот уже мы, сделав несколько кругов по саванне, видим педер собой слона-одиночку.

Многие из нас знакомы больше с индийскими слонами. Те более покладисты, их легче приручить к перетаскиванию тяжестей или участию в охоте. С детства мы помним рисунки, где слоны таскают бревна, а магараджи сидят на их спинах с ружьями. А вот африканские слоны участвовали в сражениях еще в древности, когда водились на севере Африки. Карфагенские полководцы выводили их против римских легионов, хотя, когда при переходе через горы слоны Ганнибала погибли, он и без них одержал победу над римлянами...

Однако же то состоялось встреча с африканским слонем. Кажется, что ему великовата его толстая шкура. Она вся в морщинах, покрыта редкими волосками, а цветом похожа на бурожелтую саванну. Огромными полотнищами ушей и забавным хвостиком слон отмахивается от мух. Из складок кожи добродушно выглядывают умные глазки. Чем не милое создание?

Но у кого не замрет сердце при виде рассерженного слона, когда он выбрасывает вперед двухметровый хобот и угрожающе выставляет сверкающие бивни, колонны ног яростно взбивают пыль, а призывный трубный зов несется по всей окрестности? Особенно опасен слонотшельник, который может истоптать посевы и даже напасть в приступе бешенства на людей.

Приятнее всего наблюдать за семейкой слонов у водоема, когда мамаша-слониха пьет воду, засунув хобот в рот. Малыши с удовольствием плавают, а напиток могут, лишь встав у кромки берега на колени и всасывая воду ртом.

Конечно, уважаемый читатель знает, что хобот — это удивительный придаток, выполняющий функции носа, а также подъемника воды и корма, заменяющий массу инструментов, образовался из верхней губы и носа, а из резцов выросли могучие бивни.

Вот из-за этих-то бивней и пошли еще со времен фараонов все слоновьи беды, когда спрос на драгоценную кость стал расти с каждым годом. В начале нашего века из мощных ружей убивали ежегодно по сто тысяч слонов. И сейчас в Кении браконьеры отстреливают тысячи слонов, чтобы добыть бивни. Это известная проблема, ставшая проклятием рода толстокожих гигантов.

Но есть и другая немаловажная проблема, ставящая существование слонов под угрозу. О ней нам рассказал Муриги М'Мбуи, один из руководителей Министерства туризма и охраны природы в Кении:

— Засуха в парке Цаво надолго запомнится служителям заповедника и работникам научного центра. Трава была вытоптана, колючий кустарник обведен до самых корней, поваленные деревья белели обглоданными стволами, как кости, на красной земле. Ветер разносил сладковатый трупный запах погибших слонов: тысячи их черепов заполнили склад научного центра. Кроме засухи, причиной бедствия явилось также большое скопление животных слонов в границах заповедника. Перенаселенность не только ухудшает состояние самих

слонов, но и мешает существовать рядом антилопам, буйволам, жирафам: им тоже не хватает корма — слоны пожирают вокруг буквально всю растительность.

Встал вопрос об отстреле гигантов, но возмутилась общественность; на газетных страницах замелькали заголовки: «Не допустить злодеяния!», «Готовится бойня!»; начались споры среди ученых (Джой Адамсон была против отстрела), разразились дебаты даже в парламенте. Но выход был один: отстрел. В восьмидесятые годы в Цаво стали таким образом регулировать численность животных...

Да, вроде бы все верно, а каково на практике проводить «изъятие» лишних великанов? Все ли знают, что слоны очень верные товарищи и никогда не кидают в беде собрата? Раненого слона с боков подпирают два его товарища и уводят подальше в чащу от смертоносных пуль охотников. Поистине человеку стоит поучиться у благородных животных любви к своему ближнему...

— Вы познакомились с самым большим зверем на суше, — бодро обратился к нам Самми, видя, что мы уже готовы усыновить намывтого до блеска слоненка, — теперь двинемся на поиски самого длинного животного.

Но этого зверя нам не пришлось особенно разыскивать: жирафа мы увидели за километр. Два жирафа, как семафоры, вырисовывались на фоне голубого неба. А лучше их сравнить с наблюдательной вышкой. Самое длинношее животное (хотя шейных позвонков у него всего лишь семь, как у нас с вами) с высоты, примерно, пяти метров очень далеко видит вокруг и обязательно подает сигнал тревоги, если заметит врага. Поэтому животные помельче, антилопы и зебры, предпочитают в целях безопасности не уходить далеко от этих «наблюдательных вышек».

Когда мы подъехали к ним поближе, жирафы поедали листья с верхушек акаций, обрывая их длинным языком, как спираль, обвившимся вокруг ветки. К этим «сеновалам» никто, кроме жирафа, дотянуться не сможет, поэтому это весьма приспособленное к жизни в саванне животное прекрасно переносит засуху, когда исчезают вода и трава.

На шум машины жираф только ухом повел. Практически у него один враг — человек, который его преследует, чтобы добыть крепкую красивую шкуру, местные племена ценят еще и мясо. Обладая чутким слухом и острым зрением, жираф замечает врагов на большом расстоянии, а мощные задние ноги позволяют ему молниеносно рвануться с места.

Я не мог оторвать глаз от бегущего жирафа: это было, как в кино при замедленной съемке. Животное скачет галопом, откинув далеко назад шею и голову, глубоко кланяясь при каждом прыжке. Одновременно забавное и живописное зрелище. Одна натуралистка сравнила мчащееся стадо жирафов с «букетом редчайших гигантских крапчатых цветов на длинных стеблях».

Это бешеная гонка по рытвинам, при которой жираф развивает скорость более шестидесяти километров в час. Благодаря этому жираф спокойно оставляет за собой льва, еще

одного своего врага. А если тот заевается, то на него обрушится удар острых копыт задних ног. Сильнейший удар — ведь жираф весит около тонны.

Между собой жирафы тоже вступают в схватку: они бодаются. Мы в юности все восхищались фильмом «Барабаны судьбы». Помните, как там дерутся жирафы, раскачивая длинные шеи и с яростью ударяя ими друг друга?

Разглядывая, как кормятся животные, я все время ломал себе голову: как же они ухитряются спать? Например, я уже знал, что слон спит, положив тяжелые бивни на сучья дерева. А куда жираф девает свою длинную шею? Оказывается, один английский зоолог подсмотрел эту интимную сторону жизни животных в темноте с помощью инфракрасных лучей. Жирафы спят, поджав передние ноги, и, согнув шею, кладут голову на задние. Не правда ли, очень удобно? Жираф, конечно, удивительное создание, в котором все поражает человеческий глаз. Недаром арабы называют его «серафе» (милая), а ученые — *Camelopardalis* (верблюдо-пантера). Само название «жираф» — это искаженное слово от того же «серафе».

Действительно, оба названия, арабское и латинское, достаточно точно характеризуют это странное создание. Мой любимый Брем дал, пожалуй, лучшее в научной литературе описание жирафа:

«Жи́раф, по нашему мнению, представляет смесь не только верблюда и пантеры, но и многих других животных. В самом деле, его толстое стройное туловище и продолговатая голова походят на лошадиные, широкие плечи и длинная шея словно взяты от верблюда, большие подвижные уши — от быка, легкие ноги — от антилопы, наконец, желтоватая; с бурыми пятнами, шкура чрезвычайно похожа на мех пантеры».

Вроде бы точная характеристика. Но я смотрю, как жираф деликатно щиплет листики с веток, не боясь уколоться о шипы, как изящно поворачивает свою милую головку, нежно поглядывая темными глазами из-под длинных, бархатистых ресниц, и у меня нет сил назвать его несладким. Просто очаровательное существо.

Один охотник рассказывал, что рука не поднимает ружья, когда на тебя смотрят прекрасные глаза жирафа, где читаются почти человеческие чувства. «Мольба, укор и какое-то недоумение светилось в этом взгляде, как будто кроткое животное спрашивало меня, за что я хочу убить его», — описывал он одну единственную свою охоту на жирафов, во время которой так и не смог выстрелить в красавца-самца. И, слава Богу, что не смог.

Пусть под жарким африканским солнцем благоденствуют все звери, пусть по бескрайним просторам желтой саванны мчатся стада антилоп и зебр, выходят на охоту львы и леопарды, поддерживая гармонию в природе. И это буйство жизни будет всегда радовать человеческий глаз.

Кения

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ЖЕЛАЮЩИХ ПРИБРЕСТИ АКЦИИ АО «ЗОЛОТОЙ ГАЛЕОН!»

Сообщаем, что обыкновенные (дающие право голоса на собрании акционеров) именные акции номинальной стоимостью 50 000 рублей вы можете приобрести в пунктах распространения акций в Москве и других городах России и СНГ, список которых будет публиковаться в апрельских и майских номерах газет «Век», «Иностранец», «Московские новости» («МН-коллекция»), «Мир новостей», «Новая ежедневная газета», «Россия», «Собеседник», «Человек и карьера» и других изданий (данный материал отдан в печать в начале февраля). В этих же газетах вы сможете ознакомиться с проспектом эмиссии акций АО «Золотой галеон».

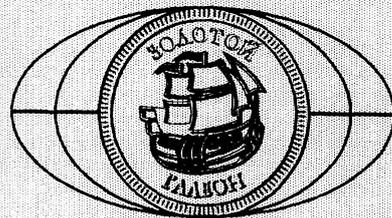
Приславшие заявки на акции до регистрации проспекта эмиссии получат их по номинальной стоимости.

Желающие приобрести крупные пакеты акций (более 100 штук) могут это сделать в нашей управляющей компании «Инвестиционная компания «Битца-инвест» по адресу:

107082, Москва, Бакунинская ул., д.55 (м. «Бауманская»), трол. № 22, 25 до 2-й остановки — Балакиревский пер.)

Для получения дополнительной информации просьба обращаться по адресу:

123317, Москва, а/я 73, АО «Золотой галеон» или по факсу 292-65-11 с пометкой box 001267 for GALEONGOLD, или по телефону 229-81-86.

Деннис УИТЛИ,
английский писатель

Роман

СОКРОВИЩА ЩАРЯ КАМБИЗА

Глава XI

БЕЗНАДЕЖНОЕ ДЕЛО

Я оказался в ловушке. Если у преследователей есть огнестрельное оружие, это конец. Но если они вооружены одними ножами, можно попробовать прорваться.

Один из них на бегу вытащил фонарь и направил туда, где я притаился. Юсуф издал торжествующий крик. Фонарь тут же выключили, и, ослепленный, я слышал только мягкий топот их ног, пока они в полном молчании бежали ко мне.

Я выхватил пистолет и выстрелил вслепую, прямо в центр группы. В ответ раздался крик боли, а вспышка выстрела осветила двух негров, евразийца с крючковатым носом и бородкой и Юсуфа, державшегося позади. Трудно было сказать, кого задел выстрел, думаю, одного из негров.

Они неслись на меня со скоростью снежной лавины, я успел выстрелить еще раз, но промахнулся, и они набросились на меня.левой рукой я все еще сжимал тяжелый пакет с наркотиком и, размахнувшись, изо всех сил ударил им прямо в лицо негра, бежавшего впереди. Я не смог таким ударом остановить его, но спасся от ножа, скользнувшего чуть выше плеча. Однако он сильно толкнул меня всей массой, и я тяжело рухнул на землю.

Евразиец прыгнул, как пантера, но я успел подтянуть колени, и он упал животом на них. Пытаясь освободиться, я покатился вниз по откосу, продолжая сжимать пистолет. Вокруг клубилась пыль, забивая рот, глаза и ноздри.

Я попробовал подняться, но они вновь с проклятиями набросились на меня: пистолет еще раз бесполезно выстрелил и

был выбит из моей руки. Уловив блеск ножа, я успел отдернуть голову, и лезвие высекло искры из камней на дороге. Один из нападавших впился мне в глотку, но я уже не видел, кто это был, мы сплелись в один клубок, в дикой ярости нанося удары друг другу.

Рука, сжимавшая горло, была цепкой и мускулистой; я отчаянно сопротивлялся, но хватка становилась все крепче, грудь сдавило от невыносимой боли, не хватало воздуха. Звезды надо мной исчезли. Мрак сменился красным туманом с бесено вращавшимися огненными кругами и вспышками молний. И, слабея, я понял, что мне приходит конец.

Словно издалека донесся звук выстрела, но вряд ли я был в состоянии понять, что это именно выстрел. Но стальные пальцы на горле внезапно разжались. Фейерверки в глазах уступили место оранжевому зареву, а затем вновь наступила чернота.

Через секунду я осознал, что на мое избитое тело больше не давит вес нападавших. Я увидел звезды высоко в небе и понял, что лежу в водосточной канаве. Чья-то рука схватила меня за воротник и грубо поставила на ноги.

Все еще ошеломленный и едва приходящий в себя, я огляделся по сторонам и понял, что обязан жизнью вмешательству полиции.

Около двадцати полицейских под командой арабского офицера окружили нас. Юсуф, евразиец и один из негров уже были в наручниках. Один из полицейских защелкнул наручники на моих запястьях и грубо толкнул меня к остальным. Второй негр лежал там, где в него попала пуля, и тихо стонал. Я подумал, что теперь мне вряд ли удастся избежать обвинения в убийстве.

Через двадцать минут в полицейском участке сержант записал наши имена, причем я назвал себя Дауд-аль-Азиз, после чего офицер предъявил нам обвинение в незаконной торговле

Продолжение. Начало в №2,3/1995 г.

наркотиками. Нас обыскали и отвели в полуподвал, где меня, отделив от остальных, втокнули в маленькую камеру.

Жутко болела голова, но я, сидя на узкой кровати, попытался обдумать положение. Я решил, что именно моя стрельба позволила полицейским найти нас, и они, вероятнее всего, предположили, что между торговцами наркотиками разыгралась ссора. Завтра на допросе выяснится, кто я такой на самом деле, и могли возникнуть серьезные неприятности с разъяренными полицейскими, вынужденными все это время вести напрасную охоту.

Все мое тело было покрыто синяками, правая нога сильно болела от удара, порез на лбу мучительно ныл. Я очистил рану носовым платком, смоченным в кувшине с водой, лег на жесткую постель, закрыл рукой глаза от света и провалился в тяжелый сон.

Меня разбудил тюремщик, принесший завтрак: кофе, хлеб и кусок колбасы.

А около десяти часов он вновь отпер дверь камеры и сделал знак выходить. Ожидавшие снаружи двое полицейских отвели меня наверх, в офис, где сидел какой-то человек в очках. Секунду или две он не обращал на меня никакого внимания, затем встал и вышел в соседнюю комнату. Вернувшись с кипой бумаг, он обратился ко мне по-английски:

— Его превосходительство ждет. Прошу вас.

К моему удивлению, оба полицейских отсалютовали и удалились, а я в одиночестве прошел в просторный кабинет. Там не было никого, кроме сидевшего за столом англичанина, на вид лет пятидесяти с небольшим, широкоплечего, высокого, седого, с голубыми глазами. Вспомнив слова секретаря «его превосходительство», я сразу понял, что вижу знаменитого Эссекс-пашу, начальника каирской полиции, грозу торговцев наркотиками.

Я был весьма удивлен, что из-за вчерашней ночной истории он решил допросить меня лично, но он сразу же выбил почву из-под ног, дружелюбно обратившись ко мне:

— Доброе утро, мистер Дэй. Входите и садитесь.

Я вытаращил на него глаза и, механически повинувшись, довольно свирепо спросил:

— Так вы все время знали, кто я?

— Конечно, — кивнул он, — ваше счастье, что мои люди следили за вами прошлой ночью, иначе вас бы уже не было в живых.

— Черт возьми! Значит, это не мои выстрелы всполошили полицию?

Он несколько бесцветно улыбнулся.

— Признание номер один: негра застрелили вы. Да, да, он умер сегодня утром, и к выдвигаемым против вас обвинениям — а их список весьма внушителен — добавляется еще одно. Взгляните сами: незаконный въезд в Египет, неявка в полицию для дачи показаний относительно смерти сэра Уолтера Шэйна, участие в доставке запрещенных законом наркотиков, попытка назваться чужим именем после ареста, а теперь еще и убийство. Вам есть за что отвечать, молодой человек.

— Я знаю, — вздохнул я. — Боюсь, я доставил вашим людям массу хлопот, но все же надеюсь убедить суд, что для подобных поступков имелись веские основания.

— Понимаю, — сказал он, и линия его жесткого рта стала тверже. — Итак, вы предпочитаете сохранить за собой право защиты. Что ж, как вам угодно, мистер Дэй. Я постараюсь, чтобы на все обвинения вы отвечали согласно букве закона. Правда, надеялся, что вы будете более откровенны со мной.

— Ситуация несколько необычна, не так ли? — начал я. — Полиция заставила меня поверить, что в ее глазах я убийца сэра Уолтера, и, в этом случае, не следует ли мне посоветоваться с адвокатом, прежде чем отвечать вам? Сейчас я спрашиваю совета и буду очень признателен за него. Я понимаю, что оказался в жуткой передряге, но могу уверить вас в своей непричастности к смерти сэра Уолтера.

— Разумеется, вы не причастны к ней. — Он откинулся в кресле и внезапно расхохотался. — Ваши действия с момента высадки в Александрии — достаточно веское подтверждение тому. Будь вы убийцей, вы находились бы сейчас в Суэце или Порт-Саиде, а не носились бы по Каиру, ввязываясь в стычки с торговцами наркотиками. Я догадываюсь, чего вы добиваетесь, Дэй, и, если я прав, вы можете рассчитывать на мою помощь. Но в этом деле много неясного. Я не намерен обвинять вас в убийстве, и, возможно, не стану выдвигать против вас даже менее серьезные обвинения, если только вы готовы искренне рассказать мне о роли, которую играли в этой неприятной истории.

— В таком случае, сэр, — улыбнулся я, — вы снимаете колоссальный груз с моей души. Если бы я знал это вчера, я действовал бы совершенно иначе.

— Но как раз ваше поведение прошлой ночью окончательно убедило меня, что вы не являетесь убийцей; поэтому, может быть, неплохо, что дело обернулось именно так. Теперь расскажите мне все с самого начала. Закуривайте и не торопитесь.

С чувством огромного облегчения я взял сигарету. Если Эссекс-паша убежден, что убийца — не я, тогда, как бы странно

ни звучал мой рассказ, он вполне может верить ему; и, не отдавая себе в этом отчета, я почувствовал, что передо мной человек, заслуживающий абсолютного доверия.

Этот англичанин, чья честность не подвергалась сомнению, был одним из самых знаменитых в мире начальников полиции. К тому же он занимал важный пост в правительстве, и, разбираясь в тонкостях египетской политики, никогда не позволил бы такой продажной крысе, как Закри-бей, запугать или обмануть себя. Я понимал, что мне нельзя скрывать ничего существенного, если я хочу убедить его, что сила и мощь организации О'Кива — не плод моей фантазии. Поэтому я назвал ему свое настоящее имя и причины, побудившие меня действовать под именем Джулиана Дэй.

Он задумчиво кивнул.

— Так вот кто вы такой. В свое время я слышал об этом печальном деле и был даже немного знаком с беднягой Каррутером. Очень интересно. Продолжайте.

Я подробно рассказал ему о своем путешествии в Египет на «Гемшпире» и обо всем, что случилось после высадки на берег. Я скрыл лишь причину участия Бельвилей в экспедиции и умолчал о значении надписи на табличке, из-за которой был убит сэр Уолтер, но Эссекс-паша сразу отметил это.

Когда я закончил, он откинулся в кресле и соединил кончики пальцев рук перед собой.

— Вы все хорошо рассказали, и повествование, касающееся Египта, вполне согласуется с некоторыми моими умозаключениями. Я готов поверить вам. Однако, Дэй, — думаю, будет лучше, если я продолжу называть вас вымышленным именем, — мне не ясен один момент: эта табличка сама по себе должна иметь особое значение для О'Кива, если он убил или толкнул другого на убийство сэра Уолтера, чтобы завладеть ею. Я бы хотел больше знать о ней.

Я улыбнулся, но покачал головой.

— Здесь я ничем не могу помочь вам, сэр. Это не моя тайна. Табличка действительно обладает большой ценностью. Именно она послужила мотивом для убийства сэра Уолтера, но могу заверить вас, что, узнав секрет таблички, вы ни на шаг не продвинетесь в расследовании.

— Эти археологи — странные люди, — моргнул он своими голубыми глазами. — Они иногда считают законы египетского правительства, охраняющие богатства своей страны, чересчур обременительными. Если до меня дойдут сведения, что сэр Уолтер или его друзья замыслили проведение незаконных раскопок, я, естественно, буду вынужден сообщить об этом соответствующим властям. Сейчас, однако, я не стану настаивать. Мое дело — расследование убийств и, в первую очередь, — уничтожение торговли наркотиками, с чем связано большинство преступлений в Египте. Я давно интересовался Гамалем, но у меня не было против него ничего определенного. Безусловно, люди, напавшие на вас прошлой ночью, — мелкая рыбешка, хотя мы постараемся надолго упрятать их за решетку. Но ваши усилия обратили мое внимание на принцессу Уну и Закри-бей, и в этом ваша заслуга. Принцесса — весьма экзотическое создание, и мне не приходило в голову, что ее могут занимать не только любовные дела, а за Закри-беем — пусть неблагонадежным человеком и интриганом — также не было замечено ничего подозрительного. У обоих — масса высокопоставленных друзей, но теперь я смогу наблюдать за их действиями, и рано или поздно мы доберемся до них.

— Насколько могущественен Закри-бей? — спросил я.

— Весьма могущественен.

— Сможет ли он вытолкать меня из Египта?

— Не думаю, что следует беспокоиться по этому поводу. В этой стране люди пытаются нажимать на разного рода пружины, и весьма часто им что-то удается. Но я так долго служил египетскому правительству, что, думаю, приобрел достаточное доверие. Если я лично поручусь за вас, то нужны будут очень веские доводы, чтобы добиться отмены разрешения на ваше пребывание здесь.

— Вы очень добры, сэр, — произнес я.

— Совсе нет. Я, естественно, ожидаю, что в дальнейшем вы воздержитесь от неосмотрительных поступков. Ликвидация торговли наркотиками дело всей моей жизни, а вы помогли мне выйти на Гамала, поэтому я обязан вам.

— Я постараюсь не разочаровать вас, — улыбнулся я в ответ. — А теперь, раз вы так откровенны, скажите, пожалуйста, как вам удалось так быстро напасть на мой след после неудачи александрийской полиции?

Он вновь улыбнулся.

— У них было мало времени. Мы вступили в игру позже, и для нас уже было очевидно, что вы находитесь в дружеских отношениях с Бельвиями, не верящими в вашу причастность к убийству. Поэтому легко было предположить, что рано или поздно вы постараетесь связаться с ними. Мы встретили их на станции и следовали за ними до «Семирамиды». Затем последовал звонок от Сильвии Шэйн, видевшей вас около отеля «Мена Хаус». Впоследствии она это отрицала, но я чувствовал фальшь и, когда мне сообщили, что поздно ночью она появи-

лась в «Семирамиде» у Бельвилей в компании молодого человека, я был почти уверен, что нашел вас. Но мне хотелось выяснить цель вашего визита в Каир, поскольку, будь вы убийцей, вам следовало бы пытаться бежать из Египта через один из портов. Все последующее время, пока вы спали в своем пансионе и шли к Гамалю, мы следили за вами. Когда вы вышли от него с пакетом, и ваши пятки засверкали по улице Мухаммеда Али, я приказал направить в Город Мертвых специальный отряд полиции, как только узнал, что вы отправились туда. Мне жаль, что вас чуть было не зарезали, но иначе мы не могли бы арестовать тех четверых.

— Замечательно, — уныло усмехнулся я, — а я-то льстил себе, что все это время водил вас за нос.

— Что вы намерены теперь делать? — спросил он.

— С вашего разрешения, сэр, я бы вернул себе прежнее обличье и поселился в «Шефферде». Мне бы хотелось также позвонить Бельвилям — они наверняка беспокоятся.

— Конечно, позвоните. Но, полагаю, Сильвия Шэйн уже сказала им, где вы находитесь. Чтобы ваши друзья не волновались, я сегодня утром звонил Сильвии и сообщил, что вы в целости и сохранности доставлены к нам.

— Так вы знаете ее?

— О да, я давно знаком с ней. Она лучше всех девушек в Каире играет в теннис и прекрасно танцует. — Он опять моргнул голубыми глазами. — Сильвия очень мила, не так ли?

— Очень. Но мы с ней встретились при весьма непростых обстоятельствах, — осторожно парировал я.

— Не вините ее за то, что она заставляла вас придти ко мне. Она не могла рассчитывать на помощь незнакомого человека с неизвестным прошлым.

— Ни в коей мере, сэр; и я никогда не пытался бы разубедить ее, не будь у меня счетов с О'Кивом.

— Что ж, есть шанс, что вам удастся свести их. Я поищу в наших картотеках, но уверен, что он там не фигурирует, по крайней мере, под этим именем. Конечно, можно установить слежку, и, если удастся каким-то образом нащупать его связи с Гамалем, возбудить против него дело. Но вряд ли что из этого выйдет. Сейчас я не могу заниматься О'Кивом. Нет ли у вас других сведений, могущих привести к нему?

— Боюсь, что нет, — признался я. — Но он оказался в Египте явно не для поправки здоровья; Бельвили через день-два двинулись в Луксор, и я надеюсь, что он тоже объявится там.

— Ну, хорошо. — Эссекс-паша встал. — Если вы обнаружите что-то важное, немедленно дайте мне знать. И не забывайте: закон сильнее вас. Используйте его, чтобы посадить этих негодяев в тюрьму. Удачи вам. — Он протянул мне руку и добавил: — После обеда занесите паспорт, я поставлю визу.

Я от всего сердца поблагодарил его за доброту и все, для меня сделанное. Выходя из кабинета, я чувствовал себя совершенно другим человеком, и дело не только в том, что вновь обрел свободу, — в первый раз я целиком и полностью рассказал о трагическом завершении своей карьеры дипломата, и невозможно описать мою радость, когда Эссекс-паша поверил мне и дал понять, что я могу рассчитывать на него как на друга.

Затем я позвонил Сильвии и Бельвилям, но никого не застал. Я попросил оставить для них сообщение, что сегодня, в половине второго, жду их на ланч в «Шефферде». После этого вернулся в пансион, переоделся в свою собственную одежду и отправился в «Шефферд». Мое тело ныло от синяков после ночной схватки, но полчаса в горячей ванне сделали меня намного бодрее.

Я устроился за столиком на террасе, и в четверть второго появились Гарри и Кларисса. Утром Сильвия сказала им, что я в полицейском управлении и со мной все в порядке, поэтому они отправились на прогулку по городу.

Мне потребовалось не менее получаса, чтобы рассказать о моих злоключениях и о неожиданно счастливом финале, а Сильвия все еще не появлялась. Взглянув на часы, Гарри воскликнул:

— Хотел бы я знать, что с ней случилось? Похоже, она не тронута, не правда ли?

Кларисса расхохоталась.

— Дурачок! Она прихорашивается, готовясь к встрече с героем. Ей нельзя спешить.

И я предложил всем еще выпить.

Вскоре к нам подошел швейцар и передал только что полученное по телефону сообщение для меня. Мисс Шэйн, гласило оно, очень просит извинить ее за то, что не может присутствовать на ланче, ей пришлось срочно явиться в полицию.

Мы решили, что Эссекс-паша захотел проверить мои показания и допросить ее. Мы были разочарованы, но нам ничего не оставалось, как примириться с этим.

Наконец, Гарри заявил, что уже четыре часа, Сильвия вот-вот должна вернуться, и нам лучше прогуляться до «Континентала».

Оба отеля расположены на одной улице, неподалеку друг от друга, и через несколько минут мы уже сидели на террасе

«Континентала», заказав чай, поскольку Сильвия еще не вернулась.

Стрелки часов показывали почти пять, когда мы впервые ощутили смутное беспокойство. Что она могла делать в полиции три с половиной часа? Я предположил, что мне неверно передали сообщение, и попросил дежурного в вестибюле повторить его.

Но все было передано слово в слово, и дежурный хорошо помнил, что произошло. По его словам, в половине второго в отель вошел офицер полиции и спросил Сильвию. Она спустилась в вестибюль, и они о чем-то недолго говорили. Затем она оставила для меня сообщение и уехала с бимбаши. В этом не было ничего странного, озадачивало только ее длительное отсутствие. После короткого колебания я решил позвонить в полицию и узнать, там ли она сейчас.

Мне удалось связаться с самим Эссекс-пашой, но, к моему удивлению, ему не было известно о визите полиции к Сильвии. Он сказал, что не посылал за ней, обещал навести справки и перезвонить.

Когда я вновь услышал по телефону его голос, он звучал столь же озабоченно, как и мой собственный.

— У нас никто ничего не знает об этом, — торопливо произнес он. — Оставайтесь на месте. Я скоро буду.

Через пятнадцать минут он присоединился к нам. Спокойно, но необычайно быстро он взял ситуацию в свои руки, вызвал управляющего, и мы поднялись в комнату Сильвии.

В ней царил хаос, словно после смерча. Шкафы и чемоданы были взломаны и брошены открытыми, матрасы распороты по всей длине, ковер сдвинут в сторону, а часть досок пола оторвана. Повсюду в беспорядке валялись одежда и вещи Сильвии.

Я сразу понял: Сильвию выманили из комнаты, чтобы люди О'Кива могли сделать обыск в надежде обнаружить вторую половину таблички.

— Что они искали? — резко спросил меня Эссекс-паша.

— Другую половину таблички, о которой я говорил вам утром, — сразу же ответил я.

— Но здесь ее не было, — вмешался Гарри. — Сильвия вчера сказала мне, что табличка хранится в сейфе ее банка.

— А как насчет перевода? — спросил я. — Она сделала его?

— Да. Прошлой ночью она дала мне прочитать примерный перевод всего текста. Он сейчас у меня.

Эссекс-паша послал за дежурным по этажу и горничной. Они видели, как двое арабов выходили из комнаты Сильвии в половине третьего.

Из кабинета управляющего Эссекс-паша по телефону отдал приказ объявить немедленный розыск троих мужчин и Сильвии, сообщив их приметы. Затем мрачно подытожил:

— Боюсь, это все, что мы можем сейчас сделать. Но меня удивляет, зачем ее надо было похищать. Куда проще было бы перетрясти комнату, когда она отсутствует несколько часов подряд.

— Думаю, я могу сказать вам, — мрачно ответил я. — Они, вероятно, понимали, что найти здесь табличку или ее перевод шансов мало. И, на случай, если налет окажется безрезультатным, похитили девушку, надеясь силой заставить подписать письмо, позволяющее забрать табличку из банка.

Он одобритительно взглянул на меня и обратился к управляющему:

— Вам известен банк мисс Шэйн?

— Да, ваше превосходительство. Мисс Шэйн уже много месяцев проживает у нас, и чеки от нее приходят из Англо-Египетского банка.

— Свяжите меня с его управляющим. Если он ушел домой, позвоните домой.

Несколько мгновений мы ожидали, пока разыщут управляющего банком. Эссекс-паша сказал, что Сильвия Шэйн, по его предположению, попала в руки мошенников. Если кто-нибудь появится в банке с любым документом за подписью Сильвии Шэйн, его следует под благовидным предлогом задержать и немедленно сообщить в полицию.

— Что ж, здесь мы им закрыли дорогу, — сказал он, повесив трубку. — Я брошу на поиски все имеющиеся силы, но самое печальное, что нет ни единого намека, куда эти бандиты могли увести бедную девушку.

— Боюсь, что я догадываюсь, — дрогнувшим голосом произнес я. — Слышали ли вы когда-нибудь о борделе под названием «Дом Ангелов»?

Глава XII

ТОРГОВЛЯ БЕЛЫМ ТОВАРОМ

— «Дом ангелов?» — повторил он. — Да. Кое-что слышал. В докладах моих людей иногда встречались упоминания о нем. Где это?

— В Исфаили, — ответил я.

Я вкратце передал мою беседу с Уной, упомянув о ее предложении посетить это заведение.

— Почему вы считаете, что Сильвию забрали именно туда? — спросил он.

— Ну-у, — нерешительно начал я. — Сильвия хороша собой, не так ли? А это не просто бордель, а пересыльный пункт, откуда азиатских красавиц отправляют в средиземноморские порты, а белых женщин — на Восток. И надо взглянуть в лицо фактам: если они заставят Сильвию подписать письмо в банк, то уже не отпустят ее, а попробуют превратить в проститутку.

Он кивнул.

— Боюсь, это так.

— Но это ужасно! — воскликнула Кларисса. — Мы должны помешать им! Непременно должны.

Но Эссекс-паша уже по телефону требовал соединить его с полицейским управлением в Исмаилии.

— Что еще мы можем сделать? — спросил я, когда он повесил трубку.

— Боюсь, пока ничего, — медленно проговорил он. — Сейчас в розыске участвуют все полицейские Египта, и нам остается ждать сообщений. Едва ли она добровольно позволила увезти себя из Каира, — машина, скорее всего, загнали в укромное место и Сильвии, чтобы утихомирить ее, сделали укол наркотика. Они торопились и, вероятно, положили ее на заднее сиденье, будто спящую. Тогда на одном из полицейских постов при выезде из города ее заметят.

— Неужели мы будем сидеть здесь сложа руки?! — вскричала Кларисса. — Давайте, по крайней мере, поедem в Исмаилию.

— Но ведь нет подтверждения, что ее отвезли именно туда, — сказал я. — Это всего лишь предположение.

— Оно весьма логично, — произнес Гарри. — Мне бы не хотелось сгущать краски, но я сомневаюсь, что они когда-либо отпустят ее. Они не захотят рисковать и постараются избавиться от столь нежелательного свидетеля.

— Согласен, — кивнул Эссекс-паша.

— Тогда я еду в Исмаилию, — заявила Кларисса.

— Вы же не полиция, — заметил я.

— Нет, но, когда бедная девочка будет спасена, я смогу ей помочь, — не раздумывая, ответила Кларисса. — После таких переживаний ей потребуются забота женщины.

— Отлично, — согласился я и повернулся к Эссекс-паше. — Думаю, сэр, вы не станете возражать, если мы отправимся в Исмаилию?

— Миссис Бельвиль высказала здравую мысль. Поезжайте через Суэц. Я позвоню в местную полицию и попрошу их сообщить вам новости, если они к тому времени появятся.

Я поблагодарил его и спросил управляющего отелем, где можно достать машину и хорошего водителя.

— Мистер Дэй, — сказал он. — Вы можете воспользоваться моей машиной, у меня первоклассный шофер.

Управляющий проводил нас до террасы, где мы увидели Амина и Мустафу. Прошло не более получаса, как стало известно об исчезновении Сильвии, но новости среди местных слуг распространяются быстро, и они оба явились предложить свою помощь. Бедный Мустафа выглядел ужасно. Он обожал свою юную госпожу и теперь все время бессвязно повторял, чтобы ему позволили добраться до злодеев, похитивших ее. Узнав, что нам предоставлен большой «бюик», в который, помимо водителя, помещается еще пять человек, мы решили взять с собой обоих драгоманов.

Дорога к Суэцу идет через Гелиополис — еще один пригород Каира, правда, не столь фешенебельный, как Гезира или район вдоль дороги на Гизу.

Затем мы помчались по прямой ровной трассе, ведущей в пустыню. Окружающий пейзаж резко отличается от плодородной равнины Дельты. Куда ни кинь взор, не было видно ни единого дерева, дома или животного. Здесь даже трава не росла, и перед нами разворачивалась только лента дороги, помеченная по обеим сторонам большими круглыми бочками изпод керосина, наполненными песком и выкрашенными в белый цвет, хорошо заметный ночью в свете фар.

Вокруг простиралась плоская желтая равнина, кое-где на горизонте нарушаемая очертаниями холмов. Впервые попавший сюда путешественник мог бы ожидать увидеть море песка, но тут расстиралось море камней, цвет которых менялся от золотого до темно-коричневого. Когда-то здесь было морское дно, и темные участки соответствовали скоплениям кремниевой гальки на наветренных склонах холмов, в то время как сдутый отсюда песок образовывал длинные желтовато-золотистые полосы с подветренной стороны или в неглубоких впадинах.

Гарри и Кларисса впервые оказались в пустыне, и оба соглашались, что, несмотря на всю ее безжизненность, в ней было странное очарование, хотя каждая новая открывающаяся панорама повторяет предыдущую, и за сотни миль не обнаружешь ни малейшего различия в сменяющихся друг друга пятнах темноватой кремнистой гальки и желтого песчаника.

На всех восьмидесяти милях лишь в одном месте жили люди, где-то на полути между Каиром и Суэцом. Уже темно, на низкой гряде смутно виднелись очертания огромных, беспо-

рядочно расположенных зданий, окруженных высокой стеной на манер крепости. Амин сказал, что это старый коптский монастырь.

Затем сгустилась тьма, но мы не сбавляли скорости, и лучи наших фар высвечивали керосиновые бочки, не будь которых, пришлось бы плестись черепашим шагом из боязни съехать с шоссе.

Без четверти девять мы остановились возле полицейского поста на въезде в Суэц. Там нас ждал английский офицер в египетской полицейской форме. Он представился как майор Лонгдон и сказал, что Эссекс-паша звонил ему и велел приготовить для нас комнаты в отеле «Миза». Мы сразу же спросили его о Сильвии, но, к сожалению, никаких новостей не поступало, хотя полиция проверила все машины, прибывшие в Суэц из Каира или направившиеся в Исмаилию.

Казалось, я ошибся в своем предположении относительно «Дома ангелов», и мы зря оставили Каир; тем более, что полиции Исмаилии до сих пор не удалось обнаружить бордель.

Раньше мне не доводилось бывать в Суэце, — одном из немногих городов Африки, известных каждому школьнику, — и я ожидал увидеть довольно крупное поселение. Но он оказался чуть больше разросшейся деревни, а своей известностью обязан названию канала.

Как сообщил нам Лонгдон, пассажиры редко сходят с корабля в Суэце. Девяносто девять процентов из них предпочитают высаживаться в Порт-Саиде, поэтому отеля здесь маленькие и провинциальные. До недавнего времени старый отель «Бель Эйр» был единственным местом, где путешественники из Европы могли провести ночь. Лонгдон решил поселить нас в «Мизе», считая, как он выразился, что новые кровати мягче старых, однако пообедать предложил в «Бель Эйр», где хозяйкой была француженка, и кухня считалась лучшей в Суэце.

В «Бель Эйр» еда была превосходна и сделала бы честь любому отелю какого-нибудь небольшого французского городка. Но сам обед прошел очень уныло, поскольку мысли всех неизбежно возвращались к бедной Сильвии.

Моя догадка насчет Исмаилии не подтверждалась пока ничем, но я чувствовал, что она верна, тревожило лишь то, что полиция до сих пор затруднялась определить местонахождение этого «Дома Ангелов». Если Сильвия там, только незамедлительные действия могут спасти ее.

Я не очень много знал об организованной проституции, но мне было известно, что первым делом у строптивой жертвы ломают волю к сопротивлению. Как правило, ее сначала достаточно сильно избивают, чтобы она была просто не в состоянии совершить побег. Затем самый дюжий мерзавец насилует ее; это, естественно, приводит жертву в такое отчаяние, что она на долгое время теряет способность даже помышлять о бегстве. Затем обычно ее несколько дней держат на голодном пайке, систематически избивая и насилуя, пока, наконец, воля жертвы не ослабеет настолько, что она соглашается принимать клиентов. Тогда ежедневные побои и изнасилования прекращаются, естественно улучшаются питание и условия содержания.

Не было надежды даже на то, что Сильвию оставят в Исмаилии на несколько дней. Они, естественно, постараются поскорее вывезти ее из Египта и на другой день или, самое позднее, ночью накачают наркотиком, скрытно погрузят на борт местного суденьшка и по каналу переправят в один из портов Красного моря, где тайком продадут в гарем какого-нибудь богатого шейха, и ее следы потеряются на долгие годы, а может быть, навсегда.

Эту пугающую мысль я старался выбросить из головы, но никак не мог забыть, что подобная судьба постигает ежегодно десятки тысяч молодых женщин, и, если Закри-бей решил избавиться от Сильвии именно таким образом, с ней обойдутся ничуть не лучше, чем с другими.

Пока мы пытались осилить крем со сливками, Лонгдона вызвали к телефону. Вернувшись, он сказал, что разговаривал с Эссекс-пашой. Все еще не удалось обнаружить никаких следов, определенно указывающих на Сильвию. Однако полиция Каирского аэропорта сообщила, что в начале четвертого в Александрию вылетел частный самолет с двумя мужчинами и тремя женщинами на борту. Женщины были одеты в арабские одежды и чадру. Две из них поддерживали третью, которую, по их словам, отправляли домой после серьезной операции. Поскольку самолет не покидал страну, и никаких паспортных формальностей не требовалось, ею никто не заинтересовался. Этой женщиной вполне могла оказаться Сильвия, под воздействием наркотиков не способная ни говорить, ни даже позвать на помощь.

Новость была далеко не воодушевляющей. Если это на самом деле была Сильвия, то самолет мог улететь напрямик в сторону портов Красного моря, и шансы выволить ее оттуда равнялись практически нулю. Я не высказал этого вслух, но считал, что в таком случае смерть могла бы оказаться для нее предпочтительнее.

Однако через двадцать минут, когда мы пили кофе, поступили новости получше. Начальник полиции Исмаилии сообщил, что удалось, по-видимому, найти «Дом ангелов», но он ждет окончательных подтверждений, прежде чем отдать распоряжение об облаве, и мы немедленно отправились туда, чтобы успеть к ее началу.

Через двадцать миль дорога от Суэца сворачивает в сторону и идет по берегам сначала Малого Горького, а затем Большого Горького озера, через которые проложен канал. Мы выжимали все, что могли, на длинных, ровных участках дороги, но достигли Исмаилии лишь к половине двенадцатого. Въехав в город, Лонгдон сразу же направился к французскому клубу, где нам должны были сообщить последние новости.

Когда мы вышли из машины, Лонгдон приветствовал начальника полиции собственной персоной. Это был рыжеволосый человек с усиками, и Лонгдон представил его как майора Хэнбари.

Майор сказал, что выбрал французский клуб, поскольку здесь удобнее, чем в его кабинете, ждать завершения облавы, намеченной на одиннадцать сорок. Он провел нас в клуб и усадил за маленький столик в просторном, весело выглядевшем баре, с разрисованными полушутливыми схемами окрестностей стенами. В баре было почти пусто, и майор Хэнбари, не откладывая, изложил результаты последования.

До сегодняшнего вечера никто из его людей даже не слышал о «Доме ангелов», но им вполне могла оказаться резиденция богатого торговца Сулимана Тауфика — отдельно стоящий дом на северной окраине города. Со времени звонка в Суэц ему удалось выследить в городе двух арабских слуг Тауфика и допросить их. После определенного давления они рассказали, что туда привозят, преимущественно по ночам, молодых женщин различных национальностей, которые гостят там день или два, а затем бесследно исчезают.

Он счел эту информацию достаточной для выдачи ордера на обыск, и его младшие офицеры последний час стягивали все наличные силы, чтобы окружить дом.

Он допил коктейль и сказал, что ему пора.

— Если позволите, мне бы очень хотелось отправиться с вами, — сказал я. — Может возникнуть потасовка, и лишние руки никогда не помешают. В любом случае вам потребуются человек, способный опознать мисс Шэйн, если она там.

— И я тоже пошел бы с вами, — немедленно добавил Гарри.

— Насчет вас у меня нет возражений, — согласился майор, — но как быть с миссис Бельвиль? Боюсь, нам не стоит впутывать ее в это дело.

Кларисса покорно вздохнула.

— Не беспокойтесь, я останусь одна. Только, ради Бога, будьте осторожны. Не дайте себя подстрелить.

Хэнбари улыбнулся.

— Не волнуйтесь, миссис Бельвиль. Я участвовал в облавах такого рода, и у нас достаточно людей, чтобы справиться с любыми головоломками, засеваемыми в доме Тауфика.

Прощавшись с Клариссой, мы сели в поджидавшие нас машины и отправились в путь, взяв с собой Амина и Мустафу. Исмаилия — небольшой городок, и мы быстро добрались до ее северной окраины. Мы остановились в нескольких сотнях ярдов от скрытого деревьями поместья, окруженного длинной стеной.

Хэнбари доложили, что все окружено, и по его свистку люди готовы атаковать дом. Он дал десять минут на приготовление к штурму, а затем, в сопровождении сержанта и шести арабских полицейских, мы неслышно направились в сторону ворот. На полпути майор приказал сержанту и одному из полицейских отделиться от нашей группы, перелезть через стену справа от ворот и открыть их, если привратник откажется сделать это. Как только они исчезли за стеной, мы прошли к огромным, массивным воротам и громко постучали.

Секунду или две никто не отвечал, затем открылось зарешеченное окошечко, и оттуда на нас взглянула пара черных глаз.

— Что вам угодно? — спросил по-арабски голос.

— Увидеть Сулимана Тауфик-бея — ответил Хэнбари.

— Его нет дома — ответил бавваба.

— Тогда я хочу видеть управляющего.

— В такой час все спят, — был грубый ответ.

— Неважно, впустите меня, — рявкнул Хэнбари и, вытаскивая револьвер, неожиданно просунул его между прутьями решетки, так что мушка оказалась всего в дюйме от носа бавваба. — Не двигайся. Я офицер полиции, и обвиню тебя в сопротивлении, если пошевелишься.

Глаза слуги расширились от страха, он даже не попытался закрыть окошечко, уставившись на дуло револьвера.

— Хусейн! — позвал Хэнбари. — Ты здесь?

— Хадра, эфенди! — раздался в ответ резкий голос сержанта.

— Хватай этого человека и открывай ворота, — вновь произнес Хэнбари.

За воротами послышался шум борьбы, затем звук отодвигаемых тяжелых деревянных задвижек, и одна створка массивных ворот распахнулась.

Держа наготове пистолеты, мы устремились по длинной, обсаженной пальмами аллее, ведущей к главному входу. Было тихо, но в некоторых окнах верхнего этажа горел свет. Хэнбари шепотом приказал нам встать по обе стороны входной двери, в тени. Затем подошел к двери и позвонил.

Где-то в глубине дома гулко звякнуло, и после, казалось, бесконечного ожидания послышалось шарканье ног за дверью. Она чуть приоткрылась, и слуга-араб подозрительно выглянул в щель.

Последовала краткая приглушенная беседа на арабском, и я смог уловить слова «твой хозяин» и «ордер на обыск». Слуга попытался захлопнуть дверь, но Хэнбари успел просунуть в щель ногу, и в следующую секунду тишину ночи прорезал его громкий свисток, а сам он всем телом навалился на дверь.

Мы бросились ему на помощь. Дверь внезапно поддалась, и Хэнбари растянулся на полу, а Лонгдон и один из полицейских рхнули ему на спину. Слуга ухватился за рычаг на стене, повернул его, и далеко в доме раздался пронзительно-резкий сигнал тревоги.

Хэнбари был уже на ногах, но слуга бежал по коридору, крича изо всех сил и игнорируя приказы остановиться.

Мы ворвались в узкий вестибюль. Хэнбари и двое его людей погнались за убегающим слугой, Лонгдон и сержант рванулись в комнату направо, где горел тусклый свет, я бросился вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, а за мной по пятам следовал Гарри.

Поднявшись до поворота, я увидел на верхней площадке спешивших нам навстречу людей. Один из них поднял пистолет и выстрелил. Пуля просвистела у моей щеки и вошла в стену.

Я выстрелил в ответ, и в ту же секунду все погрузилось во тьму.

Глава XIII

«ДОМ АНГЕЛОВ»

Следующие мгновения были самыми ужасными в моей жизни. Прошлой ночью я не успел по-настоящему испугаться, настолько внезапно Юсуф и его головорезы напали на меня. Хотя там все тоже происходило в темноте, я различал их фигуры; к тому же вооружены они были только ножами, и я не опасался, что в меня неожиданно выстрелят.

Сейчас дело обстояло иначе. У меня не было ни малейшего прикрытия, и они вряд ли промахнутся, выстрелив туда, где видел меня перед тем, как погас свет. Нельзя было отступить: Гарри и кто-то из полицейских загоразивали нижний пролет лестницы, и при малейшем звуке на меня обрушился бы град пуль. Темнота мешала мне куда больше, чем нашим противникам. Они могли скрыться, не выдавая себя, и не стреляли, скорее всего, из боязни, что вспышки выстрелов раскроют их местоположение.

Секунду я тешил себя иллюзией, что люди на площадке воспользуются темнотой для отступления. Но скоро понял, что на это надеяться нечего. Всего лишь мельком увидев их, я прикинул, что на площадке находилось человек пять-шесть, и отступить бесшумно они просто не смогли бы. Они собрались там и ждали, пока я пошевелюсь, чтобы разорвать мое тело выстрелами.

Будь я, что называется, «настоящим мужчиной», то рванул бы вверх по ступенькам, стреляя направо и налево, но я просто не мог заставить себя сделать это — возникшая в воображении картина раздробленных костей и кровоточащих ран буквально парализовала меня.

Внезапно я сообразил, что леж можно избежать хотя бы некоторых пуль. Гарри частично прикрыл поворотом лестницы, и первый залп вряд ли заденет его. С бесконечной осторожностью я нагнулся и нащупал верхнюю ступеньку. Затем, сгибая колени, уперся ими в ступеньку пониже. Наконец, повернув голову вбок, начал опускать ее, пока не коснулся щекой ковровой дорожки. Конечно, это была позиция страуса, но я не собираюсь оправдываться — я на самом деле буквально взмок от страха.

Замедлившиеся было события ускорил Лонгдон, его голос резко прозвучал внизу в вестибюле:

— Эй, там, вперед! Чего вы ждете?! Наверх!

Стиснув зубы, я не пошевелился, лишь сильнее ждал рукоятку пистолета.

С нижнего пролета лестницы донеслись приглушенные голоса, затем один из полицейских подался чуть вперед, к Гарри, и, вытянув руку над перилами, вслепую выстрелил вверх, в сторону площадки. Выстрел прогремел над самой моей головой.

«Вон! Вон!» — услышал я крик Гарри, потонувший в грохоте пальбы. Враг открыл огонь, целясь на вспышку, и это спасло меня.

Со стонущим звуком расщепился поручень перил, пули забарабанили в штукатурку позади меня, и в ноздри ударила сильный запах пороха. Инстинкт подсказывал, что пора дейст-

вовать, и я рванулся вверх по ступенькам, яростно стреляя в пульсирующую вспышками темноту на площадке.

Я до сих пор не знаю, как уцелел. Впереди раздался крик человека, в которого попала моя пуля, а сзади — хриплое проклятие раненого полицейского. Но я был уже на площадке, в гущу схватки.

Один из них замахнулся кулаком с зажатым в нем пистолетом, но удар пришелся в плечо, отшвырнув меня в сторону. Я повернулся и выстрелил в него в упор. Мгновение спустя выстрелил кто-то еще, и вспышка осветила искаженное лицо моей жертвы.

Некоторое время стрельба велась столь интенсивно, что в ее вспышках вполне различались детали окружающей обстановки и люди. Теперь на площадке нас сражалось не менее дюжины, но мой взгляд упал на человека, выстрелившего в нашу сторону с нижней ступеньки лестницы. Лишь мгновение я смотрел на него, но нельзя было не узнать эти острые, словно высеченные из гранита, черты лица. Это был О'Кив.

Мне даже не приходило в голову, что он может оказаться в «Доме ангелов», и, увидев его здесь, в ловушке, я почувствовал, что мое сердце от возбуждения готово было выпрыгнуть из груди. Я очертя голову бросился в толпу сражающихся и, прокладывая себе дорогу к человеку, которого так ненавидел, сильным ударом сбил с ног огромного араба.

В этой суматохе сохранял спокойствие лишь О'Кив, стоявший на ступеньке лестницы и тщательно выбиравший цель, когда очередная вспышка выстрела позволяла ему видеть происходящее.

Наконец я смог пробраться сквозь сыплющую проклятиями массу, чудом не получив ни одного серьезного повреждения, если не считать раздувшегося от удара до размеров картофелины правого уха. Я поднял пистолет, тщательно прицелился туда, где в последний раз заметил фигуру О'Кива, и стал ждать следующей вспышки.

Раздался выстрел О'Кива, прекрасно высветивший его. Я нажал курок, но в царящем вокруг гвалте даже не услышал щелчка. Я нажал еще и еще и лишь затем понял, что магазин пуст.

Лихорадочно выкинув пустую обойму, я вставил полную, но при новой вспышке увидел, что О'Кив исчез. И рванулся за ним к лестнице.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, я услышал звук его топчущих шагов. В этот самый момент загорелся свет; очевидно, Хэнбери удалось найти выключатель. Свет на мгновение ослепил меня, а затем я увидел О'Кива впереди, в дальнем конце узкого, длинного коридора. Я вскинул пистолет и выстрелил.

На секунду мне показалось, что я попал: О'Кив остановился как вкопанный. Но в следующий момент он резко повернулся и выстрелил в меня. Мы оба были хорошиими стрелками, но, вероятно, сказалось напряжение схватки, и его пуля тоже прошла мимо цели, прожужжав у меня над ухом.

Прежде чем я успел выстрелить еще раз, О'Кив нырнул в ближайшую дверь и с лязгом захлопнул ее. Я подскочил к ней и изо всех сил ударил, пытаясь выбить, но сразу понял, что О'Кив ускользнул: дверь оказалась стальной.

Я рванулся назад по коридору, но, к удивлению и ярости, обнаружил выходящую на лестницу дверь запертой. Это была точно такая же стальная дверь, и, видимо, обе они управлялись электрическим приводом. О'Кив, должно быть, нажал кнопку, закрывавшую их одновременно, и запер меня на верхнем этаже дома.

Прошло не более минуты, как я оказался здесь. Я едва успел перевести дыхание и еще кипел от ярости, как вдруг донесся глухой взрыв, от которого все здание заходило ходуном. Похоже, где-то на нижнем этаже взорвали бомбу, но стальные двери обладали хорошей звукоизоляцией, и, сколько я ни вслушивался, ничего больше не услышал.

Я стоял в нерешительности, размышляя, что же теперь предпринять, как вдруг несколько выходящих в коридор дверей — а их было по пять или шесть с каждой стороны — одна за другой приоткрылись и опять поспешно закрылись. В ближайшей я успел заметить мелькнувшее лицо негритянки, с ужасом взглянувшей на меня, прежде чем захлопнуть дверь.

В этих комнатах, очевидно, и содержались «ангелочки» перед отправкой кто на Запад, кто на Восток. Если Сильвия находилась в этом доме, ее следовало искать здесь.

В два шага я достиг ближайшей двери, и изо всех сил ударил ногой по замку. Раздался звук раскалываемого дерева, дверь распахнулась, но негритянки нигде не было.

Комната была довольно хорошо обставлена. В углу я заметил пару чемоданов, а на кресле — аккуратно сложенную одежду и нижнее белье; одеяло с кровати съехало на пол, видимо, когда началась схватка, девушка спала.

Я предположил было, что негритянка со страху выпрыгнула в окно, но, заглянув под кровать, обнаружил ее там.

Сунув руку под кровать, я попробовал вытащить ее оттуда. Она сопротивлялась, как тигрица, и успела больно укусить меня, прежде чем удалось извлечь ее из-под кровати и поставить на ноги.

Обращаясь к ней то по-арабски, то по-французски, я тщетно пытался выудить из нее что-либо насчет Сильвии — она лишь бормотала что-то неразборчивое на своем варварском языке. Мне пришлось оставить ее и толкнуть дверь напротив.

В этой комнате, обставленной точно так же, на кровати сидела белая девушка — довольно милое создание лет двадцати.

Девушка молча курила сигарету, сохраняя полное самообладание. Вдруг она спросила по-французски:

— Что за шум, *сегі?* У них драка с пьяницами?

Было ясно, что, несмотря на юный возраст, она, как и большинство белых девушек, отправляемых на Восток, не новичок в своем деле.

— Я из полиции, — сразу сказал я. — Облава. Известно ли вам что-нибудь о белокурой англичанке, доставленной сюда сегодня?

В ответ она грязно выругалась, затем безразлично пожалала плечами и улыбнулась. Вероятно, она хорошо знала, что, в худшем случае, ей грозил лишь небольшой срок тюрьмы.

Я пропустил ругань мимо ушей и повторил:

— Известно ли вам что-нибудь о белокурой англичанке, которую доставили сюда сегодня? Если известно, я могу попросить полицию помягче обойтись с вами.

Она покачала головой.

— Mais *поп*. Это очень странное заведение. Девушкам здесь не позволяют видаться друг с другом, и мы остаемся тут всего лишь на одну-две ночи.

— Спасибо, — кивнул я и вышел из комнаты, оставив девушку в покое.

В коридоре раздавался стук со стороны стальной двери, выходящей на лестницу, но я ничем не мог помочь и надеялся лишь, что ее попытаются взломать не мешкая. Взглянув на оставшиеся запертыми двери, я начал во все горло звать Сильвию по имени, но все мои старания были напрасны, и мне ничего не осталось, как начать самому взламывать двери.

Я прошел в дальний конец коридора и выбил крайнюю дверь. В комнате за ней я увидел прелестную маленькую китайку, хрупкую, как дрезденский фарфор. Она казалась спокойной, но волнение выдал злобный выкрик на ломаном английском:

— Уходи! Мадам говорит, тут незя. Уходи вон!

— Прощу прощения, — улыбнулся я, — но я ищу англичанку, которую привезли сегодня. Вы знаете что-нибудь о ней?

Маленькая китайка покачала головой.

— Моя не видеи. Скажи мадам. Она, верно, знает.

Я выскочил из ее комнаты и атаковал дверь напротив.

К моему удивлению, с первой попытки она не поддавалась, и, осмотрев ее, я обнаружил, что сделана она из более крепкого дерева и запирается на два замка.

Я отступил назад и с разбегу ударил ступней, целясь в замки. Несмотря на громкий треск, они все же не поддались, и мне пришлось разбежаться еще дважды, прежде чем дверь открылась.

Комната была погружена во тьму. Я встал в дверном проеме и нашарил на стене выключатель.

Вспыхнул свет, и моему взору предстала абсолютно голая комната, без всякой мебели — лишь потертый ковер на полу и толстая решетка на окне.

В углу, на спине, плашмя лежала Сильвия, и на ней не было ни клочка одежды. В Каире я часто восхищался ее фигурой — она была высокой, длинноногой девушкой, грациозной от природы, — но сейчас в ее наготе не было ничего привлекательного. Она лежала в неестественной позе, одна рука была вывернута за спину, а другая безжизненно упала поперек тела, прикрывая живот. Ее голова касалась стены, так что подбородок упирался в грудь, а спутанные серебристые волосы закрывали лицо. На бедре темнел огромный фиолетово-красный синяк, а на правом плече — густки запекшейся крови.

Я оцепенел от одной мысли, что опоздал и сейчас смотрю лишь на ее брошенный сюда труп. Но, когда я сделал шаг в ее сторону, она застонала и перевернулась.

Я мгновенно оказался рядом и, поддерживая одной рукой ее голову, другой лихорадочно пытался вытащить из кармана флажку с бренди.

Когда мне удалось влить ей в рот немного жидкости, она опять застонала, кашлянула, и ее смертельно-бледные щеки порозовели.

Я заставил ее сделать еще глоток, но она слабо приподняла руку и попыталась оттолкнуть флажку. Открыв глаза, она взглянула на меня, и, по блеснувшему в них огоньку я понял, что она узнала меня. На ее губах появился тусклый улыбка, в то время как я, успокаивая ее, бормотал дурацкие фразы, сами собой срывающиеся с губ, когда обращаешься к человеку, испытывающему сильные страдания.

Думаю, она тоже не воспринимала свою наготу, когда тихо лежала в моих объятиях, но я понимал, что надо срочно предпринять что-нибудь.

— Я через секунду вернусь, — сказал я, но при этих словах ее голубые глаза расширились от ужаса.

С неожиданной силой она вцепилась мне в руку:

— Нет! Не оставляйте меня! — простонала она.

Догадываясь, что происходит в ее душе, я, однако, стряхнул ее руку и, ободряюще улыбнувшись, большими шагами направился в комнату китаянки. В ее гардеробе наверняка была какая-то одежда, но я, не мешкая, схватил попавшееся под руку одеяло с кровати.

— Прошу прощения за беспокойство, — с извиняющейся ухмылкой сказал я, — но мне это нужно. А вам следовало бы одеться. Через минуту здесь будет полиция.

Она издала пронзительный крик, когда я стаскивал с нее одеяло, и, откатившись на другую сторону кровати, яростно плюнула в меня, но я, не обращая на это внимания, заторопился к Сильвии.

Очевидно, она поняла, по какой причине я оставил ее, и сидела спиной ко мне, поджав ноги и обхватив голову руками.

— Вот, прикройте этим, — сказал я, обернув одеялом ее плечи. — Я попробую раздобыть для вас одежду.

Слегка поежившись, она поплотнее завернулась в одеяло и, протянув через плечо руку, попросила:

— Прошу вас, дайте мне еще бренди.

Разгоряченный от недавнего напряжения, я вдруг осознал, что лежать здесь без одежды весьма холодно. Сунув ей фляжку, я поспешил по коридору в комнату французенки. Она все в той же позе сидела на краю кровати и курила.

— Ну, где же полиция? — улыбнулась она.

— Полиция уже здесь, — мрачно заверил я ее. — Прислушайтесь, они возятся у стальной двери, ведущей на лестницу. А пока я хочу позаимствовать у вас кое-что из одежды.

— Из моей одежды? — откликнулась она. — Но зачем? Для какого-нибудь маскарада?

— Не говорите глупостей, — сказал я, — дайте мне что-нибудь из вашего чемодана. Мне нужны нижнее белье, юбка и, если у вас есть, пальто.

— Месье сумасшедший, — фыркнула она.

— Я совершенно в своем уме, — вскипел я. — Но я нашел девушку, которую искал, а те свиньи, что здесь хозяйничают, бросили ее без клочка одежды.

Черты ее жесткого, маленького личика моментально смягчились.

— *Raivne petite*, — пробормотала она, вставая. — Значит, это была та новенькая упрямецка? Почти все мы в начале проходили через такое. Конечно, я найду что-нибудь для нее.

Она подошла к гардеробу и выудила оттуда шелковое платье и короткую куртку.

— Вот, возьмите это. Я сейчас принесу чулки и все остальное.

— Премного благодарен, — улыбнулся я, принимая одежду. — Я попрошу полицию отнестись к вам помягче.

Она презрительно пожала плечами.

— Полиция! Я ее не боюсь. Однако беда есть беда, и только по этой причине я одожила одежду вашей подруге.

Я почувствовал себя сконфуженным, но мне некогда было размышлять об этом, и я поспешил к Сильвии. Я спросил ее, сможет ли она самостоятельно одеться.

— Да, — ответила она. — Выйдите, пожалуйста, на минутку.

— Хорошо, — сказал я. — Как раз через минуту у вас будут чулки, туфли и все остальное.

Выйдя в коридор, я с удивлением обнаружил, что стук в стальную дверь прекратился. Затем я понял, что все события на втором этаже заняли немногим более пяти минут. Полиции наверняка хватало работы в других частях дома, и кто-то лишь случайно последовал за мной наверх, а теперь, поняв, что открыть дверь ему не по силам, побежал за помощью.

И тут я впервые почувствовал запах дыма. Я все еще неуверенно принохивался, когда дверь соседней комнаты распахнулась и оттуда выбежала молодая еврейка. Она кричала что-то не понятном языке, но клубы дыма, вырвавшиеся из ее комнаты, были красноречивее слов. О'Кив, убегая, поджег дом, на верхнем этаже которого мы оказались теперь в ловушке.

Глава XIV

ГЕРУ-ТЕМ: ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ

Душераздирающие крики еврейки выманили в коридор французенку и угрюмую маленькую китаянку. Вслед за ними из других комнат появились и другие девушки.

Они окружили меня, галдя на разных языках во всю силу своих легких. Я оттолкнул их и прошел в комнату, откуда вырвались клубы дыма. Рядом была стальная дверь, за которой исчез О'Кив, и дым валил от основания стены, смежной с проходом, который, вероятно, начинался за этой дверью. В щель между досками и панелью стены сквозил густой черный дым, я разглядел языки пламени, жадно пожиравшие сухое дерево.

Схватив кувшин с водой на умывальнике, я вылил ее на одеяла и кучей свалил их в то место, где пламя бушевало наиболее сильно, но жар был такой, что они смогли лишь на короткое

время задержать распространение огня. Кашляя и задыхаясь от дыма, я, пошатываясь, вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь.

— Тихо! — зычным голосом заорал я перепуганным красоткам, после чего повторил на всех доступных мне языках: — Не бойтесь! В доме полиция. Вам помогут спастись. Одевайтесь быстрее!

Это несколько успокоило их, и все бросились в свои комнаты, кроме мисс Франции, державшей в руках вещи для Сильвии.

В этот момент появилась Сильвия и со словами благодарности взяла их. Французенка поспешила к себе в комнату, и тут глаза Сильвии неожиданно встретились с моими — но лишь на секунду. Думаю, я слегка покраснел. Меньше всего мне хотелось бы копаться в подробностях ее переживаний, но я чувствовал, что она не сможет быть со мной естественной, и почти радовался необходимости из-за пожара отложить объяснения.

Сильвия направилась в свою комнату, а я бегом бросился к окну в дальнем конце коридора, которое, слава Богу, оказалось незарешеченным. Распахнув его настежь, я высунулся наружу. Было ясно, что пожар распространяется с огромной скоростью: прямо подо мной из окна валили клубы дыма и сыпались искры. В саду я увидел людей и позвал их. Голос Лонгдона ответил мне:

— Это вы, Дэй? Мы считали, что вас уже нет в живых. Сколько человек с вами?

— Сильвия Шэйн и восемь «ангелочков», — крикнул я ему. — Мы заперты за стальной дверью в конце верхней лестницы. Вы можете взломать ее?

— Нет, — откликнулся он. — Мы десять минут пытались это сделать, но тут нужен динамит. Здесь нет лестниц, поэтому вяжите веревку из простыней.

— Ладно! — рывкнул я и захлопнул окно.

Меня вовсе не воодушевляла эта перспектива. Чтобы спустить вниз девять женщин, надо немало времени, а дым уже вползал в коридор из-под двери комнаты мисс Палестины.

Сильвия первая появилась в коридоре, потому что была уже частично одета. Она выглядела нездоровой и усталой, но не была испугана, хотя опять быстро отвела в сторону взгляд.

Я немедленно сказал ей, что надо делать, и она тут же принялась связывать постельное белье, которое я приносил из комнат.

Вообще говоря, девушки вели себя лучше, чем можно было ожидать, и понимая, что от них требуется, энергично взялись за дело. Вскоре у нас была готова веревка длиной в тридцать футов. Я лично проверил каждый ее узел, а девушки в это время подтащили к окну кровать, к ножке которой я прикрепил конец веревки.

Поскольку мисс Палестина создавала много шума, я решил сначала избавиться от нее и дважды обвязал конец веревки вокруг ее тела.

Она была в таком страхе, что наотрез отказалась вылезать из окна. Я схватил ее на руки и буквально вытолкнул из окна ногами вперед, попросив девушек поддержать веревку.

За ней я хотел отправить Сильвию, совсем еще слабую после всего, выпавшего на ее долю, но она и слышать не хотела об этом. Я не стал мешкать с уговорами: из-под двери в коридор уже высовывались языки пламени, а другой конец его скрывался в густом дыму.

Следующей я спустил маленькую негрятенку, в широко раскрытых глазах которой читался беспредельный ужас, хотя все это время она молчала, словно испуганный зверек. Затем внизу оказались мисс Греция, мисс Англия и мисс Турция, но каждая операция отнимала несколько минут, а у меня на руках оставались, помимо Сильвии, барышни из Франции, Китая и Танганьики.

Сильвия продолжала отказываться, и я отправил вниз мисс Танганьики. Обернувшись, я обнаружил, что прекрасная китаянка упала в обморок. Тяжело дыша и спотыкаясь, мы обвязали вокруг нее веревку и вытолкнули безжизненное тело из окна.

Мои глаза слезились от дыма, а в пятнадцати футах позади уже бушевало пламя, прорвавшееся сквозь дверь и пожирающее теперь противоположную стену. Я, в общем-то, не склонен к панике, но скорость распространения огня серьезно беспокоила.

Жара становилась невыносимой, по нашим лицам ручьями струился пот, каждый последующий спуск казался длиннее предыдущего, и я начал опасаться, что мы не успеем выбраться отсюда. Пока я держал веревку, спуская очередную пленницу, я заставлял оставшихся девушек высовываться из окна и вентилировать легкие, но сам, торопясь, не делал этого, и моя грудь буквально разрывалась от боли. Коридор позади нас был сплошной стеной огня и, хотя я напрягал всю свою волю, движения становились все более замедленными и неуклюжими.

Я понял, что мне не удастся продержаться и двух минут.

Нас спасла Сильвия. Она видела, как я пошатнулся и чуть не рухнул, обвязывая веревку вокруг мисс Франции, и поняла

мое состояние. Высунувшись из окна, она крикнула вниз, что мы погибнем, если никто не поднимется нам на помощь. В эту секунду француженка без чувств упала на меня, но нам каким-то образом все же удалось вытолкнуть ее из окна и удерживать в руках дергающуюся веревку. Больше я ничего не помнил и очнулся уже в саду.

Позже нам рассказали, что Лонгдон вскарабкался по веревке, и, когда спускался на землю нас с Сильвией, мы оба были уже без сознания.

Мы настолько были измучены, что едва добрались до машин, а несколькими минутами позже — до постелей, и до следующего утра я начисто выключился из происходивших событий.

В суматохе пожара О'Киву, «мадам» и еще дюжине обитателей «Дома» удалось скрыться. Все, кого схватил Хэнбари, оказались мелкой рыбешкой — в основном это были слуги-арабы и охрана. Трое из них были убиты в схватке и еще пятеро опасно ранены, а в наших рядах насчитывалось шесть серьезных потерь, включая двоих мертвых и Мустафу, раненого в правую руку.

Похоже, Гарри был в восторге от схватки, несмотря на то, что у него на лбу красовалась шишка размером с яйцо, и он с удовольствием купался в лучах Клариссиного внимания, граничащего с обожанием.

Она рассказала нам, что Сильвия выглядит лучше, чем можно было ожидать, и даже заявила, что готова сегодня же вернуться в Каир.

Прошлой ночью доктор дал Сильвии снотворное, она хорошо выпалась и больше всего жаловалась на сильную простуду, хотя все ее тело было в синяках и кровоподтеках. До сих пор она ни словом не обмолвилась о случившемся, но нас радовало, что эти ужасные события не сломили ее и она пыталась выстоять держать голову.

После ланча она спустилась вниз в одежде, раздобытой для нее Хэнбари, которая ей совсем не шла. Казалось, она не вполне твердо держалась на ногах, однако изъявила готовность сделать заявление полиции. Мы позвонили Хэнбари и Лонгдону и собрались было удалиться, но она сказала, что не станет возражать, если мы останемся выслушать ее рассказ.

Считая, что ее везут в полицейское управление, она поехала со лжеполицейским. Как и предполагал Эссекс-паша, машина неожиданно свернула с дороги во двор частного дома, и ворота тут же закрылись за ними. Прежде чем она успела сообразить, что происходит, из дома выскочили несколько человек, ее вытащили из машины и отвели в дом, где насильно сделали укол. После чего она потеряла сознание и пришла в себя уже только на заднем сиденье самолета, одетая в арабскую одежду.

В это месте Хэнбари кивнул и заметил:

— Именно информация, полученная из полиции каирского аэропорта помогла найти вас. Мы никогда не слышали о «Доме ангелов» и были совершенно сбиты с толку, но самолет с «больной женщиной» на борту не прибыл в Александрию, что показало нам подозрительным. Я вспомнил, что в Иσμαилии владельцем частного самолета является лишь один человек — Сулиман Тауфик-бей. Он не пользуется аэропортом Иσμαилии, оборудовав взлетно-посадочную площадку недалеко от своего дома. Я навел справки и выяснил, что около трех часов пополудни там приземлился самолет. По времени прибытия было похоже, что самолет вылетел из Каира, а его описание совпало с описанием каирской полиции. Дело совершенно прояснилось, когда мне удалось выдать из слуг Сулимана, что его дом действительно является «Домом ангелов».

Сильвия кивнула.

— И слава Богу. Но я продолжу. Когда меня привели туда, действие наркотика ослабло. В комнате внизу меня встретил, судя по описанию мистера Дэй, сам О'Кив. — Она слегка поежилась. — Это жуткий субъект, холодный, как рыба, и с глазами, как у змеи. Он запугивал меня всем, чем мог, требуя подписать разрешение, позволяющее ему или его представителю изъять из моего банка нижнюю половину таблички. Сначала я, разумеется, отказалась, но они взяли меня наверх и прибегли к легкому нажиму. Тогда я решила не рисковать и подписала все, что от меня требовали. Потом они забрали мою одежду и заперли меня, чтобы я не убежала. В этом-то состоянии мистер Дэй и нашел меня.

— Вы... ни в чем больше не обвиняете их? — с некоторой неохотой спросил Хэнбари.

— Что вы имеете в виду? — спокойно ответила она.

— Ну-у, у нас в списке обвинений против них похищение, незаконная инъекция опасного наркотика с преступными целями и вынужденное подписание документа под угрозой применения силы. Поскольку они избili вас, я думаю, мы добавим оскорбление действием и... — Он смущенно взглянул в сторону. — Я хочу сказать, что, возможно, оскорбление действием нам следует квалифицировать несколько иначе.

— О нет, — сказала Сильвия, в упор взглянув на него. — Тут вы ошибаетесь. Никто меня и пальцем не тронул.

— Более того, — включился я в разговор, — мисс Шэйн сказала мне, что лжеполицейского, посадившего ее в машину, не

было в самолете, отправлявшемся в Иσμαилию. И думаю, не следует проводить ее через процедуру опознания, поскольку мисс Шэйн едва ли сможет вспомнить мужчин или женщин, вылетевших с ней из Каира.

Хэнбари повернулся и сердито взглянул на меня.

Но Сильвия улыбнулась и тихо заметила:

— Он совершенно прав. Лжеполицейского действительно не было в самолете, и я на самом деле никогда не смогу опознать остальных.

— Что ж, если вы так считаете, — пробормотал Хэнбари, — я не стану больше задерживать вас, мисс Шэйн. Вам пришлось много пережить, и я меньше всего хотел бы ставить вас в неловкое положение, вызывая как свидетельницу. Но мне придется сделать это, если только удастся схватить О'Кива или лжеполицейского.

На этом наша встреча закончилась.

— Я так благодарна вам, что даже не знаю, с чего начать, — промолвила она, едва мы отошли на некоторое расстояние.

— В таком случае, — улыбнулся я, — вы можете начать с того, что станете обращаться ко мне по имени. Вы только что почти сказали «Джулиан», когда беседовали с майором Хэнбари.

— Хорошо, Джулиан. Именно так я всегда мысленно называю вас, потому что Кларисса и Гарри называют вас только Джулианом. И я очень благодарна вам за все.

— Эссекс-паша и его помощники заслуживают куда большей благодарности. Ведь это они обнаружили вас.

— Но только вам пришла в голову мысль о «Доме ангелов». И вы избавили меня от процедуры опознания арестованных. Случись так, все газеты Египта смаковали бы эту историю. Я тоже не собиралась настаивать на обвинении в оскорблении насильем, но не подумала об опознании.

— Я полагал, что вам незачем появляться в суде без крайней необходимости, — сказал я. — Что же касается всего остального, то я просто оказался ближе всех.

— Да, конечно. Сейчас мне стыдно, что я сомневалась в вас. И раз вы молчите о своем прошлом — это ваше личное дело. Мне вполне достаточно знать, что вы храбрый человек из всех, кого я когда-либо встречала.

— О, пощадите! — взмолился я, чувствуя, что краснею. — Нельзя же так смущать человека.

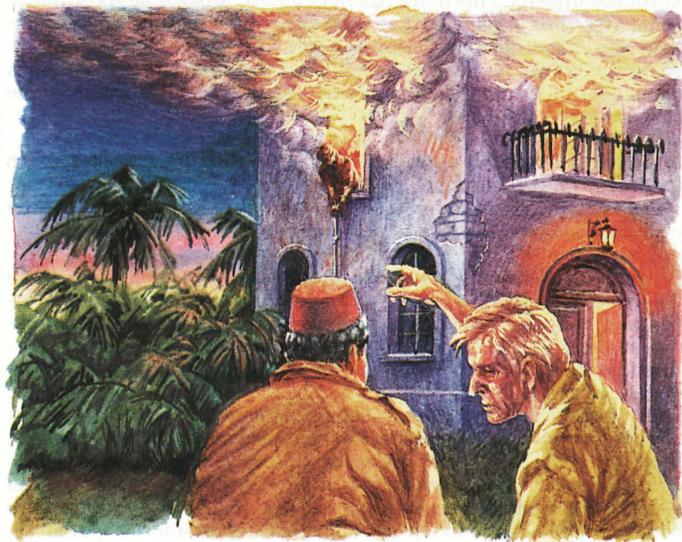
— А, как вы думаете: не испытывает ли смущения та, кого находят совершенно голый в борделе?

— Я не успел обратить на это внимания, — поспешно сказал я.

Она странно усмехнулась.

— Довольно скромный комплимент.

— Если честно, когда я впервые увидел вас там, — то испугался, что вы уже мертвы. А потом мне просто было некогда. Я

мог лишь благодарить Бога, что вы остались живы, и надеяться, что вы не подверглись чересчур большим испытаниям, пока мы искали вас.

— Я бы хотела забыть об этом, — сказала она. — Весьма неприятно, когда тебя избивают. К тому же я перепугалась до смерти, услышав угрозы об отправке в один из портов Красного моря. Но, во всяком случае, худшего из того, что могло произойти, со мной не случилось.

Мы оба расхохотались, поскольку слово «худшее», прозвучало очень комично в ее устах.

Через десять минут, распрощавшись с Хэнбари, мы отправились обратно в Суэц. Сильвия поехала с Бельвилями, я опять сел с Лонгдоном и Амином, а раненого Мустафу пришлось оставить в госпитале.

Стояла чудесная погода. Все окружающее пространство было залито ярким солнечным светом, и мы быстро ехали по прекрасному шоссе.

Насыпи по обеим сторонам канала так высоки, что с некоторых точек шоссе поверхность воды совсем не видна, и когда мы оглядывались на южную оконечность Малого Горького озера, нашему взору предстало фантастическое зрелище: перед нами расстилась девственная пустыня, но прямо через море песка двигался большой пассажирский корабль с дымящимися трубами и развеваящимися вымпелами.

В половине пятого наш караван прибыл в Суэц, где мы расстались с Лонгдоном; я пересел в машину к Бельвилям, и к восьми часам мы без всяких приключений добрались до Каира.

На следующее утро я встретился с Эссекс-пашой и подробно рассказал о событиях в Исмаилии, хотя, конечно, у него уже имелись официальные доклады Хэнбери и Лонгдона.

Моя вендетта против О'Кива, похоже, зашла в тупик. Закрибей и Уна, как я узнал, оставались в Александрии; Сулиман Тауфик, владелец сгоревшего «Дома ангелов», и Гамаль были арестованы, но О'Кив бесследно исчез. Приятно было сознавать, что удалось нанести противнику два чувствительных удара: уничтожить один из пунктов торговли наркотиками и шикарный бордель, однако я совершенно не представлял, что делать дальше и, пока Сильвия не поправилась, проводил все свое время с Гарри и Клариссой.

Через день после нашего возвращения из Суэца мы посетили Египетский музей, где хранятся сокровища Тутанхамона. Вся коллекция занимает два огромных зала и насчитывает около тысячи семисот предметов, причем каждый из них по-своему ценен и уникален. Но особенно поражает сохранность сокровищ, выглядящих, в отличие от большинства египетских древностей, так, словно только вчера изготовлены ремесленником.

На следующее утро доктор разрешил Сильвии встать с постели, и мы четвером приступили к делам.

Гарри принес записки, которые оставила ему Сильвия, и она вслух зачитала их нам. Перевод иероглифов верхней половины таблички гласил:

«Я, Геру-Тем, поклоняюсь тебе, Осирис, Владыка Абидоса, Царь Богов, Правитель Вечности, чьи имена бесчисленны, чьи проявления величественны, чьи очертания скрыты в храмах, где поклоняются Ка. Почтенье тебе, Изиды-Хатор, Божественная Мать. Тебе также, Хор, Божественный Сокол, Царственный Сын, Защитник Воинов. Заступись за меня, Геру-Тема, перед Величественным Отцом в ужасном зале Маати, когда настанет время суда надо мной. Взгляни: я праведный человек. Я знаю имена сорока двух богов и без страха могу подтвердить это перед ними.

Я исполнен добродетелей, мой нрав мягок, и я любил город, которым правил. Никто не голодал в нем, даже в неурожайные годы. Взгляни: я распахан поля на севере и на юге, отдал урожай жителям города и накормил их. Я не предпочитал великого смиренному, не делал зла дочерям бедняков и не притеснял вдов. Вокруг меня не было нищих, и до прихода Перса никто не голодал в моем городе.

Взгляни: я храбро сражался, я вел своих воинов в битву».

В этом месте табличка сломалась, а в нижней ее части было написано следующее:

«В своей колеснице я был могучий воин. Быстро летели мои стрелы и моя булава без устали сокрушала черепа врагов Фараона.

Но воля Великих наказала Фараона. Перс подчинил себе Фараона, и люди моей страны подверглись неслыханному унижению. Над нашими богами смеялись, их статуи были сброшены, накопленные веками сокровища украдены из храмов, жрецы принесены в жертву чужим богам, и слезы людей стали избытком вод Нила.

В Фивах Перс объявил себя Фараоном, Владыкой Двух Стран. Он покорил жителей Севера и жителей Юга. Он велел твоему слуге, Геру-Тему, явиться к нему. Его начальники рассказали ему о моем мужестве и силе. Служить Персу было для меня ненавистно, но, взгляни: я сделал это, чтобы, снискав его благосклонность, защищать и кормить людей моего города.

Но пришло время, когда даже все богатства Фив не могли насытить его жажду. Он именовал себя Царем Царей и хотел, чтобы ему поклонялись все народы. Торговцы нашептали ему в уши истории о богатых городах на западе, по ту сторону пустыни. Он собирался вести свое войско из Египта и завоевать их. Его манили богатства далекого оазиса Амона. Много лет он готовился к походу, но, когда пришло время, Великие не пожелали, чтобы и он отправился со своей армией.

Все богатства страны были собраны в Фивах. Войска выступили в поход, и взгляни: я, Геру-Тем, пошел с ними командиром тысячи. Перса поразила болезнь, и он должен был последовать за нами позже. Мы шли через оазисы Харга и Дахла, на западном берегу Нила, а затем много дней — через пески, следуя дорогой, приготовленной для нас. Каждую ночь мы останавливались около цистерн с водой, которые разместил там наш авангард; без них мы умерли бы от жажды».

Затем следовал перевод надписи, сделанной с обратной стороны верхней половины таблички.

«Мы не отклонялись ни влево, ни вправо, а двигались все время прямо, как делают персы.

Двадцать два дня мы не видели ни людей, ни животных, ни растений. Воду мы находили в цистернах, пищу несли с собой. Еще три дня пути, и мы достигли бы оазиса, но лживые боги персов не помогли им — проводники предали нас. На двадцать третий день они хитростью заставили нас свернуть с прямой, которой мы следовали. Ночью проводники убежали в оазис. Два дня и две ночи мы пытались найти путь. На третий день повернули обратно по своим следам. Люди уже умирали от жажды, когда наконец мы вышли к цистернам, у которых останавливались в последний раз. Там было немного воды для людей, но ничего не оставалось для лошадей. Грузные сокровищами колесницы были брошены, солдаты взбунтовались, многих командиров убили.

Со мной был жрец-астроном Хнему. Каждую ночь он определял положение звезд. Вот, что он измерил там, где погибли сокровища Египта, где мудрость Великих поразила армию Перса, где она распалась сама собой и тысячи умерли в ужасе и смятении».

Далее на обеих половинах таблички шли даты старого египетского календаря и многочисленные астрономические цифры, ничего нам не говорящие. Но Сильвия сказала, что сэр Уолтер трудился над ними всю прошлую весну и, приведя их к современной системе исчисления, установил, что катастрофа произошла в точке с координатами 28°10' северной широты и 25°33' восточной долготы.

Затем она продолжила чтение перевода текста, написанного на обратной стороне нижней части таблички.

«По твоей милости, о Владыка миллионов и миллионов лет, я, твой слуга, Геру-Тем, наткнулся на восемь больших кувшинов с водой, закопанных в стороне от остальных. Со мной было еще пять человек. Мы напоили наших лошадей и ночью бежали, оставив умирающую армию. Воды хватило лишь на шесть дней, а на седьмой мы нашли еще одну цистерну, наполненную водой. Затем мы опять двинулись по следам нашей армии, рассчитывая на оставшуюся в цистернах воду, но пески обманули нас, и мы сбились с пути. Хнему был очень стар и умер первым. Мои товарищи последовали за ним в твоё лоно, о Владыка Осирис. Зачти мне, что, хотя я был слаб, но похоронил всех согласно ритуалу, дав им то имущество, которым располагал. Я один пришел в оазис Дахла.

Люди помогли мне восстановить мои силы, и я остался с ними. Вернулся я в Фивы и сообщил о гибели армии. Перс убил бы меня. Жители оазиса почитали меня за мудрость и сделали своим правителем. Они дали мне рощу финиковых пальм, и я преуспевал. Взгляни: я честно поступал с ними, я давал им хорошие советы. Двадцать лет я счастливо жил среди них.

Руководи мною в Зале Правды, о Правитель Вечности. О Госпожа Хатор, имей сострадание к простому человеку, защищавшему слабых. О Хор, Царственный Сын, заступись за воина, не знавшего страха. Предопределите, чтобы сердце мое, взвешенное на весах, не оказалось тяжелее пера Маати, а мои внутренности не бросили Амаат, Пожирательнице Мертвых. Даруй моей душе живой поплоть по Татту, чтобы я мог вечно наслаждаться счастьем в Полях Удовлетворения Сехет-Иалу».

Когда Сильвия закончила, мы некоторое время сидели молча. Простые предложения, написанные на табличке, внезапно сделали «человека, который вернулся» неожиданно близким нам. И, хотя он умер за много столетий до рождения Христа, на мгновение показалось, что туман прошлого рассеялся и он лишь вчера пришел из пустыни — столь ясным и убедительным было послание, отправленное им в наш век.

Потом Сильвия достала список вещей, необходимых для нашей экспедиции. Гарри зачитал его, и мы распределили обязанности по подготовке к путешествию. Грузовики были доставлены на «Гемшпире», палатки и большая часть снаряжения уже приобретены, но мы планировали провести в пустыне пять недель, и нам надо было учесть все мелочи, которые могут потребоваться. Выслушав список необходимых вещей, я понял, почему Кларисса вложила столь большую сумму в экспедицию, не считая той, которой откупились от Лемминга.

Я просил Амина принять участие в приготовлениях, заранее приехать в Луксор и подыскать рабочих. Было также одобрено, что, если лицензия гида будет отобрана у него властями за участие в незаконных раскопках, мы выплатим ему соответствующую компенсацию, после чего он с готовностью согласился сопровождать нас. А когда мы сообщили ему, что цель нашего путешествия — поиск сокровищ, он обрадовался, как ребенок, возможности участвовать в таком интересном предприятии; мы решили, что он завтра же отправится в Луксор, а через пять дней туда прибудем и мы с грузовиками и прочим снаряжением.

Когда мы расстались, я собрался прогуляться до знаменитого кондитерского магазина Гроппи, чтобы запастись конфетами в герметически закупоренных банках, — пять недель — весьма долгий срок.

И, проходя мимо англо-египетского книжного магазина, случайно взглянул на большой лимузин, притормозивший у тротуара из-за дорожной пробки. На заднем сиденье автомобиля громоздилась куча багажа, а на переднем — сидела Уна, еще более прекрасная, чем тогда ночью, у нее дома, в Александрии.

Она не смотрела в мою сторону, а я не сообразил, что вряд ли она сможет узнать меня без наряда индейца с размазанным лицом, поэтому нырнул в дверь книжного магазина.

Одетый по-европейски, улыбающийся араб немедленно спросил, чем может быть мне полезен, но я нетерпеливо отмахнулся от него, и, глядя на автомобиль, размышлял, что делать. Я был уверен, что рано или поздно Уна встретится с Заки-бе-ем или О'Кивом и, хотя поиск сокровищ Камбиза лихорадил воображение, я знал, что для меня это лишь второстепенное дело.

Автомобиль наконец тронулся, и внезапно я понял, что сейчас мне никоим образом нельзя потерять Уну из виду. Рядом с магазином стоял велосипед и я торопливо спросил у продавца:

— Это ваш?

— Моего сына, сэр, — удивленно ответил он.

— Отлично! — вскричал я. — Обещаю вам вернуть его и заплатить за прокат; мне необходимо срочно воспользоваться им.

Одним прыжком я очутился около велосипеда, вскочил в седло и что было сил закрутил педалями, пытаясь догнать быстро удаляющийся лимузин.

Глава XV

ДРЕВНЯЯ ДОЛИНА

К счастью, недалеко от моста через Нил образовалась еще одна пробка, и я успел догнать лимузин, прежде чем он вновь тронулся. Однако меня беспокоило, что машина может повернуть в сторону Гезиры, и на шоссе я, несомненно, отстану.

Я искал взглядом такси, но безуспешно. В отчаянии я решил воспользоваться трюком мальчишек-рассыльных и рукой схватился за машину сзади, так, чтобы она тащила меня за собой.

Полицейский сердито закричал, но водитель, от которого меня заслонял багаж, не обратил на это внимания, и я с невероятной для велосипедиста скоростью пересек мост.

Я предположил, что Уна только-только приехала и направляется в отель «Мена-Хаус», но моя догадка не подтвердилась: миновав мост, лимузин свернул влево, на набережную Нила. Еще минута, и он, сбавив скорость, остановился недалеко от пристани, откуда вверх и вниз по Нилу отплывали плоскодонные пароходы с туристами. Я проехал до высокой пальмы и притаился, наблюдая за происходящим.

Из машины вышла Уна в сопровождении женщины, вероятно, горничной — та несла коврик, косметичку и другие личные вещи принцессы. Они поднялись на деревянную пристань и затем, по сходням, на борт одного из пришвартованных пароходов. Оттуда к автомобилю побежали арабские стюарды и начали выгружать багаж и относить его на пароход.

Оставив велосипед под пальмой, я подошел к пристани и спросил одного из них, на какое время назначено отплытие.

— Мы отплываем в час, эфенди, через пятнадцать минут.

— И все места заняты? — спросил я.

Он покачал головой.

— Дела идут не так, как прежде, эфенди. Раньше каждая каюта была бронирована на недели вперед, но в наши дни денег в мире стало меньше, и только в разгар сезона пароход бывает заполнен целиком.

— Благодарю, — сказал я и, сунув ему пять пиастров, затаропился на борт, к корабельному эконому.

Он оказался шведом, выглядел очень дружелюбно и сразу же согласился предоставить мне отдельную каюту с душем.

— Но как насчет вашего багажа? — спросил он. — У вас его нет, а мы отплываем через сорок минут.

Сойдя на берег, я схватил велосипед и что было сил закрутил педалями обратно через мост, к книжному магазину, где продавец-араб искренне обрадовался при виде меня и велосипеда сына.

Мне потребовалось десять минут, чтобы добраться на велосипеде до магазина, а еще через пять минут я, взяв такси, был у «Шефферда». Десять минут ушли на погрузку багажа, а я в это время успел нацарапать Гарри записку: «Уна отплывает сегодня в час тридцать. Я плыву на том же пароходе. Название не успел узнать. Путешествие в Луксор длится шесть дней. Встречаемся там. Привет Сильвии и Клариссе. Джулиан».

Управляющий «Шефферда» хорошо знал меня, поскольку прошлой зимой я на несколько недель останавливался здесь, и согласился прислать счет в отель «Зимний Дворец» в Луксоре. Попросив его передать записку Гарри, я прыгнул в такси, в двадцать семь минут второго вернулся на пристань, еще через две минуты мои вещи были погружены на пароход, и он отчалил.

На палубах было безлюдно, и корабельный эконом, проводив меня к моей каюте, сказал, что все отправились на ланч. Поэтому я не стал распаковывать багаж, а сразу решил пойти на нижнюю палубу, в столовую. Там находилось около тридцати человек. Несколько столиков пустовали, и я занял один из них. Уна тоже сидела за столиком в одиночестве, лицом ко мне, примерно в пятнадцать футов, и с любопытством смотрела на меня. Зная о ее близорукости, я не боялся, что она узнает меня с первого взгляда. Главное испытание было впереди, когда я заговорю с ней: голос мог выдать меня. Если она узнает во мне человека, называвшего себя Леммингом, мое шестидневное путешествие почти наверняка будет пустой тратой времени, если же нет — тогда я попробую поближе познакомиться с ней и кое-что разузнать.

Мы теперь на всех парах плыли вверх по Нилу. Надо сказать, нильские пароходики весьма необычны. Эти трехпалубные колесные суда с осадкой всего в несколько футов представляют собой фактически одну надстройку. Поэтому со всех палуб открывается почти одинаково хороший вид, и путешественник чувствует себя, словно в плавучем доме, поднятом высоко над водой. На нижней палубе — столовая и машинное отделение, на главной — большинство кают и уютный бар, на верхней палубе на корме — каюты-люкс и гостиная, а на носу — застекленная веранда для обзора. Для тех, кто плохо переносит море, но любит путешествовать на кораблях, плавание на нильском пароходике превосходное развлечение: поверхность реки неизменно гладкая, как стекло, при полной иллюзии плавания по безбрежному океану.

Когда был подан десерт, в конце салона появился араб с роскошным халате, и, театрально поклонившись во все стороны, хлопнул в ладоши, привлекая к себе внимание. Затем громко объявил:

— Леди и джентльмены, меня зовут Махмуд, и я ваш гид в путешествии по Нилу. Каждую ночь корабль будет вставать на якорь где-нибудь в удобном месте на середине реки, подальше от москитов, чтобы вы могли спать без помех. Каждый день мы будем где-нибудь сходить на берег, и я покажу вам много интересного.

Затем он приступил к изложению истории Египта в весьма краткой и несколько шутливой форме, явно рассчитывая на непосвященных.

Я сразу понял, что не воспользуюсь услугами мистера Махмуда ни как гида, ни как философа, ни как друга. Вероятно, он был по-своему неплохим человеком, но весь его живой интерес к работе давным-давно пропал, подорванный бесконечными повторениями одних и тех же лекций глубоко невежественным туристам, абсолютно ничего не знавшим о древнем Египте. Его заискивающая, полукомическая манера изложения, однако, служила для него верным способом получения хороших чаевых от простодушных слушателей, но мало пользы для любого европейца, хоть немного читавшего о египетской цивилизации.

Когда вечером мы сошли на берег, мои впечатления подтвердились. Он гремел скороговоркой, пересыпал речь бордатыми шутками, вызывавшими, тем не менее, смех. Однако больше всего досаждало, что он плохо знал материал: он верно излагал основные моменты, но его знание египетской истории было все же крайне поверхностным, и он безнадежно конфузился, когда его спрашивали о второстепенных богах обширного египетского пантеона, а символизм египетской религии, равно как и его чарующий внутренний смысл, был вообще неизвестен ему. Думаю, для большинства слушателей это не имело значения, но меня сильно раздражало, и вскоре я решил побродить самостоятельно.

Я уже бывал в Саккаре прошлой зимой вместе с Амином, но рисунки на гробницах, изображающие, как египтяне охотятся, ловят рыбу, считают скот, танцуют и собирают урожай, выглядят так свежо и ярко и столь разнообразны, что я обрадовался возможности еще раз осмотреть их, и даже остался там, когда Махмуд повел туристов к захоронениям священных быков. Они значительно больше захоронений в Александрии, где я скрывался, но представляют собой такие же вырубленные в песчанике пещеры без всяких следов рисунков или резьбы.

Обратный путь шел через прекрасные пальмовые рощи, растущие на месте некогда могущественного Мемфиса с его пятью миллионами жителей. Ни одного камня не осталось от некогда богатейшего города, одной из столиц Древнего Египта, процветавшей тысячелетиями. Автобус остановился в самом центре исчезнувшего города, и мы вышли осмотреть две гигантские статуи Рамзеса Великого, царствовавшего около 1250 года до нашей эры.

Одна статуя сильно треснула, и Махмуд сообщил, что это — результат землетрясения, случившегося в 27 году нашей эры. Землетрясение, о котором он упоминал, было необычайно сильным, разрушило и повредило многие храмы и статуи по всей долине Нила, случилось же оно, как я хорошо помнил, действительно в 27 году — но только до нашей эры. А, поскольку мне надоело выслушивать бесконечные неточности, я сказал ему об ошибке.

Он неодобрительно улыбнулся и поспешил заверить меня, что я неправ. Я предложил ему поспорить на фунт и, вернувшись на пароход, заглянуть в путеводитель, но он отказался.

С моей стороны было, возможно, несколько бестактно ставить под сомнение его компетентность перед туристами, жадно ловившими каждое слово, но этот инцидент неожиданно сослужил мне добрую службу.

Я намеренно избегал попыток заговорить с Уной во время экскурсий, но, когда я возразил Махмуду, она стояла недалеко от меня, и, едва наша группа двинулась дальше, сама подошла ко мне.

— Мне очень понравилось, — сказала она на ломаном английском, — как вы осадили этого глупца. Слушать его — просто оскорбительно для образованных людей.

— Благодарю вас за поддержку, — ответил я. — Хотя мне, признаться, теперь весьма неловко за мою несдержанность. Для большинства туристов не имеет никакого значения точная дата землетрясения, и он выполняет свою работу, как умеет.

— Не в этом дело, — торопливо возразила она. — Эти люди приехали в мою страну узнать о ее великом прошлом и должны получить точную информацию, даже если и не разбираются в истории.

— Так вы египтянка? — улыбнулся я. — Весьма неожиданно обнаружить уроженку страны, путешествующую с группой туристов.

Она вновь рассмеялась.

— Разве не то же самое случается во всем мире? Иностранец, попав в Лондон, торопится посетить Вестминстерское аббатство и Тауэр, но коренной лондонец может ни разу не побывать там. Я прожила в Египте большую часть жизни, а что мне известно о его памятниках? Ничего. Год назад мне попался роман о Древнем Египте. Я заинтересовалась прошлым своей страны и прочла несколько серьезных книг. Зимой я посетила Луксор и была потрясена тем, что увидела. Теперь я опять направляюсь туда и по дороге хочу осмотреть достопримечательности долины Нила.

Эти слова заставили меня по-иному взглянуть на нее. В конце концов даже у особы, вовлеченной в преступную деятельность, могут быть интересы, как и у всех людей, и Уна вполне могла выбрать поездку по Нилу, если направлялась в Луксор.

Когда мы вернулись на пароход, на прогулочной веранде подали чай, и вполне естественно, что мы с Уной оказались за одним столиком. Она спросила меня, не владею ли я французским, и, услышав утвердительный ответ, предложила мне перейти на него.

Я готов был поздравить себя с удачей и предвкушал удовольствие от пребывания в обществе красивой молодой женщины, разделявшей, к тому же, мои интересы.

На время обеда мы расстались, но встретились вновь за кофе и ликером, и она сказала, что глупо есть за разными столиками, когда можно сидеть вместе. Я нисколько не возражал, и внутренне порадовался, что инициатива исходила от Уны.

Мне не хотелось, чтобы у нее возникли какие-то подозрения, а в моих поступках она увидела что-либо отличное от поступков нормального молодого человека, встретившегося с привлекательной девушкой.

Вскоре я обнаружил, что прекрасная Уна обладала живым умом и была превосходно образована. Она была довольно маленького роста, — едва доставала мне до плеча, зато формы ее хорошо ухоженного тела были идеально правильными, и я обратил внимание, что одежда ее — из лучших магазинов.

В эту ночь мы встали на якорь у Аль-Васта, и около одиннадцати большинство пассажиров разбрелось по каютам. Уна тоже сказала, что пора отправляться спать, и я не удерживал ее, зная, что впереди у нас достаточно времени.

Второй день плавания вверх по Нилу наименее интересен во всем путешествии. На протяжении почти ста миль на обоих берегах реки нет никаких памятников, но меня более занимала Уна, чем древности, и время прошло замечательно.

Это был один из тех, весьма редких в жизни каждого человека дней, который предстояло провести без всяких определенных занятий, и что может быть лучше, чем коротать его рядом с экзотической красавицей, наслаждаясь ее вниманием и расположением?

Она рассказала многое о себе, о своей жизни в Александрии и о путешествиях за границу. Однако ни словом не обмолвились ни о Закри-бее, ни об иных интересующих меня людях или о предметах, имеющих к ним какое-то отношение, а я был слишком осторожен, чтобы задавать наводящие вопросы на столь ранней стадии знакомства.

Я вполне довольствовался беседой с Уной и созерцал широкую, лениво текущую реку и живописные арабские суденышки на ней. Длинные участки обработанной земли простирались до самой линии холмов, обозначающих границу пустыни, на полях неторопливо трудились феллахи, используя те же примитивные методы, что и бесчисленные поколения их предков.

Время от времени мы проплывали мимо какой-нибудь финиковой рощи на берегу, где гнездилась небольшая деревушка, или

попадало в поле зрения водяное колесо, вращаемое осликом, ходящим по кругу, а иногда методы орошения были еще более примитивными, и мы видели группы арабов, обнаженных до пояса и мокрых от пота, носящих ведрами на длинных палках воду из Нила и выливающих ее в оросительные каналы.

Одно из самых очаровательных зрелищ во время плавания по Нилу — это закаты. Нигде в мире не увидеть столь невероятных красок, причем вечернее небо здесь почти всегда безоблачно, и закаты длятся не менее получаса.

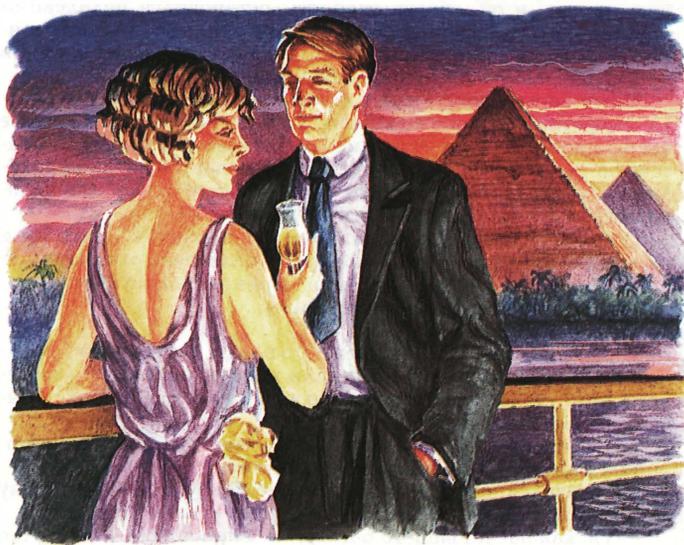
Пока мы с Уной любовались им, на горизонте показался небольшой караван — около двадцати верблюдов, шедших друг за другом к пальмовой рощице на краю арабской деревушки, и невозможно описать красоту этой молчаливой процессии, двигавшейся на фоне пылающего заката.

Этим вечером мы выпили за обедом бутылку шампанского, а затем решили взять пальто и посидеть на палубе, где можно разговаривать свободнее, чем на переполненной веранде. Со вчерашнего вечера мы провели вместе более полусуток и успели обсудить самые разные вопросы: от египтологии до парижских мод и от китайского поклонения предкам до любви.

В ответ на мой вопрос о замужестве Уна сказала, что вышла замуж в шестнадцать лет, в девятнадцать овдовела, а сейчас ей шел двадцать второй год. Наследовав состояние, сделавшее ее независимой, она стойко сопротивляясь всем попыткам родственников вторично выдать ее замуж; и не потому — добавила она с очаровательной искренностью, — что ее не привлекало супружество, а потому лишь, что она твердо решила по меньшей мере ближайшие десять лет не связывать себя с каким-то одним мужчиной. В ответ я тоже дал понять, что, не возражая против некоторых радостей семейной жизни, пока не собирался жениться.

Выложив таким образом свои карты на стол, мы замолчали, и каждый размышлял о том, как могут сложиться наши отношения. Что касается меня, то ее связь с организацией О'Кива и некоторая неразборчивость в знакомствах нисколько не влияли на мои чувства к ней. Если удастся выудить из нее что-либо насчет О'Кива — прекрасно, если нет — я смогу рассматривать поездку как приятное развлечение.

Когда наконец настало время отправляться спать, и мы встали со скамейки, я неожиданно крепко обнял ее, приподнял и поцеловал. На мгновение ее мягкое теплое тело прильнуло ко мне, и она с удовольствием раскрыла губы для поцелуя, но в следующую секунду больно укусила меня за нижнюю губу.

Это было внезапное и весьма болезненное напоминание о том, с какой мегерой я имею дело. Я выпустил ее, и она, весело смеясь, убежала к себе в каюту.

На следующее утро наш пароход рано на восходе отплыл от Минии и вскоре после завтрака уже остановился у Бени-Хасан, где предполагалась высадка на берег.

Уна появилась на палубе в момент, когда нагруженные камерами, биноклями и зонтиками от солнца туристы сходили по трапу. Я заметил легкую улыбку, когда она взглянула на мою слегка распухшую нижнюю губу, но, пожелав ей доброго утра, я ни словом не обмолвился о вчерашнем прощании и немедленно взял на себя роль эскорта.

Пожалуй, единственной достопримечательностью Бени-Хасана является вырубленная высоко в скале длинная терраса, где находятся тридцать или сорок гробниц времен XI и XII династий. Туда нельзя проехать на автобусе, и туристам приходится пользоваться ослими, которых феллахи приводят с по-

лей, когда видят приближающийся к деревне пароход. Уна, очевидно, знала об этом, поскольку на ней были брюки для верховой езды, а в руке она держала небольшой хлыст.

Неимоверный гам стоял на берегу — десятки арабов, рассчитывая на щедрые чаевые, наперебой предлагали пассажирам своих ослов, а целые толпы продавцов бус, подделок под древности, ковров ручной работы и всевозможных безделушек настойчиво рекламировали свой товар.

Мне удалось раздобыть пару ослов, с виду наименее изъеденных блохами, и мы с Уной, не дожидаясь остальных, поехали к гробницам, выглядевшим снизу, как многочисленные окна на фасаде здания. Разговаривать было практически невозможно — около нас непрерывно тараторили шесть или восемь арабов, подгоняя наших ослов, когда мы хотели, чтобы они шли шагом, или хватаясь за поводья, когда мы пытались поехать быстрее. Те, кто постарше, непрестанно выкрикивали нам в уши, что они, дескать, лучшие в мире погонщики ослов, а мальчишки выпрашивали бакшиш или сигареты.

Я чуть было не разразился арабскими ругательствами, но вовремя осекся, вспомнив, что Уна не подозревает о моем знании языка, и решил, что мне это может когда-нибудь пригодиться. И такой случай не замедлил представиться. Моя сдержанность спасла мне жизнь несколькими часами позже, а по-прежнему были успешно разогнаны без всяких усилий с моей стороны — Уна вскоре начала щедро хлестать хлыстом направо и налево, не скрывая при этом, что она думает об отцах, матерях и прочих предках наших сопровождающих, а также о потомстве, которое они в свое время произведут.

Мы осмотрели только три гробницы — расположенные рядом друг с другом большие квадратные камеры, вырубленные прямо в скале, но их росписи были лишь скромным подобием тех, что мы видели в Саккаре, и выполненных на много веков раньше.

Во время ланча наш пароход отплыл и остановился в три часа пополудни в Тель-эль-Амарне, где мы вновь сошли на берег.

Здесь, на восточном берегу, пустыня начинается почти сразу за Нилом, и это спасло древний город от полного разрушения. Все другие города древнего Египта строились на плодородных землях, и когда приходили в упадок и разрушались, место перепахивалось или засаживалось пальмами. Здесь же это было невозможно, и через три тысячи лет низкие стены кирпичных домов кое-где все так же образуют улицы, а недалеко от берега сохранились и руины дворца.

Для случайного путешественника это были просто развалины древнего города. Но для всякого, хоть немного читавшего об истории Египта, Тель-эль-Амарна представляет особый интерес.

Во времена царствования XVIII династии, когда империя была в зените могущества и простиралась от Судана до Месопотамии, аристократ Иуа и его жена Туа изменили ее судьбу. Они сами не были египтянами, но поселились в Египте, а их дочь Тия стала супругой Аменофиса III. Когда фараон умер, чужеземная царица и ее родители воспитали ее юного сына Аменофиса IV в духе странного учения.

Они утверждали, что египтяне ошибались, почитая многочисленных богов, и что существует всего лишь один Бог, являющийся отцом не только египтян, но вообще всех людей, и он представлен в солнечном диске, дающем тепло и свет всем. Юный фараон стал фанатичным приверженцем учения своей матери, взял себе новое имя — Эхнатон, что означает «Возлюбленный Солнца», приказал своим подданным принять новую религию и открыто игнорировал власть могущественных жрецов старых богов в своей столице, в Фивах.

История следующего десятилетия Египта это история борьбы фараона-еретика со жрецами Амона. Поняв, что он не может победить их в столице, он построил себе новый город ниже по реке, в Тель-эль-Амарне.

Он жил там жизнью философа и мечтателя, а между тем великая империя приходила в упадок. Вместо указаний своим генералам относительно обороны городов в Палестине, он беседовал с ними только о братской любви или же заставлял целыми днями просиживать в приемной, отказываясь принять их.

После смерти Эхнатона фараоном стал его юный сын, также воспитанный в духе новой доктрины, однако вскоре подпавший под влияние жрецов старой религии. Они перевезли его назад в Фивы и дали имя Тутанхамон, но его царствование также оказалось коротким, он умер молодым и был похоронен в гробнице, известной теперь всему миру. Еретическое учение подверглось гонению, а новым фараоном и основателем XIX династии стал талантливым военачальник Хоремхем. Он вскоре отогнал семитских захватчиков, но Египет уже не смог вернуть себе богатые города и обширные территории в Азии, потерянные мечтателем Эхнатоном.

Мы с Уной оседлали пару крепких ослов, избежали от местных попрошайек и поехали по берегу реки, чезав пальмовую рощицу к развалинам дворца фараона-еретика.

Махмуд предложил поехать прямо через равнину и осмотреть некоторые каменные гробницы, но мы с Уной устали от него и от толпы и решили, что нам доставит куда большее удовольствие посещение гробницы самого Эхнатона, находящейся

где-то в миле или двух отсюда. В свете более поздних событий теперь мне кажется, что именно Уна предложила отправиться туда, хотя тогда я думал, что идея принадлежала мне.

Тропа к гробнице Эхнатона идет сначала в ущелье между холмами, а затем вдоль мелкого вади. Даже при ярком солнечном свете здесь несколько жутковато. Вокруг нет ни малейших следов человеческой деятельности, и создается впечатление, что до ближайшего поселения сотни и сотни миль.

По сторонам тропы возвышаются голые скалы и лишь кое-где пробиваются крохотные пустынные маргаритки и карликовые кусты, умудряющиеся расти в совершенно безводных местах, обходясь только собираемой ими ночной росой.

Путь оказался длиннее, чем я предполагал. Наши ослы были смиренными ручными животными, но из-за неровностей почвы им приходилось в основном идти шагом, и прошло не менее часа, прежде чем мы добрались до гробницы. В сотне ярдов от нее стояло единственное жилище, возле которого девочка с растрепанными волосами пекла хлебные лепешки. Заметив нас, она отогнала вьющихся вокруг мух и поспешила позвать отца. Он выглядел отъявленным злодеем и держал в руках древнее охотничье ружье, — вероятно, как признак того, что был все же сторожем, — но, получив сигарету, он проводил нас к гробнице и отпер железную решетку, закрывающую вход. Мы привязали своих ослов и прошли внутрь.

Гробница вряд ли заслуживала бы внимания, если бы не то обстоятельство, что в ней некогда находились останки человека, основавшего новую религию. Росписи на стенах сохранились весьма плохо, и среди них нет обычного для царских гробниц сюжета: фараона, приносящего жертву длинному ряду богов и богинь. Вместо этого везде были бесчисленные изображения солнечного диска с лучами, исходящими из него и оканчивающимися ладонью руки, символизируя жизнь и свет, изливаемые солнцем на фараона, его семью и все живое. Когда мы вышли наружу, я дал сторожу на чай, и он вернулся в свою хибару. Затем, взглянув на часы, я сказал, что самое время отправляться в обратный путь.

Однако Уна придерживалась иного мнения. Она сказала, что сейчас только половина пятого и что пароход, покинув Тель-эль-Амарну, доплывет лишь до Бени-Мухаммеда, где станет на якорь на ночь, поэтому, на ее взгляд, нет причины торопиться.

— Нам потребуется час с лишним на обратную дорогу, — сказал я, — и мы вернемся на берег не раньше шести. Я сомневаюсь, что наша группа проведет на берегу больше трех часов, поэтому мы только-только успеем, если отправимся прямо сейчас.

— Если вы этого боитесь, возвращайтесь один, — пожалала она плечами. — Я найду дорогу и без вас.

— Не говорите глупости. Вы отлично знаете, что я беспокоюсь только о вас.

— Хорошо. Позвольте мне немного отдохнуть, у меня ноги совсем подгибаются. Посидите рядом со мной.

Она выглядела столь одинокой в этой молчаливой пустынной долине, а ее лицо, обрамленное темными вьющимися волосами, казалось таким привлекательным, что, должен признаться, меня не потребовалось долго убеждать.

— Я готов оставаться здесь сколько угодно, — улыбнулся я, когда она уселась у скалы. — Но, думаю, вам не очень удобно опираться спиной о камень. Не лучше ли использовать в качестве опоры мое плечо?

Я слегка обнял ее, и она положила голову мне на грудь.

— На этот раз без укусов, — тихо сказал я.

Она рассмеялась:

— Рискните...

Я рискнул, и в результате мы оказались в объятиях друг друга на мягком теплом песке.

Сколько времени мы оставались там, сказать трудно — в таких случаях оно всегда летит слишком быстро. Мы с Уной не были новичками в этой игре, и она позволила мне сделать с собой все, что моему сердцу было угодно, — правда, до определенных пределов. Однако, когда ставится предел, подобная игра не может длиться бесконечно, и Уна, наконец, остановила меня.

— У нас впереди еще много времени, дорогой, — сказала она, вставая, — и, на мой вкус, песчаное ложе грубовато. Думаю, все же нам стоит вернуться.

Мы еще раз поцеловались, отряхнули песок с одежды, сели на ослы и тронулись в обратный путь, подгоняя их изо всех сил. Однако, когда солнце коснулось горизонта, мы все еще были в дороге. Я полагал, что капитан уже устал проклинать нас, а мое воображение рисовало любопытных пассажиров, выстроившихся вдоль поручней и наблюдающих за нашим возвращением. И лишь одного я никак не мог ожидать: когда мы выехали на заросший пальмами берег, парохода на стоянке уже не было.

Продолжение следует

Перевел с английского А. КУЗЬМЕНКОВ
Рисунки В. ФЕДОРОВА

ЛОЖКОЙ ЛЕТТЕШКОЙ И ТРОСТО РУКОЙ

Из записок исследователя систем питания, в которых говорится, что есть можно по-разному: ложкой, вилкой, палочками, лепешкой, руками; при этом выясняется, что хотя главное — не чем есть, а что, но все-таки от этого зависит и сам характер пищи и застольный этикет; чужие же обычаи — вовсе не плохи оттого только, что они не похожи на наши.

В июне 1954 года мы с моим другом Костей окончили школу и стали официально взрослыми. Так, по крайней мере, казалось нам. Правда, мы подозревали, что окружающий мир нас таковыми еще не признает. Но некоторыми привилегиями взрослости мы могли уже наслаждаться открыто, не опасаясь родительских преследований.

Мы встретились у булочной на углу Лялина и Большого Казенного переулка, закурили и стали обсуждать, как отпраздновать прощание с детством. Хотелось провести время между школой и подготовкой к экзаменам в институт так, чтобы впоследствии не было мучительно больно за бесцельно проведенные несколько дней.

Погода была чудесная, в такую бы — будь мы еще маленькие — самый раз гулять на каникулах. Цвета весна советско-китайской дружбы, по радио по нескольку раз в день бодро пели «Москва-Пекин» и в столице открылся первый в стране китайский ресторан «Пекин». Здание одноименной гостиницы еще не достроили, но уже приехали китайские кулинары и приступили к обучению наших поваров в помещении не очень большого ресторана у парка культуры и отдыха им. Горького. Кулинаров в Китае отобрали лучших, и газета «Вечерняя Москва» опубликовала интервью с руководителем их группы тов. Цзя. Он с глубокой радостью отмечал то чувство энтузиазма, которое охватило китайских товарищей при мысли о

том, что их скромный труд послужит укреплению дружбы между обоими народами. Так, опытный специалист шанхайской кухни тов. Ся Вэйхун обязался собственноручно приготовить 1000 изысканных блюд из свинины и обучить своему искусству десять советских товарищей.

«Вечернюю Москву» читали наши родители. О самих блюдах газета не распространялась, уделив большее внимание энтузиазму и дружбе. Однако сама статья энтузиазма среди москвичей не вызвала, ибо подавляющее большинство о китайской кухне знало лишь то, что китайцы едят всякую гадость: червей, лягушек и даже, как говорили побывавшие в войну в Маньчжурии, мух.

Мы с Костей были начитанными мальчиками из интеллигентных семей. Года три назад под Ригой, где мы отдыхали и познакомились, мы очистили чердак одного частного дома от книжных завалов (с разрешения домовладельца, разумеется). Книги были изданы на русском языке в буржуазной Латвии. Среди них больше всего было криминальных романов английского писателя Эдгара Уоллеса с портретом автора в нижнем правом углу обложки. Уоллес держал в зубах трубку для опиума — длинную, с маленькой чашечкой. Во многих романах действие происходило в китайском квартале Лондона, в опиекурительных и прочих злачных местах. Прежде чем книги безвозвратно разошлись по нашим приятелям, мы их успели прочитать и хорошо запомнили.

Поэтому решение пришло быстро: в «Пекин». Некоторыми средствами нас снабдили родители, кое-что мы организовали себе тайно от них. Тогда во множестве существовали скупочные пункты букинистических книг, где паспорта не спрашивали, а при больших библиотеках в родительских домах исчезновение двух-трех томов в глаза не бросалось.

Что было приятно — никто не спросил нас при входе: зачем это мы сюда пришли. Народ не очень стремился познакомиться с мастерством группы, руководимой тов. Цзя, среди членов которой особенным искусством выделялся товарищ Ся. Нас усадили и подали меню.

Ни до, ни после я никогда не встречал такого изобилия! И таких низких цен. Но если бы там встретилось хоть одно название, которое мы могли бы понять! Мясо с корнем «фу-шоу», грибами «муэр» и цветками «хуан-хуа». Пурпурная свинина «хун-лон». Мясо пяти ароматов.

— Представляю себе эти китайские ароматы, — сказал Костя.

Я согласился. В зале действительно витали ароматы весьма непривычные, хотя и не неприятные.

Целую страницу занимали бульоны. Мы поинтересовались, что такое бульон «хашима».

— Из лягушачьих лапок, — отвечал с гримасой официант.

Молодой парень, он только что начал свою китайскую работу и тоже к ней пока еще не привык.

— Воздержимся, — твердо сказал консервативный Костя.

В конце концов мы набрали обед из нескольких блюд: первое, два вторых, хлеб. На вкус все оказалось просто отвратительным, и, покосившись вилками, глубоко разочарованные, мы покинули «Пекин» с намерением никогда не посещать его впредь, но с убеждением, что слухи о китайской кухне — справедливы, а мы ее теперь знаем.

Продолжили мы свои гурманские похождения в тоже только что открытой в парке гэдээровской пивной, где стояла изрядная очередь. Мы от-

стояли ее, на вопрос милиционера о возрасте попытались выдать себя за студентов, были — из-за незнания реалий студенческой жизни — разоблачены конкурентами, но не обиделись, были впущены и безобразно завершили день — не отличаясь этим от сотен поколений сопляков, только что сменивших штанишки с лямками на мешковатые брюки. И об этом — все, к нашему дальнейшему рассказу это отношения не имеет.

Отношение имеют, однако, те ошибки, которые мы совершили, принявшись за китайский обед. Узнал я об этом несколько позже, в университете.

На следующем за нами курсе училось много китайцев. Два первых ряда в большой аудитории всегда были темно-синими: их плотно заполняли китайцы в аккуратных темно-синих мундирчиках. Среди них учился плечистый парень по имени Шэн Цзянпин, очень культурный и деликатный юноша. С ним можно было поговорить на разные темы — этим он приятно отличался от своих китайских товарищей. Родом он был из Шанхая, и когда рассказывал о родном городе, я вспомнил о мастере шанхайской кухни тов. Ся и поделился с Шэном воспоминаниями о нашем с Костей походе.

— О-о, шанхайская кухня, — произнес Шэн Цзянпин, мечтательно прикрыв глаза. — Мне ее не хватает. Не только в Москве. А даже в Пекине. Целый год учил там русский язык. Но отъедался только, когда вырывался домой. Мама всегда делала.., — и он начал рассказывать о маминном столе так увлеченно, что разжег у меня аппетит и такое любопытство, что я напрочь забыл о своих сомнениях насчет пяти ароматов и прочего фуюшу.

Короче говоря, мы договорились, что в ближайший свободный день вместе сходим в «Пекин». Я брал на себя финансовое, Шэн Цзянпин — научное руководство. Кроме того, он попросил меня не рассказывать о нашем мероприятии его землякам: подобный несанкционированный поход в ресторан они могли расценить как рецидив буржуазных нравов.

К этому времени «Пекин» покинул помещение у ЦПКиО и обосновался на полпути ко все еще не достроенной гостинице «Пекин» — в нынешнем ресторане «Будапешт» (урожденная «Аврора»). Мы заняли столик на галерейке, и Шэн, прилежно изучив иероглифическую часть меню, приступил к заказу. Меня еще удивило, что, кроме риса, ни одно блюдо не заказывалось в двух экземплярах. Даже бульон он попросил один — и чтобы в самом конце. Официант кивнул.

— Палочки, пожалуйста, — добавил мой спутник, — сою тоже.

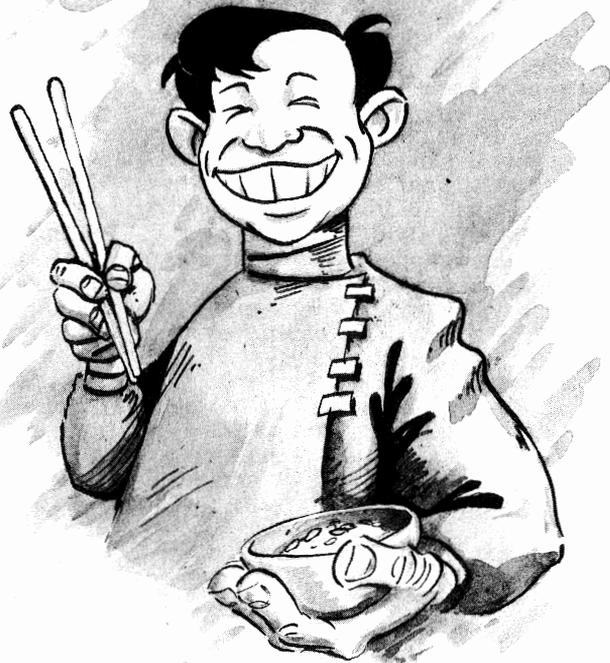
О том, что китайцы едят палочками, я, конечно, слышал. Не знал только — как. Как и большинство только слышавших, я предполагал, что по палочке нужно держать в каждой руке и, орудуя ими, зажимать куски пищи. Хорошо, что я еще никогда не пытался применить это

свое полужизнь на практике. Задно я был уверен, что концы палочек острые, и большие куски — вроде отбивной — протыкают ими и, держа у рта, откусывают. Естественно, что в моих представлениях палочки заменяли и ложки, но как есть ими суп, я даже и не думал.

Пластмассовые палочки оказались с тупыми, слегка закругленными концами. Шэн Цзянпин изящным, почти незаметным движением взял их правой рукой и слегка пошевелил указательным пальцем. Концы палочек чуть раздвинулись и тут же сомкнулись. Я тоже взял палочки. У меня они как-то не умещались в руке. Я попытался разомкнуть концы, но мне мешал средний палец: он то попадал между палочками, то не давал им разойтись. Мой наставник терпеливо повторил свои движения. Я повторил нелепую пародию на них. Шэн положил одну палочку на стол и показал мне оставшуюся. Одним концом она плотно лежала в ложбинке между большим и указательным пальцами, опираясь почти посередине на последнюю фалангу среднего. Большой палец косо лежал на палочке, твердо прижимая ее левым краем подушечки. Шэн взял вторую, зажав ее правым краем подушечки большого пальца и вытянутым указательным. Повел указательным: первая палочка осталась неподвижной, а вторая словно приросла к указательному пальцу и покорно следовала его движениям.

Я постарался повторить его действия, и мне почти удалось это. Захотел взять спичечный коробок, но он никак не захватывался: палочки как-то косо шли, никак не пересекаясь, как параллельные линии в учебнике геометрии. Когда же они пересекались, то зажимали не коробочку, а мой ближайший палец. Шэн деликатно взял мою руку в свою и постучал кончиками палочек по столу: длина палочек тут же сровнялась. Я вновь попробовал захватить коробок. К моему восторгу, он схватился, и довольно прочно. После нескольких удачных опытов я почувствовал себя увереннее.

И очень вовремя. Подали заказанные блюда. Перед каждым поставили по пиалушке с белым рассыпчатым рисом, а все остальное — тарелочки четыре — в центре и тут же мисочку с остро пахнущей черной жидкостью: соей. Далее мне оставалось следовать за своим наставником, который сперва налил немного сои в крошечное блюдечко рядом с рисовой пиалой, потом, ухватив чуть-чуть еды из первой тарелки, ловко макнул ее в сою, положил на рис, чуть поме-

шал и, ухватив уже с рисом, отправил в рот.

После этого он благожелательно улыбнулся мне. Я с меньшим успехом повторил его действия, не очень-то веря, что смогу схватить и рис. Но, к моему удивлению, вершина рисовой горки в пиале мгновенно пропиталась соусом и как бы склеилась, а потому взять ее оказалось не очень трудно. Но, конечно, половина той щепоти с блюда, которую я уцепил, и опустив в сою, осталась там. И все же процесс пошел.

Шэн попробовал от каждого блюда, потом стал варьировать их сочетания, любезно объясняя мне, как все это делается. Получалось очень вкусно, более того, создавалось впечатление, что мы едим не четыре скромных порции, а минимум — шестнадцать, и все разного вкуса. Сытость создавал рис, хотя мы съели его по малой пиале — из таких узбеки пьют чай. Соя же не только создавала соленость, но и подчеркивала вкус.

Вспомнив, как мы проходили курс молодого китайца с Костей, я понял, что насытиться порциями такой величины, орудуя привычной вилкой, мы и не могли. А главное — вкус хлеба, кислотный и такой родной, никак не сочетался с жирными и слизистыми подливками, полусырыми овощами и неожиданно сладковатым мясом.

Когда подали бульон, мы разлили его по пиалам, уже освобожденным от риса, палочками съели какие-то ломтики мяса и овощей и выпили ароматную горячую жидкость с привкусом всего съеденного нами обеда.

Сытые, но без тяжести в желудке и очень довольные, мы поклонились

друг другу, поблагодарив за прекрасное проведенное время.

Но еще два дня у меня сводило пальцы.

«И ЕДЯТ-ТО...»

Как-то я просматривал подшивку нашего журнала за 1897 год. Надо сказать, что «Вокруг света» старейший в России журнал, и найти в нем можно буквально все: я наткнулся на очерк о Японии. Европа и российское просвещенное общество тогда с трудом привыкали к откровенно неевропейской Японии, всё более уверенно занимавшей место среди развитых держав мира. И автор статьи, г-н Н.Г. описывал страну, не скрывая своего удивления. Он встречался с японцами, получившими образование в Европе, с интеллигентными дамами, рассуждавшими о творчестве и идеях графа Льва Толстого — «конту Торустой» — и не находил в них разницы с нашими соотечественниками и другими европейцами (если не считать лиц, само собой). И потрясенный этим, он записал: «...Эта дама глубоко и с таким знанием дела судила о г-н Л. Толстом и о новинках парижских журналов, что с трудом можно было себе представить, как, придя домой, она будет поклоняться сделанному из глины Будде, сидеть на полу и есть палочками...»

Оставим в стороне рассуждения о Будде, не имеющем отношения к нашей теме. Но, заметим, палочки вместо вилки тоже представляются образцовым, но глядящему на мир с европейской точки зрения автору признаком дикости и нецивилизованности. Почему? А потому, что мы так не едим. И больше не почему.

Еще более резкое отношение встречается к тому, что многие народы едят руками. Совсем недалеко, кстати, в Средней Азии, на Кавказе. И вообще, в огромной части Азии и Африки. Автор этих строк не так уж давно разделял такие же взгляды, не задумываясь совершенно над тем, а что же в этом плохого? Впрочем, так воспринимается все непривычное.

Московский университет времен нашей молодости — середины 50-х годов — был тем местом, где мы — продукт раздельного обучения и изолированного общества — впервые столкнулись носом к носу с ровесниками из разных стран, зачастую весьма экзотических и далеких. Мы с моим другом Володей Кузнецовым, помнится, допытывались у бирманского студента У Тин Мья, как его фамилия.

— А никак, — отвечал Тин Мья. — У — это «господин», сразу видно, что я мужчина, женщина была бы «До». А дальше только мое имя.

— Да, — говорили мы, — но как же узнать, кто твой отец, из какой ты семьи?

— А зачем? — искренне удивлялся Тин Мья, — кому это нужно? А вдруг мой отец — преступник, зачем же мне стесняться?

Ответить «зачем» мы не могли, но, будучи детьми страны, где «сын за отца не отвечает», да и обладая неко-

торым (у обоих) семейным опытом по этой части, мы не могли не оценить достоинства бирманской антропоники. Но все же остаться без фамилии нам было бы неуютно.

А у индийского стажера Пратапа Сингха, взрослого мужчины, тепло к нам относившегося, мы, осмелев, поинтересовались: верно ли, что индийцы едят руками? Мистер Сингх окончил университет в США, и мы, честно говоря, ожидали, что, признав этот факт, сам он от таких привычек отмежуется. Но мистер Сингх факт подтвердил и добавил, что дома, в Индии, он предпочитает есть руками: так гораздо вкуснее, чем ощущать во рту привкус металла. И вообще, руки он моет сам, а ложки — слуги, в добросовестности которых он не может быть полностью уверен. Крыть этот аргумент было нечем, и мы уверенно кивнули. Слуг в наших семьях не было. (Наш мудрый не по годам друг, вьетнамский студент Ле Суан Ту этих объяснений не принял. А кто ему готовил, спросил он, разве не слуги? Впрочем, сам Ту, как и многие вьетнамцы и китайцы, относился к народам, употребляющим вместо палочек руки, несколько свысока. Не будем судить его строго: чем в этом он отличался от нашего соотечественника г-на Н.Г.?)

Кстати, в самой Европе все еще ели руками, когда предки Ту давно употребляли покрытые лаком палочки и изысканные фарфоровые пиалы. И в древней Греции, и в Риме просто держали куски мяса в руке, иногда придерживая под ним кусок хлеба. Ножи были просто запрещены за столом, из опасения, что перепившиеся гости перережут друг друга. Потом в богатых домах за спинами гостей стали ставить рабов с ножами. Нарезав еду, они тут же убирали ножи от греха подальше.

И лишь во времена Возрождения где-то в Италии в шутку разложили на столе миниатюрные копии крестьянских вилок. Неожиданно шутка пришлась по вкусу всем и со стремительной скоростью распространилась по Европе, а потом и по всему миру. Удобный прибор, при помощи которого можно было есть даже жирную и сочную пищу, не рискуя запачкать ни рук, ни кружевных манжет. Но еще в нашем веке вилка зачастую оставалась принадлежностью «культурного» — господского городского обихода. Крестьяне во многих частях Европы пользовались вместо нее ножами и носили их, нужные для любого жизненного случая, за голенищем. Традиции этого сохраняются кое-где даже сейчас.

Как-то, будучи в Венгрии, я поехал с большой компанией за город. Консервы, сало и хлеб, а также стручковый перец-паприку взяли с собой. Разожгли костерок, подогрели консервы. Все были возбуждены ожиданием простецкой еды на свежем воздухе, немножко выпили — прямо из горла, подогрели в большой консервной банке какое-то мясное блюдо с обильной подливкой. Запах разлился дивный, легкий осенний холодок распял аппетит. С шутка-

ми и прибаутками, приличествующими мужской трапезе у костра, все присутствующие достали из карманов складные ножи и приступили было к еде, как вдруг кто-то заметил, что я сижу без ножа. Это всех удивило, ибо в Венгрии мужчина без складного ножа из дому не выходит. Кто-то сбегал к машине и принес мне нож. Это мне помогло мало: я проявил завидную неспособность есть ножом. Куски падали с лезвия еще раньше, чем я мог приблизить их ко рту. Мои же спутники орудовали ножами столь сноровисто, что у них не проливалось ни капли подливки. Старая пастушеская традиция, говорили мне, как бы объясняя разницу в нашем умении исконным кочевым наследием венгров. Насколько я знал присутствующих, предки их, если и были когда пастухами, то уж во всяком случае не на обзорном отрезке истории. И тем не менее, пастушеские — а скорее крестьянские — традиции стойко держатся даже среди горожан умственного труда.

Я все же вышел из положения: тем же ножом срезал две кривоватые, но прочные веточки и, мысленно воздав хвалу своим азиатским учителям, быстро догнал, если не перергнал, вооруженных ножами сотрапезников.

Полное же разнообразие методов еды довелось мне увидеть в Индии. Вообще-то, когда я вспоминал доктора Пратапа Сингха, предпочитавшего собственные руки столовым приборам, надо было указать, из какого района страны он родом. Кажется, он был пенджабцем. В Пенджабе я не был.

А вот на юге Индии, который я объездил с делегацией по культурному обмену, нас кормили обычно отдельно от хозяев. Разве что кто-нибудь из районного или городского начальства разделял с нами трапезу. Эти люди, так же, как и сопровождавший нас доктор Рао, ели совершенно на европейский манер — ну разве что воздерживались от мяса или хотя бы только от говядины. В одной загородной резиденции в штате Тамилнад мы сидели в зале и с нами начальник полиции, прилетевший из Дели. В зале мелькали вилки и ножи. В дальнем углу, стоя, обедали полицейские лейтенанты; они ели то же самое, но ложками.

Личный состав охраны — я увидел их, выйдя покурить — получил пищу отдельно. Нижние чины — кроме двоих, которые, очевидно, бдительно несли службу, первым делом разули и с облегчением шевелили пальцами ног. Они сняли фуражки, расселись на земле и с аппетитом запустили кончики пальцев — рук, естественно, — в общее блюдо.

В другом штате — Керале — прогрессивный местный министр, плечистый мужчина в демократической темной юбке, с резкими жестами, которые могли показаться агрессивными, не будь содержание его слов таким передовым, не переставая излагать свои взгляды, отрывал куски тонкой лепешки-чапати, движением пальцев делал из нее что-то вроде со-

вочка и зачерпывал им карри. Получилось очень удобно: совсем, как ложка, но съедается вместе с рисом.

КОГДА НЕ БЫЛО ПАЛОЧЕК

А давно ли появились палочки? Очень давно. Так давно, что и записей об этом тогда еще не делали. Тем не менее сделана попытка выяснить, откуда они пошли. Видный этнограф Я. Чеснов, опираясь на гигантский запас знаний и интуицию, выдвинул гипотезу, согласно которой палочки развились из двух палок, которыми выхватывали из костра раскаленные камни. Камни потом бросали в горшок с пищей и, шипя, они отдавали ей свой жар. Так поступали в те времена, когда не умели делать жаропрочную посуду, которую можно ставить на огонь. Еще не очень давно такой способ можно было наблюдать на островах Меланезии в Южных Морях. Потом кто-то сообразительный понял, что маленькими палочками очень удобно брать пищу, не обжигая рук.

Возможно, появятся и другие теории. Сегодня же мы приводим с благодарностью чесночную, с предельной простотой и ясностью объясняющую сложнейший вопрос.

Но все-таки самый древний способ еды — использование собственной пятерни. Древний — да. Но отнюдь не самый примитивный. Ибо есть руками надо уметь. Надо знать, к примеру, что левая рука употребляется для нечистых дел, а бы сказал, глубоко интимного свойства; правая же рука сохраняет чистоту — ритуальную и физическую. Во всяком случае, ваши сотрапезники должны быть уверены, что вы не оскорбите своим прикосновением общее блюдо.левой же рукой, кстати, не следует брать хлеб, трепать по щечке или гладить по головке симпатичного малыша, которого вам представляют в гостеприимном доме.

А рука, которой вы едите, должна быть чистой, и вымыть ее прилично на глазах тех, кто намерен разделить с вами хлеб-соль (если уж быть точным: плов-лепешку). После еды у вас запачканы лишь кончики пальцев: их не трудно омыть. Но, конечно, лишь в том случае, если вы умеете есть руками.

Я, к примеру, этому так и не научился. И вовсе не потому, что относился к этому способу с подозрением: с тех пор, как я, не щадя живота своего, занялся исследованием систем питания во всем их разнообразии, никаких предрассудков у меня быть не могло — по определению. Кроме того, разве не берем мы рукой хлеб, пирожки, овощи и горячую жирную жареную куриную ножку?

Не научился я по собственной неспособности. И это было тем обиднее, что я освоил приготовление плова и, как говорят евские, неплохо. За этим я в свое время ездил в город Ходжент, тогда называвшийся Ленинабадом, и об этом рассказал на страницах нашего журнала. Но рассказ я завершил последним мне советом мастера Файзуллы, а что было

потом — не рассказал, потому что тогда это не входило в тему.

Так вот, мастер Файзулла, мой старый друг — местный краевед Рази, сдавший меня мастеру в ученики, и я уселся вокруг подноса, на котором дымилась парком и источала ароматы внушительная горка красноватого плова. Мастер кинула на плов взгляд художника, размышляющего, сделать ли последний мазок или он уже сделан, потом достал из ящичка алюминиевую ложку и протянул ее мне. Я благодарно кивнул: ложка мне была необходима.

— Зачем тебе этот металлолом? — иронически спросил Рази. — Весь вкус отобьет.

— Они без этого не могут, — снисходительно сказал мастер, — я сколько делегаций из центра обслуживал...

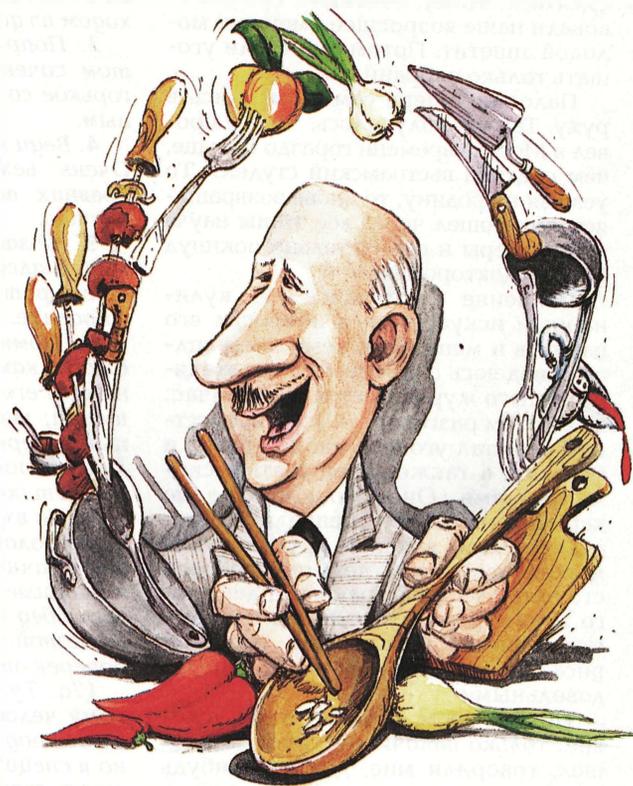
— Не могут, — насмешливо протянул Рази, — а я с этим не могу: я плов ем, я железо ем?

И он стал мне объяснять: ухвати кончиками пальцев кусочек мяса, потом формируй вокруг рис, и — в рот. Мастер, насмотревшись на делегацию из центра и, видимо, утративший веру в их способности к обучению есть по-человечески, хранил молчание. Но когда Рази, завершив теоретический курс, перешел к показу, мастер, коснувшись пальцами бороды, тоже протянул руку к плову. У обоих выходило очень изящно. Оба посмотрели на меня.

Я подтянул рукав и, ухватив кусочек мяса, попытался «формировать вокруг него рис». Рис не формировался. Кроме того, плов был весьма горяч. Сделав вид, что что-то получилось, я понес руку к устам. Несформированный рис шмякнулся о стол. Правда, немного его осталось, но, когда я хотел захватить это небольшое в рот, оказалось, что для этого мне надо или вывернуть кисть руки, или извернуть шею так, что не то что глотать, но и дышать я бы не смог. Как мне сейчас кажется, мне удалось совместить оба противоположных движения, ибо что-то во рту оказалось, но больше всего собственных пальцев. Сама же порция плова, для которой места не осталось, скользнула на ладонь. Оттуда я ее и слизал, высвободив руку из собственных зубов.

Больше меня учить не стали: плов мог безнадежно остыть. Я взял ложку. Мастер вздохнул. Рази отвел глаза, как бы не в силах смотреть на младенческий позор взрослого человека.

С пловом мы покончили довольно быстро. Я — с перемазанными руками, хозяева — с чуть-чуть залоснившимися кончиками пальцев.

Больше есть руками я не пытался: при одном воспоминании об этом у меня начинала ныть шея и немели кончики пальцев.

ТАК ГОВОРИЛ ТУ

С тех пор, как мы с Шэн Цзянпинном вкусили от щедрот «пекинских», прошло много лет. Шэн вернулся в Китай, стойко вынес бури культурной революции, трудясь не по специальности, но теперь работает профессором в Шанхае и снова побывал в Москве.

Ресторан «Пекин» благополучно въехал в свое специальное помещение, где и находится по сей день. До повышения цен я иногда захаживал туда, особенно, когда нужно было встретиться с гостями столицы и покормить их. Рука у меня больше не немеет, потому что палочки с ней сроднились.

Заслуга в этом моего вьетнамского друга Ле Суан Ту. Он тоже профессор, только в Ханое. Но когда мы познакомились, он только что приехал к нам в МГУ, где помещались Курсы вьетнамской молодежи, на которых экзотические тогда вьетнамцы осваивали азы русского языка. Мы же, комсомольцы-интернационалисты, помогали им в этом в свободное от основной учебы время. С Ту мы быстро и крепко подружились, и я иногда норовил провести у него время, даже предназначенное для других занятий. Благодарные вьетнамцы — особенно перед контрольными и зачетами по русскому — часто готовили нам скромный обед из подручных продуктов и доброжелательно смеялись, видя наши старания примостить палочки между пальцами. Че-

рез некоторое время они перестали смеяться: этому, очевидно, способствовали наше возросшее умение и молодой аппетит. Потом они стали угощать только избранных.

Палочки теперь сами ложились в руку. Так уж получилось, что Ту провел в Москве времени гораздо больше, чем средний вьетнамский студент. То уезжая на родину, то вновь возвращаясь, он прошел через все этапы научной карьеры и окончательно покинул Москву доктором наук.

Искренне восхищаясь его кулинарным искусством, я попросил его научить и меня. Тем, чему я научился, я надеюсь поделиться с читателями нашего журнала хотя и не сейчас: не об этом разговор. Освоив искусство Ту, я стал угощать своих друзей и близких, а также детей вьетнамскими обедами. Они были вполне по карману молодому специалисту: посудите сами, в какой другой кухне можно накормить четырех человек сто пятьдесят граммами дешевого мяса, тремя луковичками и тремя морковками? И, конечно, горсткой риса. Да так еще, что все остаются довольными.

Но при этом я ставил одно условие: только палочками! Ты с ума сошел, говорили мне, дай что-нибудь человеческое, хоть чайную ложку. Что это за обед журавля с лисицей!

Мой метод обучения прост и суров. Когда вы голодны, и вид блюд веселит глаза, а запах нос, но рядом с вами ничего, кроме палочек, вам ничего не остается, как научиться.

Дети это освоили просто и естественно. Потом у них родились свои дети, а те овладевали палочками одновременно с вилок и ножом. И глядя на малышку, орудующую палочками не хуже внуков Шэн Цзянпина и Ле Суан Ту, я испытываю чувство глубокого удовлетворения. Интересно, умеют ли маленькие Ле и Шэн пользоваться европейскими приборами? Во всяком случае, всем им, надеюсь, не будет казаться единственно «человеческим» свое, привычное.

Кстати, девочку Ксению мы учили так, как советовал наш дорогой учитель Ту. Когда ей и ее закадычному соотрапезнику мальчику Косте было лет по четыре-пять, мы устроили соревнование. Перед детьми поставили по две пиалы, в одной лежало десять фасолин, и нужно было палочками переложить их в пустую. Следя друг за другом, дети взяли в руки палочки и — первая же фасолина от спешки выскочила у обоих. А потом пошло. Свойственная мне объективность не позволяет сообщить, кто победил. Осталось научить их готовить, но для этого время еще есть.

И вообще за азиатским обедом мы помним слова уважаемого Ту и соблюдаем семь его указаний, данные им, когда он неоднократно руководил нами на месте.

Дорогой учитель Ту говорил:

1. Когда берешь из общего блюда, переверни палочки обратным концом.

2. Никогда не показывай, что ты голоден: ешь медленно, смакуя, как бы показывая хозяевам, что против

таких яств не устоит и сытый. (Если в себе не уверен, поешь перед выходом из дому.)

3. Попробуй всего понемногу, потом сочтай самые разные блюда: горькое со сладким, горячее с холодным.

4. Веди при этом учтивую беседу. Очень вежливо вспомнить стихи древних поэтов, приличествующие случаю.

5. Не забывай во время еды отпивать маленький глоток чая: он очищает рот и создает приятное настроение.

6. Помни, что суп — такое же блюдо, как и все остальные, у вьетнамцев его подают среди прочих кушаний; китайцы же считают нужным завершить им обед, — не удивляйся этому; всякий обычай заслуживает почтения.

7. Не вздумай, когда в конце обеда тебе положат рису, коснуться его: это значит, что ты голоден, и воспитанные люди тут же подадут весь обед снова. Вежливый человек с любезной улыбкой положит палочки поперек пиалы.

(7а. Тут вежливому и воспитанному человеку надлежит легко рыгнуть, подтверждая свою сытость, но в специфических условиях Европы этот совет неприменим, и мы приводим его на тот случай, если кто-нибудь из читателей отправится в Восточную Азию.)

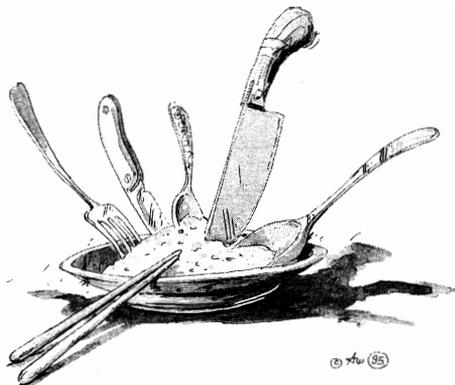
Мы следуем мысли: «Учиться у уважаемого Ту, следовать «семи хорошо» дорогого учителя Ту!» Этот путь — правильный путь.

СВЕТ УЧЕНИЯ

Однажды Ту позвонил мне в страшном волнении: в Москву прилетала его жена Ха, а он, засидевшись в лаборатории, не успел приготовить обеда к встрече.

— Значит, так, — взволнованно говорил Ту, — я купил мяса и курицу, но мне не успеть в аэропорт. А девочек никого нет — ни Бить, ни Нгы. Можешь ты приготовить что-нибудь простое: сау, мен-тао, а? Где все лежит, знаешь. За два часа справишься.

Я был польщен. Такое предложение свидетельствовало, по меньшей мере, о признании моих кулинарных способностей и доверии со стороны безусловного авторитета, каким был в моих глазах Ту. Я согласился. Но — в лучших конфуцианских традициях — просил быть ко мне снисходительным, не судить строго и больно не наказывать.

— Только рисухвати, но сам его не вари, — обрадовался Ту. — Ключ в 70-й квартире.

Когда супруги появились, я приветствовал их с должным смирением. В отличие от русской жены, Ха не стала подавать советов и критиковать все, сделанное мною, а также и общий порядок в квартире. Но ненавязчиво не позволила мне носить с кухни на стол.

Обед прошел прекрасно. Я ел с большим удовольствием.

Когда мы прощались, Ха очень благодарила меня. Она сказала, что теперь ей будет спокойнее, когда она знает, как я забочусь о ее одиноком в Москве и заброшенном муже. Она часто с грустью думала о том, что он вечно сидит голодный. Теперь эта печаль с нее снята.

Не успел я ответить, что лучшим во мне я обязан Ту, как она с ласковой улыбкой пояснила причину своих волнений.

— Ведь он же, бедняжка, ничего не умеет. Даже чаю заварить...

Так и не знаю до сих: может, это была вьетнамская вежливость?

СТРАХИ ДОКТОРА КРИШНАМУРТИ

То, что я рассказал выше, при всем разнообразии имеет одну общую черту: взгляд на разные привычки и обычаи с нашей, европейской точки зрения. Но, наверное, наши манеры кажутся странноватыми — а то и не очень приличными — людям других культур? Несомненно, но как узнать их точку зрения? Ведь даже самые экзотические чужеземцы, с которыми нам приходилось встречаться, получили европейское воспитание, или хотя бы образование. Да и свойственная восточным (особенно) людям деликатность не позволяет им делать свои замечания в наш адрес. (Этот недостаток деликатности у себя европейцы обычно почитают искренностью).

Поэтому с благодарностью я вспоминаю доктора Кришнамурти, нашего врача в Индии. Тот завтракал с нами редко (обычно вставал пораньше), но пользовался только ложкой. Решив, что застенчивый доктор стесняется взять полный прибор, я положил ему вилку. Доктор тихо поблагодарил, но вилку не взял. Я не стал приставать с расспросами.

Но доктор Кришнамурти сам решил расставить точки над «i». Он подождал, пока мы останемся одни.

— Спасибо вам, — сказал доктор, — но не стоило беспокоиться.

— Что вы, доктор, — добродушно отвечал я. — Я подумал, что вам неудобно.

— Нет, нет, — живо возразил Кришнамурти, и румянец пробился сквозь его черный загар. — Я знаю, что это такое, в университетской в столовой я видел эти вилки. Но я никогда не пользуюсь ими.

— Кастовый запрет? — бестактно спросил я с профессиональным интересом.

— Что вы, — смущенно сказал Кришнамурти, — никакого запрета. Просто мне все время кажется, что я проткну себе язык...